А.А. НЕЙХАРДТ

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
Ленинградское отделение

А. А. НЕЙХАРДТ

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Под редакцией
И. А. ШИШОВОЙ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

В книге дается обзор обширной литературы по изучению Скифского рассказа Геродота и связанных с ним проблем, накопленной за более чем двухвековой период изысканий отечественных ученых в этой области.

Книга рассчитана на историков, археологов и этнографов.

Рецензенты:
Э. Д. ФРОЛОВ, А. Н. ВАСИЛЬЕВ

Александра Александровна
Нейхардт

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА: В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *И. П. Палки*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Л. Б. Наместникова* и *Г. И. Суворова*

ИБ № 20494

Сдано в набор 15.07.82. Подписано к печати 29.11.82. М-41237. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. $7^{1}/_{2}$. Усл. печ. л. 12.60. Усл. кр.-отт. 12.86. Уч.-изд. л. 14.36. Тираж 8000. Изд. № 8023. Тип. зак. № 1608. Цена 95 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Н $\frac{0505010000\text{-}579}{042\,(02)\text{-}82}$ 50-82, кн. 1

© Издательство «Наука», 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе ставится цель дать обзор более чем двухвековых изысканий отечественных ученых по Скифскому логосу Геродота. Какие трудности связаны с подобного рода задачей, очевидно каждому, кто по роду своих интересов когда-либо сталкивался с проблемами древнейшей истории нашей страны. И судьбы античной цивилизации на берегах Понта Эвксинского, и истоки русской национальной истории так или иначе связаны с тем, до конца еще не познанным историческим явлением, которое носит общее название «Геродотова Скифия». Общеизвестно, что история скифов на протяжении всего существования отечественной исторической науки служила и служит объектом самых интенсивных и тщательных исследований. Кроме того, следует иметь в виду, что в течение всего времени круг вопросов, связанных со Скифским логосом, постоянно расширялся благодаря притоку все более разнообразных материалов и выработке новых приемов исследования. При этом привлекались новые археологические, лингвистические, эпиграфические и сравнительно-этнографические данные. И все же Скифский рассказ «отца истории» Геродота остается важнейшим историческим свидетельством, с которым соотносят и посредством которого объясняют все новые материалы, поступающие в распоряжение исследователей. Само свидетельство Геродота о Скифии, представленное его Скифским логосом, было и остается центральным сюжетом научных исследований, связанных со скифской проблематикой. Как известно, Геродот принадлежит к числу тех античных авторов, чьи труды являются предметом всестороннего изучения со стороны исследователей самых

различных направлений. В настоящее время трудно найти какую-либо часть труда Геродота или связанную с ним проблему, которые не вызвали бы появления в науке обширной специальной литературы. В полной мере это относится и к Скифскому логосу — этому совершенно уникальному по своей цельности и сохранности источнику по древнейшей истории юга нашей страны. В изучении Скифского рассказа заслуги отечественных ученых трудно переоценить — их исследования по этой теме образуют в науке особый и специфический комплекс, обусловленный его неразрывной связью с отечественной историей. Поучительно проследить пути развития штудий по Скифскому логосу в России, а затем в СССР, показать те направления, которые были заложены учеными начиная с XVIII в., и развитие этих направлений последующими поколениями русских исследователей, дать представление о тех трудностях, которые неизбежно возникали на пути ученых, поставивших перед собой нелегкую задачу разобраться в бесконечных сложностях и противоречивых свидетельствах Скифского рассказа Геродота, на первый взгляд такого кристально-ясного и зачастую наивно-непосредственного. Скифский логос является ярким примером искусства Геродота как историка-рассказчика, который мастерски и вполне естественно вплетает в историю Персидской державы повествование о Скифии, ее обитателях, их обычаях, происхождении, достопримечательностях и соседних племенах. Этот красочный стиль изложения и снискал Геродоту еще в древности славу рассказчика занимательных историй, хотя наряду с яркими новеллами в его труде встречаются и страницы, написанные в стиле блестящей и строгой ионийской научной прозы.[1] Эта увлекательность, блеск и кажущаяся простота Скифского логоса и послужили почвой, с одной стороны, для чрезмерного доверия к тем или иным свидетельствам, содержащимся в труде Геродота, а с другой — для яростного отрицания достоверности всех его сообщений. Основой для этого отрицания явилось большое количество противоречивых фактов, которые приводит историк в своем труде. Рассмотрение основных научных положений, гипотез, направлений, по-

[1] Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 10.

рожденных в отечественной научной литературе Скифским логосом Геродота, и составляет задачу автора настоящей работы. Основой для нее послужил очерк, посвященный роли Скифского логоса в отечественной историографии, и материал Комментариев для выпуска «Народы нашей страны в „Истории“ Геродота (Свод древнейших иноязычных источников по истории народов СССР)», в составлении которых принимал участие автор. Прослеживая развитие и состояние проблем, связанных с изучением Скифского логоса, а в связи с этим касаясь и тех работ, в которых привлекаются свидетельства Геродота, автор не ставил себе целью охватить всю имеющуюся на сегодняшний день литературу. Это задача столь же грандиозная, сколь и непосильная. Но показать основные положения штудий, связанных со Скифским логосом, направления, по которым развивается советская наука, изучающая геродотову Скифию, продемонстрировать характерные для ее исследователей поиски, успехи и просчеты — все, что и составляет поступательное движение науки, подвести всему этому своего рода итоги — такая попытка и является целью этой работы.

РАЗДЕЛ 1

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Глава 1

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII И НАЧАЛА XIX в.

Имя Геродота встречается в литературной традиции Древней и Московской Руси несравненно реже, нежели имена других античных авторов. В этом отношении весьма показательно, что первый перевод труда Иосифа Флавия «История Иудейской войны» был сделан с греческого в XV в.,[1] тогда как Геродот впервые был переведен на русский язык (и то не с греческого подлинника, а с немецкого перевода) Андреем Нартовым в 1763—1764 гг. Первый же перевод четвертой книги Геродота с древнегреческого языка (а не всего его труда), сделанный А. Огинским, вышел в свет только в 1819 г.[2] Объяснение этому на первый взгляд странному отношению к «отцу истории», чей труд тесно связан с древнейшим периодом существования нашей страны, Д. С. Лихачев находит в характере исторического пути развития русской литературы X—XV вв. По его мнению, в средние века все искусства, в том числе и литература, носили прикладной характер.[3] С этими соображениями совпадают

[1] См.: Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 6 сл. (отмечена привлекательность труда Иосифа Флавия для русских книжников, заимствовавших оттуда отдельные сюжетные детали и описания боевых действий); Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

[2] Нартов А. Иродота Аликарнасского повествования в девяти книгах. 1—3. СПб., 1763—1764; Огинский А. Четвертая книга Иродотовой Истории, названная Мельпоменою. СПб., 1819.

[3] Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973.

и наблюдения И. Хойзинга — автора монографии, посвященной истории западноевропейской литературы в средние века.[4]

С этой точки зрения Геродот как автор классического времени расцвета полисной государственности не мог выдержать соперничества с другими античными писателями и более раннего и более позднего периода; он не мог подобно Гомеру импонировать вкусам людей Древней Руси, воспитанным на фольклорных традициях дописьменного периода; не мог найти себе, разумеется, применения и при отправлении богослужебных потребностей христианской церкви и, кроме того, совершенно не соответствовал политическим настроениям и устремлениям того времени.

По мере того как расширялись знания русских людей об античном мире, русские авторы XVI—XVII вв. все чаще начинали обращаться к произведениям античных философов и историков, используя античное наследие в современной им политической публицистике.[5] Среди прочих историков древности все большее внимание стал привлекать Геродот, у которого русские авторы искали сведений о древнейших временах отечественной истории. Для этого периода характерно произведение московского стольника Андрея Лызлова, написанное в 1692 г.[6] Судьба этого сочинения сложилась не совсем обычно. В течение многих десятилетий оно существовало лишь в рукописных списках (в настоящее время насчитывается 26 списков этого труда). Только в 1776 г. «Скифская история» А. Лызлова в неполном виде была издана известным общественным деятелем и писателем Н. И. Новиковым. В 1787 г. Новиков повторил это издание, опубликовав сочинение Лызлова уже целиком.

---

[4] Huizinga J. The Waning of the Middle Ages, 1965, p. 233f.

[5] См. подробнее: Фролов Э. Д. Очерки по античной историографии. Л., 1967, с. 34 сл.

[6] Чистякова Е. В. Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история». — Вестн. истории мировой литературы, 1961, № 1, с. 117 сл. (сводка основной литературы по А. И. Лызлову; ср.: Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 38. А. Старчевский (см.: Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845) считает А. Лызлова не стольником, а смоленским священником. Мнение это разделяет также и С. А. Семенов-Зусер (см.: Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Ч. 1. Харьков, 1947, с. 11, примеч. 4).

У Н. И. Новикова были все основания так поступить. Широтой охвата темы и количеством использованных при ее разработке источников труд Лызлова выгодно отличался от других трудов исторического содержания, появлявшихся до него в России. Поставив своей целью описание истории борьбы и взаимоотношений России и ее западных соседей с татарами и турками, автор «Скифской истории» использовал весьма широкий круг первоисточников, а также отечественную и зарубежную литературу. Ему были хорошо известны летописи — Никоновская, Львовская, так называемый «Засекин Летописец» (не дошедший до нашего времени) и др. Использовал он и Степенную книгу, пользовался хронографами разных редакций, Синопсисом и многочисленными повестями («Повесть о турках», «Повесть о Махмете», «Повесть о Царьграде» из хронографической редакции Нестора-Искандера, «Повесть о взятии Казани»), большей частью заимствованными им из летописной традиции.

Не менее хорошо был осведомлен А. Лызлов и в западной историографии. Ему были известны также труды польских и литовских хронистов XV—XVI вв. — «История Польши» Я. Длугоша, «Хроника всего мира» М. Бельского, «Трактат о двух Сарматиях» М. Мехевского, «Хроника польской, литовской, жмудской и всея Руси» М. Стрийковского, «История Сарматии Европейской», составленная итальянцем А. Гваньини, служившим при дворе Стефана Батория. В «Скифской истории» встречаются также ссылки на труды, написанные на латинском языке, например И. Ботера и Ц. Бароний, и сочинения приезжавших в Россию иностранцев — Герберштейна и др. Лызлов не пользовался услугами переводчиков, а нужные ему фрагменты переводил сам с польского, латинского и валашского языков, сочинение же С. Старовольского «Двор цесаря турецкого», изданное в 1649 г. в Кракове на польском языке, он перевел полностью.

Своему знакомству с античной традицией Лызлов был обязан главным образом западным историкам. В этом отношении весьма показательно, что, ссылаясь на свидетельства античных авторов, он сплошь и рядом приводит здесь же имена писателей своего времени, из произведений которых эти ссылки были заимствованы. Так, например, давая ссылку на Диодора Сицилийского, он тут же

упоминает «Хронику» М. Стрийковского, откуда эта ссылка, очевидно, и была взята. Помимо Диодора, в «Скифской истории» упоминаются и пересказываются свидетельства Геродота Юстина, Курция Руфа. Этот последний был для Лызлова, по-видимому, непосредственным источником, поскольку в его труде встречаются прямые ссылки на Курция Руфа. Чтобы оживить изложение, Лызлов иногда использовал и античных поэтов (Гомера, Вергилия, Овидия).

Античные авторы были необходимы Лызлову для совершенно определенной цели: обоснования его тезиса о происхождении татар и турок от древних скифов. Сформулировав это положение в начальной части «Скифской истории», в особом небольшом разделе, озаглавленном «О названии Скифии и границ ея, и о народех скифских, названных монгаилах и прочих; и о амазонах, мужественных женах их; и киих татар суть сии татарове, иже в Европу приидоша», Лызлов больше к этому вопросу не возвращался. Все последующее содержание его труда целиком и полностью было посвящено подробному (с цитатами и пересказами из используемых Лызловым источников) изложению истории взаимоотношений европейских народов, в первую очередь, конечно, народа русского, с татарами и турками, начиная с появления их на исторической арене и по XVII век включительно. Название «Скифская история», таким образом, оказалось весьма условным. Эта история не была бы «скифской», если бы ее автор не считал татар и турок потомками скифов. При таких обстоятельствах вряд ли существуют основания называть труд А. Лызлова «первым известным нам сочинением о скифах в отечественной литературе», как это делает С. А. Семенов-Зусер.[7]

Такие произведения появились несколько позже, причем в прямой связи с преобразованиями петровского времени, существенно затронувшими и область исторической науки. Известного рода сдвиг в отношении к древней истории, а следовательно, и к Геродоту и другим античным авторам с достаточной четкостью наметился уже в «Записке о славянах» Г. В. Лейбница, полученной непосредственно из его рук русским посланником в Вене бароном Урбихом. Оживленная переписка с этим прослав-

---

[7] Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема..., с. 11.

лешным философом и крупнейшим ученым своего времени, как известно, завязалась по инициативе самого Петра I, проявлявшего большой интерес к истории и литературе античного мира. Конкретно в переписке с Лейбницем Петра интересовала проблема происхождения славян, которой он придавал большое значение. У Лейбница на этот счет сложилось совершенно определенное мнение. В работе «Brevis designatio meditationum de originibus gentium ductis potissimum ex indicio linguarum», вышедшей в издании Берлинской Академии наук в 1710 г., Лейбницем было высказано предположение о генетической связи между древними сарматами и славянами. Еще до этого, в 1708 г., в письме к Урбиху он писал: «Под сарматами я разумею все славянские племена, которых древние называли сарматами, прежде чем стало известным название славян или славов».[8] Видимо, отдавая себе отчет, что это высказывание является пока лишь гипотезой, Лейбниц в «Записке о славянах», где он развивал ту же мысль, предложил для разрешения проблемы происхождения славянских народов обратиться к античным писателям, и в первую очередь, конечно, к Геродоту как автору наиболее древнего и наиболее обстоятельного этнографического описания современного ему Причерноморья. Известно, что Лейбниц предполагал принять непосредственное участие в этой работе, но смерть помешала его намерениям.

Однако проблема происхождения славян, разрешение которой мыслилось путем использования данных античной традиции, уже будучи поставленной, продолжала существовать. За разработку ее в плане конкретных научных исследований взялся Готлиб Зигфрид Байер, приглашенный в 1725 г. русским правительством в только что основанную Петербургскую Академию наук. Нельзя не отметить, что Байер как нельзя лучше был подготовлен к исследовательской работе над такого рода темами. Овладев в совершенстве греческим и латинским языками еще в Кенигсбергском университете, он продолжил свое образование в Берлине, Галле и Лейпциге, занимаясь классической филологией и античной историей у виднейших ученых того времени. Одновременно он заинтересо-

[8] См.: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873, с. 210 сл.

вался литературой и историей Востока и в этой связи изучил еврейский и даже китайский языки. В 1715 г. он защитил диссертацию, в 1717 г. получил в Лейпцигском университете ученую степень магистра. К этому времени он стал признанным специалистом в области классической филологии и античной истории, а также в области ориенталистики и археологии. Его работы печатались в таком широко известном и авторитетном органе, как лейпцигский журнал «Acta eruditorum».[9]

В Петербург он приехал в 1726 г. уже вполне сложившимся ученым, располагавшим огромной эрудицией, способным к скрупулезному анализу источников. Для исследовательских приемов Байера были характерны точность научных доказательств и строгость научной критики. Хотя с современной точки зрения некоторые его лингвистические и исторические наблюдения, сопоставления и выводы представляются наивными, но для своего времени он был полноценным представителем только еще зарождавшегося в Европе критического передового направления.

На протяжении 12 лет своей работы в Петербургской Академии наук (до самой своей кончины, последовавшей в 1738 г.) Байер сделал чрезвычайно много: опубликовал большое число научных статей самого разнообразного содержания (они печатались в издаваемых на латинском языке «Комментариях»); написал несколько работ, изданных в «Записках» Академии наук.[10]

В число этих работ вошли и семь статей, посвященных древним обитателям нашей страны: скифам, киммерийцам, гипербореям. Все они были опубликованы в период с 1726 по 1739 г. в «Комментариях Академии наук» и только две в дальнейшем переведены с латинского на русский язык.[11] Это были первые в России подлинно

[9] Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 54.

[10] Bayer Th. S. 1) Historia Osroena et Edessena ex numis illustrata. Petropoli, 1734; 2) Historia regni Graecorum Bactriani cts. Petropoli, 1738; 3) Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1738. Статьи весьма разнообразного содержания печатались чуть ли не во всех выпусках «Commentarii» Академии наук всех этих лет; ср.: Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870, с. 194 сл.

[11] 1) De origine et priscis sedibus Scytharum, 1. [SPb.], 1728, p. 385—399; 2) De Scythiae situ qualis fuit sub aetatem Herodoti, 1.

научные исследования по северочерноморской тематике, и Геродот в них занимал подобающее ему место.

Первой из работ, в которых Байер занимался скифской проблемой и тщательным анализом свидетельств, содержащихся в «Скифском рассказе» Геродота, и была статья «De origine et priscis sedibus Scytharum». В ней Байер попытался внести ясность в вопросы происхождения, расселения северочерноморских племен в античное время и историю их взаимоотношений с прибрежными городами греков. Из нескольких приводимых Геродотом версий о происхождении скифов (IV, 5—13) Байер останавливается на той, которой сам Геродот более всего доверяет: Ἔστι δέ καὶ ἄλλος λόγος ἔχων ὧδε, τῷ μάλιστα λεγομένῳ αὐτὸς πρόσκειμαι (IV, 11, 1).

Согласно этой версии, скифы пришли в Европу из Азии, будучи вытесненными оттуда массагетами. Основываясь на ней, Байер пришел к выводу, что скифов нельзя связывать со славянами, которых он сам представлял как автохтонов. Потомками скифов, по его мнению, были финны, ливы, эсты. Хотя с точки зрения современных научных представлений этот последний вывод Байера выглядит весьма произвольным и звучит неубедительно, его исследования для своего времени были образцом критического подхода к источникам. Однако эта статья Байера не оказала сколько-нибудь существенного влияния на дальнейшее изучение Геродотовой Скифии. Вторая же его работа — «De Scythiae situ, qualis fuit sub aetatem Herodoti», целиком основанная на геродотовых свидетельствах, по праву должна быть признана первым серьезным исследованием Скифского рассказа Геродота. Прежде всего, Байер дал высокую оценку IV книге Геродота, благодаря которой наука получила описание Скифии в геродотову эпоху. Значительное внимание Байер уделил рекам Скифии, положив в основу данные Геродота и добавив сведения, которые встречаются у других древних авторов. Правда, Байера следует упрекнуть в излишней смелости при идентификации трудно определяемых по описанию Геродота рек (так, например, он искал реку Пантикап в бассейне р. Самары, а в геродотовом

[SPb.], 1728, p. 400—424. Переведенные на русский язык, эти статьи были опубликованы в «Кратком описании Комментариев Академии наук» (ч. 1, СПб., 1728, с. 125—138; 139—166).

Араксе видел исключительно Волгу). Однако при локализации племен, упоминаемых Геродотом, Байер широко использовал существовавшие в его время карты, и поэтому его построения представляются более точными, нежели Целлария, который еще в самом начале XVIII столетия выпустил первый серьезный труд, посвященный свидетельствам Геродота о Скифии и прилегающих к ней странах.[12] Несомненно, Байер хорошо знал труд Целлария и в своих исследованиях опирался на его выводы. Предложенная Байером схема размещения скифских и нескифских племен представляла собой первую научно обоснованную попытку прикрепить данные Геродота о реках, территории и племенах Скифии к реальной карте Восточной Европы. С выводами Байера вынуждены были считаться авторы всех последующих работ о геродотовой Скифии и соседствующих с ней странах, иногда принимавшие его соображения в целом, иногда отвергавшие его в ряде случаев произвольные или недостаточно аргументированные построения.

Не подлежит сомнению, что в исследовании Байера были неизбежны и неточности, и ошибочные утверждения. Однако ни в коей мере не приемлема та резко отрицательная оценка роли Байера в развитии науки о скифах, которая была в свое время высказана С. А. Семеновым-Зусером.[13]

В своей работе Семенов-Зусер по существу не упоминает о значении статьи Байера «De Scythiae situ...». А между тем в ней были заложены основы изучения исторической географии Скифии по Геродоту. Многие из

---

[12] Cellarius Christophorus. Notitia orbis antiqui. Lipsiae, 1701—1706. В этой работе, написанной известным ученым того времени Христофором Келлером, профессором университета в Галле, впервые была сделана попытка отождествить реки, названные у Геродота, с ныне существующими. При этом следует отметить, что автор был особенно осторожен при идентификации таких рек, как Пантикап, Герр и Гипакирис, названных у Геродота, вопрос о которых дискутируется в науке до наших дней.

[13] См.: Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема..., с. 12—14. Перечисляя разнообразные «грехи» Байера, Семенов-Зусер инкриминирует ему печатание работ на латинском языке, забывая, что для того времени латинский был международным языком науки, на котором были написаны и многие труды М. В. Ломоносова.

предложенных Байером гипотез, касающихся упомянутых у Геродота скифских рек, до сих пор бытуют в научной литературе. Труды Байера вообще способствовали развитию русской науки о скифах. Однако, как известно, Байеру не повезло в том отношении, что и те из его научных заслуг, которые представляются совершенно бесспорными, не всегда получали должную оценку в нашей исторической литературе. На то были особые причины, поскольку за Байером утвердилась печальная слава родоначальника псевдонаучной, так называемой норманской теории. Занимаясь ex officio древнейшим периодом русской истории, он не знал русского языка, замена же русских первоисточников иностранными, в частности скандинавскими, толкнула его на ложный путь. Научная несостоятельность построений Байера была ясна уже современникам — В. Н. Татищеву и М. В. Ломоносову, однако борьба против этой теории, как известно, растянулась более чем на два века. Скорее всего лишь одним полемическим пылом в связи с выступлением против норманской теории можно объяснить незаслуженно уничтожающую характеристику, данную Байеру академиком М. Н. Тихомировым: он назвал Байера «бездарным и малоразвитым воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам».[14]

Гораздо более правильная позиция в этом вопросе была занята В. К. Яцунским. Не менее решительно, чем М. Н. Тихомиров, выступая против норманской теории, он тем не менее положительным образом оценивал роль Байера в развитии исторической науки. По его мнению, Байер был ученым исключительно широкого диапазона, занимавшимся многими, и притом весьма мало связанными друг с другом сюжетами. Того, что может быть названо общей концепцией, у него при таких условиях, естественно, быть не могло. В каждом из своих исследований он шел своим особым путем, подсказанным особенностями источников.[15]

Норманская теория была изложена и обоснована Байером в трех его небольших работах: «De varagis»,[16] «Ori-

[14] Тихомиров М. Н. Русская историография XVIII века. — Вопр. истории, 1948, № 2, с. 95.

[15] Яцунский В. К. Историческая география. М., 1955, с. 219 сл.

[16] Commentarii, IV, p. 331—369.

gines russicae» [17] и «Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter».[18]

Вряд ли взгляды, высказанные в этих работах по поводу варягов, в какой-либо мере могли повлиять на достоинства трудов Байера, посвященных истории Эдессы, Греко-бактрийского царства или Азова. Прямого влияния норманской теории не ощущается даже и в его исследованиях в области северочерноморской этнографии, хотя этого рода тематика стояла гораздо ближе к варяжской проблеме.

Небезынтересно отметить, что известного рода двойственность в отношении к Байеру была присуща уже его современникам. Так, В. Н. Татищев, например, не останавливался перед прямыми обвинениями Байера в нарочитой тенденциозности. «Он же с избытком к умножению прусских, а и к уничижению русских древних владений пристрастным себя показал»,[19] — писал В. Н. Татищев, имея в виду взгляды Байера на историческую роль скандинавов. Беда Байера, по его мнению, заключалась в том, что тот хотя и «много читал и твердую память имел, но ему русского языка, следственно русской истории, недоставало». Не помогли Байеру и переводы, ибо то, что ему переводили, было «неполно, и неправо».[20]

С другой стороны, тот же Татищев называл Байера «преславным писателем» и «преученым профессором», труды которого ему «многое неизвестное открыли».[21] Это и побудило его широко использовать исследования Байера в «Истории Российской». Главы 16-я, 17-я, часть главы 24-й (§ 6—20) и вся глава 32-я, как это следует из их заголовков, с некоторыми сокращениями были заимствованы им у Байера. Во всех этих главах (исключая 32-ю, посвященную варягам), как и в главах 11-й («Скиф имя и обитание»), 12-й («Сказание Геродота

[17] Ibid., VIII, p. 388—436.
[18] Ibid., X, p. 371—419.
[19] Эти высказывания Татищева приводятся Л. В. Черепниным (Русская историография до XIX века. М., 1957, с. 191). Можно привести много критических замечаний Татищева, уличавшего Байера в ошибках, вызванных его незнанием русского языка и русской истории (История Российская, т. 1. М.; Л., 1962, с. 137, 158, 180, 201, 225 сл.).
[20] Татищев В. Н. Указ. соч., с. 229.
[21] Там же, с. 90, ср. с. 93.

Иелиокарпасского о скифах, сарматах и прочих»), 18-й («Остатки скиф, турки и татара»), 19-й («Разность скифов и сармат») и 24-й («О кимбрах или цимбрах и киммерах») ссылки на Геродота чрезвычайно часты. Можно сказать, что основным источником для всех этих глав является Геродот. Свидетельства его пересказываются, разбираются, сопоставляются с показаниями других авторов (античного и более позднего времени). В тщательности этой работы В. Н. Татищев пошел по стопам Байера, во многих же случаях просто повторял его заключения.

Полностью присоединился В. Н. Татищев и к мнению Байера о происхождении славян, вместе с ним полагая, что между переселившимися из Азии в черноморские степи скифами и сарматами и славянством не могло быть никаких генетических связей. Эти три народности определяются как «весьма во всем разные, и един с другим в происхождении и языке единства, кроме соседства, не имели».[22] Правда, В. Н. Татищеву не чужда мысль (высказанная им в недостаточно ясной форме в главе «Скиф имя и обитание»),[23] что термин «скиф» в словоупотреблении античных авторов имел собирательное значение. Тем не менее не только на сарматов, но и на ассимилировавшихся с греческими колонистами каллипидов этот термин он не распространял.[24] Согласно представлениям Татищева, в эпоху Геродота как скифы, так и отличные от них сарматы сосуществовали со славянами. Славян этого времени Татищев отождествлял с алазонами, которые «по Геродоту, жили на западной стороне Днепра при вершине Ингула, его же Амаксампей именуют».[25] В подтверждение своего взгляда на алазонов он ссылается на Иоакима: «Иоаким, гл. 4, § 4, толкует, что сии славяне, и имя греческое тоже славяне значит».[26] Славянами В. Н. Татищев считал и андрофагов; они — «особый народ от скиф и к сарматам их не причитает».[27]

Татищев, так же как и Байер, таким образом, проявлял интерес к Геродоту в прямой связи со своими

---

[22] Там же, с. 130.
[23] Там же, с. 132.
[24] Там же, с. 143, § 7.
[25] Там же, с. 143, § 8.
[26] Там же, с. 143, § 8.
[27] Там же, с. 143, § 11.

попытками разрешить при помощи его актуальную в то время проблему славянского этногенеза.

Те же интересы привели к Геродоту и М. В. Ломоносова. Он не был профессиональным историком в обычном понимании этого слова, но не мог остаться в стороне от исторической науки. М. В. Ломоносов придавал истории не меньшее значение, чем физике, химии и литературе, так как полагал, что занятия историей способны привести больше, чем что-либо другое, к выработке национального самосознания.[28] При этом не следует забывать, что он хорошо знал классические языки, поэзию и литературу еще со времени своего пребывания в Московской славяно-греко-латинской академии.

Непосредственной причиной, породившей у М. В. Ломоносова интерес к античной традиции, отразившей древнейший период в исторической жизни нашей страны, был его спор с Г. Ф. Миллером. М. В. Ломоносов решительно выступил против выдвинутого и диссертации Г. Ф. Миллера тезиса о норманском происхождении Руси и сравнительно позднем появлении славян на тех территориях, которые потом стали считаться исконно славянскими.[29] Здесь и понадобились М. В. Ломоносову свидетельства Геродота и других античных авторов. Опираясь на эти свидетельства, он обосновал свой контртезис, сводившийся к утверждению, что прямыми предками населявших позднее восточную часть Европы народов были геродотовские скифы и сарматы: от скифов произошли финны, эстляндцы и лифляндцы, от сарматов — славяне. Само слово «Русь» М. В. Ломоносов по созвучию (такие приемы в XVIII в. были весьма приняты) выводил от имени сарматского племени роксоланов. Стремясь расширить свою аргументацию, он сближал имя царя Колаксая из сообщаемой Геродотом легенды

---

[28] Греков Б. Д. Ломоносов-историк. — Историк-марксист, 1940, № 11, с. 18—34; Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 191; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. II. Л., 1965, с. 164 сл.; Васецкий Г. С. Мировоззрение М. В. Ломоносова. М. 1961.

[29] Обсуждение диссертации (или «торжественной речи») на тему «Происхождение имени и народа российского» началось в 1749 г. — см. примечания В. Р. Свирского к VI тому «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова (1952, с. 546 сл.). О значении этого выступления см.: Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 193; Пештич С. Л. Указ. соч., ч. II, с. 175.

о происхождении скифов (IV, 5) с созвучным ему финским словом, в буквальном переводе означающем «огонь бегущий». Таким же образом он толковал и другие скифские слова, извлеченные им из геродотовского текста, сближая их «с речениями, у нынешних Чудских народов употребительными».[30] Конечный свой вывод М. В. Ломоносов сформулировал следующим образом: «Понеже народ Российский с народом Роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неоспоримо есть, что Российский народ имеет свое происхождение и имя от Роксолан древних».[31] Таким образом, М. В. Ломоносов явился родоначальником теории, согласно которой Русь происходила непосредственно от роксоланов.[32]

Взгляд этот и выдвинутая в его обоснование аргументация, конечно, в наше время уже не могут звучать убедительно. Тем не менее основная мысль М. В. Ломоносова о появлении в Восточной Европе племен, генетически связанных с позднейшим славянством еще в глубокой древности, и зарождении у этих племен первых признаков государственности задолго до варягов, безусловно, может найти подтверждение и в тех данных, какими располагает современная наука.

Геродот и другие античные писатели служили в качестве источников еще нескольким авторам исторических трудов второй половины XVIII в. при освещении ими наиболее раннего периода отечественной истории. Так, скифскую проблему затрагивал В. К. Тредиаковский в своих «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских». Скифов он объявил прямыми предками славян на основании так называемого «сходственного звона», т. е. совпадения по звучанию известных из античной традиции этнических наименований со словами славянского и русского языка. Так, имя геродотовских скифов, по мнению В. К. Тредиаковского, произошло от русского слова «скитания», что, по его мнению, отражало и их кочевой образ жизни; название геродотовских исседонов он переводил как «ищедомы», а массагетов — «ме-

---

[30] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VI. М.; Л., 1952, с. 199.

[31] Там же, с. 29.

[32] За ним в дальнейшем последовали И. Е. Заболин, Д. И. Иловайский и др.

сточеты».[33] Несостоятельность и наивность таких объяснений, по-видимому, была ясна уже современникам В. К. Тредиаковского.[34]

Использовал античную традицию и М. М. Щербатов. Он был знаком с историей Древней Греции и Рима и нередко иллюстрировал некоторые из своих преимущественно теоретических высказываний примерами из истории Афин, Спарты, Ахеменидовской Персии, республиканского и императорского Рима. Свидетельства Геродота и других античных авторов послужили Щербатову источниками для начальной части его «Истории Российской от древнейших времен».[35] По существу Щербатов просто пересказывал эти свидетельства и, следует отметить, без малейших признаков критической оценки всех данных. Впрочем, ни скифов, ни сарматов он к предкам славян не относил. Столь волновавший предшественников М. М. Щербатова вопрос в его работе, таким образом, оставался открытым.

В трудах И. Н. Болтина, носивших не столько конструктивный, сколько полемический характер,[36] темы, связанные с использованием античной традиции, затрагивались лишь бегло. Излагая свой взгляд на славянский этногенез, И. Н. Болтин в «Примечаниях на истории древния и нынешния России г. Леклерка» писал следующее: «Ежели сие есть правда, что готы пришли в Швецию из России, от скифов и гуннов быв вытеснены, то немудрено остаться здесь из них части, которая, смешивается с сарматы или цимбры, составила племя русов».[37] Вопреки тем требованиям, какие сам И. Н. Болтин предъявлял к историку, эти рассуждения не сопровождались ни ссылками на источники, ни разбором их. Кстати ска-

[33] Тредиаковский В. Сочинения/ Под ред. Смирдина. Т. III. СПб., 1849, с. 30, 35; Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. II. СПб., 1873.

[34] См.: Пыпин А. Обзор русских изучений славянства. — Вестн. Европы, 1884, т. III, с. 210 сл.

[35] Щербатов М. М. Сочинения, т. 1. СПб., 1896, с. 386; ср.: Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века, с. 222 сл.; Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема..., с. 20 сл.

[36] См.: Пештич С. Л. Указ. соч., ч. III. Л., 1971, с. 49 сл. (сводка литературы о И. Н. Болтине); ср.: Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 235 сл.

[37] Болтин И. Н. Примечания на истории древния и нынешния России г. Леклерка. Т. 1. СПб., 1788, с. 17.

зать, ни в одном из источников нет свидетельства о переселении готов в Скандинавию. Что же касается предполагаемой И. Н. Болтиным ассимиляции оставшихся готов с сарматами или «цимбрами», т. е. кимврами, то уже В. Н. Татищеву было ясно, что это германское племя, вторгшееся в конце II в. до н. э. на контролируемую римлянами территорию, никакого отношения к Северному Причерноморью не имело.[38]

Таким образом, утверждение И. Н. Болтина, что «племя русов» является автохтонным, не доказывалось, а лишь декларировалось. По сравнению с трактовкой тех же вопросов у Байера и Татищева взгляды Болтина, бесспорно, представляли собой шаг назад. В. О. Ключевский, называя этнографические разыскания И. Н. Болтина «тщетными» и критикуя его метод, писал: «Он поступил с этим этнографическим столпотворением больше по-военному, чем по-ученому. Он разделил эти народы на четыре дивизии: на скифов-татар, гуннов-калмыков, сарматов-финнов и славян, и между ними распределил прочие племена сомнительного происхождения. Литву, ятвагов и самих варягов поверстал в сарматы, киргизов зачислил в скифы, даже козар нашел возможным произвести в славяне. Только перед русскими он остановился было в раздумьи, но потом и их откомандировал к кимврам, т. е. к тем же сарматам».[39]

Можно полагать, что и сам Болтин, будучи крупным ученым, оставившим заметный след в историографии, в той или иной степени не мог не сознавать ограниченности своих возможностей в области изучения древнейшего периода отечественной истории, которая, кстати сказать, никогда и не находилась в центре его внимания. В тех же «Примечаниях» к Леклерку он сам откровенно признавал, что считает бесполезным «далее Рюрика возводить нашу историю и терять время в тщетных разысканиях».[40]

Весьма скептически отнесся к разрешению тех же проблем и А. Шлецер. Скифский рассказ Геродота, по

---

[38] Татищев В. Н. Указ. соч., с. 263 сл.

[39] Ключевский В. О. 1) Сочинения, т. VIII. М., 1959, с. 158, 171, 172 (см. там же, с. 159, где отмечается большое влияние И. Н. Болтина на развитие отечественной историографии); 2) Очерки и речи. Второй сборник статей. Пгр., 1918, с. 188.

[40] Болтин И. Н. Указ. соч., с. 17.

его мнению, мало чем мог помочь их разрешению. «Странствующий Геродот, — писал он, — слышал от скифов такие вещи, которые случались у них за 1000 лет до нашествия Дария; с великим терпением слушал он эти сказки (верно, еще с помощью толмача) и внес их в свой дневник: а наши ученые ломают над ними голову».[41] Исходя из подобной оценки степени надежности Геродота, А. Шлецер пришел к полному отрицанию каких бы то ни было генетических связей между славянскими и геродотовскими скифами и сарматами. Он считал, что «наконец и прежде всего — должны русские отстать от скифов и сарматов».[42]

Если учесть особенности научных воззрений А. Шлецера, то этот его скептический вывод отнюдь не должен выглядеть неожиданным. На протяжении всей своей исследовательской деятельности он неуклонно следовал принципу «ignorare malim quam decipi».[43] Всякое вторжение в область древней этнографии — сложной и запутанной, с его точки зрения, было рискованным. Не в характере А. Шлецера, воспитанного на приемах строгого текстологического анализа, было заниматься такого рода вопросами. По его собственному выражению, для него предпочтительнее были «шестьсот лет подлинной истории, чем три тысячи лет сказок и басен».[44]

В венчающей русскую историографию XVIII в. «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина древнейшему периоду посвящена в первом томе особая глава под заголовком «О народах издревле обитающих в России». Геродоту в этой главе отводится едва ли не главное место, хотя в ней упоминаются и пересказываются и другие античные писатели — Эфор, Страбон, Плиний, Помпей Трог. В географическом описании Северного Причерноморья автор «Истории» полностью следует за Геродотом. Столь широкое использование исторических, этнографических и географических данных, содержащихся в античной традиции, не сопровождается, однако, у Карамзина критической их проверкой; все они безого-

---

[41] Шлецер А. Нестор. Русские летописи на древнесловенском языке. Ч. 1. СПб., 1809, Введение, отд. II, с. НВ, примеч.

[42] Там же, с. 423.

[43] Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, 155.

[44] Там же, с. 156 сл.

ворочно принимаются на веру. Речь тут идет не только об основном тексте, в котором Н. М. Карамзин, следуя принятой им стилистической манере, обычно не выходит за рамки прагматического, подвергнутого тщательной литературной обработке повествования, но и о примечаниях. Хотя примечания в труде Карамзина играют значительную роль, ни одно из них не содержит в себе критической оценки античных источников. Большое недоумение вызывают некоторые из содержащихся в этих примечаниях и ничем не подкрепленные утверждения Н. М. Карамзина. Так, например, он пишет, что древние распространяли наименование «Скифия» на всю современную Н. М. Карамзину европейскую и азиатскую территорию России; [45] что изгнанных скифами за пределы Северного Причерноморья киммерийцев следует отождествить с германским племенем кимвров, которые лишь много веков спустя вторглись на территорию Римского государства,[46] что скифы, якобы первоначально обитавшие между Дунаем и Днепром, были затем вытеснены оттуда гетами.[47]

Н. М. Карамзин по сравнению со своими предшественниками не внес ничего нового в трактовку геродотовских сюжетов. Скифов и сарматов он считал собирательными этническими терминами, под которыми скрывались многие, отчасти родственные друг другу племена.[48] Для того времени подобный взгляд был уже не новым. Отдельные встречающиеся в тексте Скифского рассказа Геродота слова, которые представлялись Н. М. Карамзину скифскими, по его мнению, «мало подходят к славянским... ими скорее можно доказать несходство сих двух языков».[49] Однако более детальных доказательств этого положения в I томе «Истории государства Российского» не было приведено; среди предков славян автор этого труда видел венедов, упоминаемых Тацитом, которые, по мнению Н. М. Карамзина, никакого родства со скифами не имели.

Таким образом, если рассматривать вторую половину XVIII в., то она не была отмечена историческими тру-

[45] Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818, с. 10, примеч. 14.

[46] Там же, с. 5, примеч. 6.

[47] Там же.

[48] Там же, с. 12.

[49] Там же, примеч. 32.

дами, которые можно было бы счесть сколько-нибудь серьезным сдвигом в области развития науки о скифах и тесно связанным с ней изучением IV книги Геродота (его Скифского логоса). Подлинно научное исследование этих проблем следует целиком связать с работами русских ученых XIX в. Однако именно последнюю четверть XVIII в. следует считать временем, когда археология, непосредственно связанная с причерноморскими областями России, в древности населенными скифскими племенами, начала делать свои первые шаги на пути превращения в науку. Археологические памятники античного времени, происходившие из Северного Причерноморья, попали в поле зрения русского общества в связи с включением в состав государственной территории России северочерноморской прибрежной полосы, в том числе и Крыма, особенно богатого памятниками античного времени. Первыми заинтересовались этими памятниками екатерининские вельможи, принимавшие непосредственное участие в завоевании и освоении этого края: губернатор Новороссии генерал-поручик А. Н. Мельгунов, прославившийся найденным им в скифском кургане «мельгуновским кладом»,[50] генерал Вандервейде, открывший на Таманском полуострове богатейший клад драгоценных скифских вещей,[51] граф Н. П. Румянцев, положивший своей коллекцией древностей начало так называемому Румянцевскому музею, графы С. Г. Строганов и М. С. Воронцов, занимавшие на юге высокие административные посты. За ними последовали как русские, так и иностранные путешественники. Среди них были П. П. Сумароков,[52] И. М. Муравьев-Апостол,[53] М. Гатри,[54] Л. Вак-

[50] Юргевич В. В. Об археологических разысканиях и открытиях в южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей. — ЗООД, 1886, т. XIV, с. 32; Придик Е. М. Мельгунов клад 1703 года. — МАР, СПб., 1911, № 31.

[51] Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. — Собр. соч., т. 2. СПб., 1898, с. 5 сл.

[52] Сумароков П. П. 1) Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, с историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800; 2) Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1 и 2, с атласами. СПб., 1803—1805.

[53] Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.

[54] Gouthrie M. A tour, performed in the years 1795—1796, through the Taurida or Crimea etc. London, 1802.

сель,[55] Э. Кларк,[56] Ф. Дюбуа де Монпере,[57] граф И. О. Потоцкий,[58] оставившие свои записки и исследования, которые способствовали возникновению и развитию интереса к античным памятникам юга России, а также создали широкую известность русским древностям античной эпохи за пределами России.[59]

Ещё в 1793—1794 гг. в Крыму по поручению Академии наук побывал академик П. С. Паллас, оставивший естественнонаучное описание этого полуострова, в котором были затронуты и некоторые вопросы его исторической географии.[60] П. С. Паллас в своем труде не только собрал интереснейшие сведения об археологических памятниках античной эпохи на юге России, но и предпринял попытки локализовать отдельные греческие города,

---

[55] De Waxel Leon. Recueil de quelques antiquites trouvées sur les bords de la Mer Noire, appartenants à l'Empire de Russe. Berlin, 1803.

[56] Clarke E. D. Travels in various countries of Europa, Asia and Africa. London, 1816.

[57] Dubois de Montpereux F. Voyage du Caucase chez les Tcherkésses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Armenie, et en Grimée, v. I—VI. Paris, 1839—1843.

О значении всех этих трудов для развития зарождавшейся археологической науки см.: Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря. — В кн.: Пропилеи. I, отд. II. М., 1851, с. 72.

[58] Potocki J. Histoire primitive des peuples de la Russie avec une expositoion complète de toutes les notions locales, nationales et traditionelles nécessaires à l'intelligence du quatrieme livre d'Hérodote. SPb., 1802; Histoire anciénne du gouvernement de Cherson. Pour servir de suite de l'histoire primitive des peuples de la Russie. SPb., 1804; Histoire ancienne du gouvernement de Podolie... SPb., 1805; Histoire ancienne du gouvernement de Wolhynie... SPb., 1805. Все эти работы, изданные в Петербурге на французском языке, носят дилетантский характер и значительного влияния на ход изучения Геродота не оказали, поскольку в лучшем случае давали читателю лишь перечень мест IV книги Геродота, так или иначе связанных с вопросами о Скифии и скифах. И хотя во многих более поздних исследованиях встречаются ссылки на работы Потоцкого, следует отметить, что все его соображения по поводу происхождения народов, их языка, локализации, а также и о корнях славянских племен, изложенные в весьма категорической форме, как правило, лишены серьезной аргументации.

[59] Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 101.

[60] Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russ. Reichs in den Jahren 1793 und 1794. I—II. Leipzig, 1799—1801. Часть II тома, посвященная Крыму, была переведена и опубликована: ЗООД, 1881, т. XII, с. 62—208; 1883, т. XIII, с. 35—92.

в частности Ольвию, о которых свидетельствовали Геродот и другие античные авторы. Им были произведены и небольшие археологические исследования на территории Крыма и Новороссийского края, правда, носившие случайный и дилетантский характер. Однако, по мнению В. В. Латышева, честь открытия местонахождения древней Ольвии (пребывание в которой дало возможность Геродоту столь обстоятельно ознакомиться со Скифией) принадлежала двум исследователям: первому, кто локализовал Ольвию возле «Ста могил», т. е. П. С. Палласу, а также П. П. Сумарокову — «первому, сообщившему об этом миру».[61] П. П. Сумарокову же принадлежала и мысль об отождествлении современной ему Керчи с древней столицей Боспорского царства — Пантикапеем.[62] «Создателем боспорской археологии» назвал знаменитый Соломон Рейнак археолога-любителя П. Дюбрюкса, служившего в Керчи в качестве начальника таможни. Его коллекции, собранные в результате раскопок курганов греческих погребений на территории Керченского полуострова, легли в основу Керченского музея, открытого в 1826 г. П. Дюбрюксу принадлежало обстоятельное описание открытого в 1830 г. знаменитого кургана Куль-Оба,[63] раскапывавшегося под руководством И. М. Стемпковского, градоначальника Керчи, который, увлекшись античной археологией, в большой мере способствовал основанию Общества истории и древностей в г. Одессе и созданию музеев в южных городах России. И. А. Стемпковский, достаточно образованный в области древних языков, античной истории и литературы, занимался не только собиранием древностей, но и научной деятельностью, стремясь обобщить накопленный им археологический материал.[64] Благодаря тому что материалы

---

[61] Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 32.

[62] Сумароков П. П. Указ. соч., с. 37. Переведенное в 1802 г. на немецкий и в 1805 г. на шведский языки, его «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г.» ознакомило зарубежных ученых с античными памятниками юга России и с теми успехами, которые сделала еще только зарождавшаяся на русской почве античная археология.

[63] См.: Древности Боспора Киммерийского, т. 1. СПб., 1854, XIV.

[64] Стемпковский И. А. 1) Исследования о местонахождении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского

И. А. Стемпковского были в свое время широко использованы французским археологом Д. Рауль-Рошеттом в его работе «Antiquites gréques du Bosphore Cimmérien» (Paris, 1822), имя Стемпковского получило известность в западноевропейской науке. С ним состоял в переписке крупный французский ученый И. Б. Гэль, который в одном из своих трудов приводит письмо Стемпковского, поскольку полемизирует с некоторыми его положениями.[65] С критикой упомянутой выше книги Д. Рауль-Рошетта, основанной на материалах И. М. Стемпковского, было связано появление чрезвычайно ценной для дальнейшего развития античной археологии как науки работы П. И. Кеппена о северопричерноморских древностях,[66] в которой автор впервые после исследований Т. Байера пытался установить границы местопребывания скифов на основании анализа географических данных в тексте Геродота и сопоставления их с открытыми уже памятниками. Известно, что Кеппен предполагал также написать очерк по истории Ольвии (им был издан знаменитый декрет Протогена, опубликованный впервые Г. К. Келером), но так и не смог его осуществить, хотя во время посещения развалин Ольвии им была произведена впервые инструментальная и топографическая съемка остатков ольвийского акрополя и территории всего поселения на побережье р. Буга.[67]

Чрезвычайно важную роль для истинно научного, серьезного подхода к находимым в Северном Причерноморье археологическим памятникам сыграли работы петербургского академика Г. К. Келера, выступившего с двумя рецензиями на упоминавшиеся выше работы Д. Рауль-Рошетта и П. И. Кеппена. Эти рецензии были весьма обстоятельны и по существу сами представляли собой образец критического подхода к исследованию ан-

---

между Тирасом и Борисфеном. СПб., 1826; 2) Известия о древностях, найденных в Одессе в 1826 г. СПб., 1827.

[65] Gail J. B. Géographie d'Hérodote, prise dans les textes grecs de l'auteur, et appuyée sur un examen grammatical et critique avec Atlas. I—II. Paris, 1823.

[66] Köppen P. Altertümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823 (пер. на русский яз.: Кеппен П. Древности северного берега Понта. М., 1828).

[67] Мураковичъ Н. И. Митрополит Евгений и академикъ П. Кеппенъ. — ЗООД. 1872, VIII, с. 404.

тичных памятников.[68] Автором было наглядно продемонстрировано, как неточности, допущенные археологами при описании памятников, приводят к неверному их истолкованию. Келер блестяще доказал необходимость тщательного и всестороннего анализа всех предметов, найденных при археологических исследованиях. Ученые, занимающиеся историографией Северного Причерноморья, справедливо отмечали, что критика, развернутая Келером на страницах его работ, сыграла положительную роль для последующих исследований и им было положено «основание изучению древностей, находимых на юге России», которое он «поднял на высокую степень строгой научной отчетливости».[69]

Но все же для большинства исследователей античных памятников юга России археология того времени представлялась наукой, призванной добывать древности, в лучшем случае фиксировать их и давать их правильное описание. Всех этих археологов-любителей, столь различных по своему общественному положению, объединяло не просто увлечение, а подлинная и зачастую бескорыстная страсть к поискам и изучению древностей, и, начиная эти поиски любителями-дилетантами, они в ходе своих дальнейших разысканий, сопровождающихся раскопками древних городищ, некрополей и курганов, становились настоящими знатоками античной культуры. Однако все же это являлось вещеведением, а не подлинной археологией. Как известно, для археологии как науки вещеведческий подход к памятникам материальной культуры в отрыве от социальной среды, ее породившей, невозможен. И несмотря на то, что античными памятниками Северного Причерноморья заинтересовались ученые-специалисты, для которых изучение античной эпохи было профессией, раскопки и в первых десятилетиях XIX в. носили большей частью случайный, а не целенаправленный характер и по существу мало чем отличались от кладоискательства. Поэтому, отдавая должное немногочисленным, но серьезным исследованиям ученых XVIII и начала XIX в. и заслугам многочисленных дилетан-

---

[68] Koehler H. K. Gesammelte Schriften. I—VI. Hrsg. von L. Stephani. SPb., 1850—1853.

[69] Леонтьев П. М. Указ. соч., с. 72; Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 1.

тов — любителей древностей, пробудивших интерес не только русской, но и мировой общественности к античным памятникам юга России, нельзя не отметить, что в то время многочисленные вопросы, связанные с древнейшим периодом истории России, нашедшим свое отражение в Скифском рассказе Геродота, были сформулированы лишь частично, а разрешены в еще меньшей степени. Наибольшие успехи, как указывалось выше, были достигнуты в области идентификации геродотовых рек с современными.

Глава 2

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ УЧЕНЫХ XIX—НАЧАЛА XX в.

Накопление уникального археологического материала (такие курганы, как Куль-Оба, Чертомлыцкий, Золотой и т. д.) предоставило ученым богатейшие возможности для его изучения. Эти памятники классической древности послужили толчком к созданию специальных научных обществ, которые ставили своей целью систематическое и всестороннее, истинно научное исследование античных памятников на территории России. Так, в 1839 г. было основано Одесское общество истории и древностей. Оно начало издавать с 1844 г. свои «Записки», где ведущее место принадлежало публикации скифских древностей, находимых на территории геродотовой Скифии.

В созданном в Петербурге в 1846 г. Русском археологическом обществе вопросы, связанные с классической археологией, занимали весьма значительное место. В издаваемых им «Memoires» и «Записках» вопросам исторического прошлого Северного Причерноморья уделялось большое внимание. Публиковались отдельные статьи, издавались памятники, найденные при археологических, как тогда говорилось, «разысканиях». Еще в 40-е годы начали появляться первые монографические исследования, посвященные отдельным греческим городам Северного Причерноморья, — в первую очередь работы, связанные с открытиями в окрестностях Керчи, т. е. с памятниками Боспорского царства. Так, А. Б. Ашик, служивший в торговой конторе, а затем ставший директором Керченского музея, искренно увлекавшийся археологией, но не умевший серьезно и ответственно подходить к раскрытию и изучению археологических памятников, издал построенный на материалах, обнаруженных при раскопках в Керчи и ее окрестностях (древнем Пантикапее) труд «Боспорское царство» (в двух частях).[1] Пантикапею же были

---

[1] Ашик А. Б. 1) Воспорское царство. I—II. Одесса, 1848—49; 2) Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850.

посвящены и книги Г. И. Спасского,[2] П. П. Сабатье,[3] В. В. Григорьева.[4] Б. В. Кене написал монографию о Херсонесе.[5] Исследование, посвященное истории города Тиры, о котором впервые упоминает Геродот в своем Скифском рассказе, издал П. В. Беккер.[6]

Итоги всем произведенным ранее изысканиям в области античной археологии были подведены в целом ряде обобщающих трудов, вышедших в начале 50-х годов, таких как первый историографический обзор П. М. Леонтьева,[7] работа А. С. Уварова,[8] нумизматический труд Б. В. Кене[9] и венчающее полувековой период исследований северопричерноморских древностей издание «Древности Боспора Киммерийского»[10] с текстом на русском и французском языках, с иллюстрациями и планами. Это издание действительно подвело итоги пятидесятилетнему исследованию древностей, связанных непосредственно с геродотовой Скифией. Оно сохранило ценнейшие зарисовки памятников, навсегда утраченных для науки (таких, как открытый Д. В. Карейшей расписной «склеп пигмеев» или склеп с жанровыми сценами на стенах, найденный А. Б. Ашиком, — тех памятников культуры, которые погибли вследствие небрежности и неумения раскопщиков).[11] Наконец в 1859 г. было создано и общегосударственное учреждение — Императорская археологическая комиссия, которая сосредоточила в своих руках руководство всеми археологическими работами в России. Многое

---

[2] Спасский Г. И. Воспор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846.

[3] Сабатье П. П. Керчь и Воспор. СПб., 1851.

[4] Григорьев В. В. Цари Воспора Киммерийского. СПб., 1851.

[5] Кене Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848.

[6] Беккер П. В. Гражданский быт тиритов. Одесса, 1849.

[7] Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря. — В кн.: Пропилеи. Кн. I. М., 1851.

[8] Уваров А. С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. Т. I—II. СПб., 1851—1856.

[9] Кене Б. В. Описание музеума кн. В. В. Кочубея. I—II. СПб., 1957.

[10] Древности Боспора Киммерийского/ Под ред. Л. Стефани, I—III. СПб., 1854.

[11] Об этом подробнее см.: Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. — Собр. соч., т. 2, с. 13 сл.

было сделано ею и в области эллино-скифских древностей. С 1860 г. начали выходить «Отчеты» этой комиссии, где в большом количестве публиковались работы по классической археологии, непосредственно связанной с изучением геродотовой Скифии. И хотя исследователи, занимавшиеся археологией Крыма и других прилегающих к Черному и Азовскому морям территорий, вряд ли уделяли специальное время изучению Геродота, тем не менее можно сказать, что вся деятельность как ученых-археологов, так и дилетантов протекала под эгидой этого античного писателя. Без его помощи было бы затруднительно, а вернее, просто и невозможно осмыслить надлежащим образом открываемые ими памятники.

Во всяком случае хотя бы косвенное воздействие Геродота на полевую археологию не может вызвать ни малейших сомнений.

Не приходится отрицать воздействие Геродота (опять-таки не прямое, а косвенное) на тех ученых-историков, которые, работая в кабинетах, непосредственного участия в полевых археологических исследованиях не принимали. Именно косвенное, потому что к отдельным страницам Скифского рассказа толкали их частые для того времени открытия замечательных скифских и античных памятников, сразу же приобретавших мировую известность. Естественным же следствием этого была потребность в более глубоком и основательном изучении Геродота.

Серьезные экскурсы в область изучения географии и этнографии Скифии Геродота, основанные на исследовании IV книги его «Истории», были проведены Эдуардом Эйхвальдом, профессором Казанского и Виленского университетов, впоследствии ставшим членом Российской Академии наук. Совершив путешествие по берегам Каспийского моря (как русским, так и персидским), Э. Эйхвальд выпустил труд по древней географии Каспийского моря, Кавказа и южной России,[12] где он прежде всего отдал должное осведомленности и добросовестности Геродота. Большая глава этой книги была посвящена разбору сообщений «отца истории». Эйхвальд склонялся к тому, чтобы видеть славянский народ в киммерийцах Геродота, которые были вытеснены с северного побережья Черного

[12] Eichwald Ed. Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Kaukasus und südlichen Russlands nach griechischen, römischen und anderen Quellen erläutert. Berlin, 1838.

моря славянским же племенем скифов. Славянами были, по мнению автора, и скифы царские. Будинов и невров Эйхвальд также считал славянами, полагая, что как в наружности, так и в образе жизни будинов выступают характерные славянские черты. Эту же точку зрения, согласно которой большинство скифских племен являются племенами славянскими, Э. Эйхвальд излагал в другом своем исследовании — «О древнейших обиталищах племен славянских, турецких и монгольских по Геродоту».[13] Скифов царских он склонен был скорее отнести к финским племенам,[14] будинов же генетически сближал с венедами, именем которых финские племена называли всех славян.[15] Следует отметить, что высказанные Эйхвальдом соображения о связи ряда племен, упомянутых Геродотом, со славянами не утратили своего значения до настоящего времени и находят отражение в работах многих современных исследователей. Рассматривал Эйхвальд и вопрос о скифском походе Дария, причем придерживался в данном случае совершенно особого мнения. Желая отстоять по возможности достоверность сообщения Геродота о проникновении персидских войск в глубь Скифии, Эйхвальд предлагал весьма произвольное толкование гл. 123 в IV книге. Так, он считал, что указанные в ней четыре реки в действительности впадали не в Меотиду, а в другое озеро (возможно, Пинское). Подобное допущение понадобилось Эйхвальду для того, чтобы доказать, что Дарий дошел по левому берегу Днестра до славянских и финских племен (Волынской, Минской и Литовской губ.) и возвратился по правому берегу Днестра. Предположение о направлении похода Дария не на восток, а на север было высказано Эйхвальдом еще ранее, в статье «Darius Gystaspis zieht nach der Gegend von Pinsk».[16]

В 1844 г. появилось большое исследование профессора Московского университета Н. И. Надеждина «Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями»,[17] по существу первая серьезная работа в области географии Скифии после трудов Байера. Конечно, работа Надеждина

---

[13] Библиотека для чтения, СПб., 1838, с. 53 сл.
[14] Там же, с. 80.
[15] Там же, с. 67 сл.; с. 70.
[16] Dorpat. Jahrbücher, 1834, Bd III, H. 1.
[17] ЗООД, 1844, т. I, отд. 1, с. 1—114.

не была свободна от весьма существенных недостатков. Надеждина, в частности, следует упрекнуть в излишнем доверии к рассказу Геродота и стремлении найти эквивалент любому географическому пункту, упомянутому им. Географические построения самого Надеждина в значительной мере были искажены его желанием во что бы то ни стало избежать общепринятого отождествления геродотова Гипаниса с Ю. Бугом. По его мнению, Гипанисом является речка Тилигул, и, следовательно, все остальные пункты в этом районе геродотовой Скифии соответственно должны быть смещены.[18] И все же его работа дает представление не только о состоянии проблемы географии Скифии в середине XIX в. — она содержит живое описание природы края и множество любопытных и ценных наблюдений. Исследование Надеждина сыграло большую роль, пробудив живейший интерес к географии Скифии и оказав огромное влияние на взгляды многих ученых, обратившихся к изучению исторической географии юга России. Оно не утратило своего значения и в настоящее время. Нельзя не отметить, что особенно ощутимых результатов русские ученые сумели добиться в области изучения географии Скифии. Следует отдать должное работам тех исследователей, которые обратились к изучению гидрографии скифских степей. Вопрос о реках, упоминаемых Геродотом, всегда занимал важное место среди проблем исторической географии Северного Причерноморья. Ему специально была посвящена работа Г. Думшина «О реках Скифии по Геродоту». Это исследование до сих пор не утратило своего значения как добросовестная сводка большого исторического материала, сопровождаемого ценными критическими замечаниями. Выводы самого автора были сделаны в осторожной и ненавязчивой форме.[19] Работа молодого исследователя получила исклю-

---

[18] Вызывает недоумение и то доверие, с которым Н. И. Надеждин воспринял многочисленные и в большинстве случаев совершенно искусственные гипотезы немецкого исследователя Ф. Линднера, который позволял себе произвольные изменения в тексте Геродота, если этот текст не оправдывал его фантастических построений (см.: Lindner Fr. L. Scythien und die Skythen des Herodot und seine Ausleger nebst Beschreibung des heutiges Zustandes jener Länder. Stuttgart, 1841).

[19] Думшин Г. О реках Скифии по Геродоту. — Труды студентов Ришельевского лицея. Одесса, 1852.

чительно высокую оценку такого серьезного ученого, как П. Н. Кречетов.[20]

Значительным этапом в развитии исторической географии Северного Причерноморья явилась работа Ф. К. Брун на «Опыт соглашения противуположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях».[21] В основу всего исследования был положен вопрос о реках у Геродота. Брун широко привлек литературные источники — античные и средневековые — для выяснения достоверности сообщений Геродота.

Кроме того, в своем исследовании Брун широко использовал сведения, полученные им во время путешествий по этому краю. Небезынтересно отметить, что Брун, не являвшийся по своему научному профилю специалистом в области античности (он был профессором истории средних веков в Новороссийском университете), ощутил потребность в более глубоком и основательном изучении Скифского рассказа Геродота, для того чтобы уяснить себе исторический смысл археологических открытий того времени в Северном Причерноморье. Брун писал: «Мы не можем не дорожить историей Геродота, и в особенности IV книгой ее, посвященной описанию стран, которые по большей части входят в состав России и были поприщем самых важных событий во всех фазах ее существования».[22]

Безусловно, не все предположения Бруна были приемлемы. Так, например, не выдерживает критики отождествление Танаиса с р. Молочной и основанные на нем предположения о восточной границе скифского четырех-

---

[20] См.: Письма о Геродотовой Скифии. — ЗООД, 1889, т. XV 472.

[21] Брун Ф. К. 1) Опыт соглашения противуположных мне ний о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях. СПб., 1869 ер.: 2) Черноморье. Сборник исследований по исторической гео графии Южной России (1852—1877). Ч. I. Одесса, 1879; ч. II Одесса, 1880. Кроме того, Ф. К. Бруном были опубликованы в «Записках Одесского общества» еще три исследования, по строенные на анализе Скифского рассказа Геродота: 1) О позд нейших названиях древней Гилеи (1858, т. IV, с. 237 сл.) 2) Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское мор (1863, т. V, с. 109 сл.); 3) О киммериянах Геродота и расселении кимрского племени (1868, т. VII, с. 235 сл.).

[22] Брун Ф. К. Опыт соглашения противуположных мнений с. 1.

угольника и конечном пункте похода Дария.[23] И все же работа Бруна представляет собой одно из наиболее серьезных из опубликованных на русском языке географических исследований, на выводах которого до сих пор в значительной мере основываются работы советских археологов.[24] Несомненную ценность представляет проведенное Бруном исследование по идентификации р. Гипакирис. По мнению Бруна, нижнюю часть реки составлял Каркинитский залив, а верхнюю — р. Каланчак.[25] Книга Бруна была переведена на французский язык и издана в Петербурге[26] с целью познакомить зарубежных ученых с суждениями автора по поводу дискуссионных вопросов, вызывавших полемику как среди русских, так и западноевропейских исследователей. Нельзя не признать, что все перечисленные выше работы Бруна были весьма основательными. Путем детального разбора сообщений Геродота, содержащихся в его Скифском рассказе, и сопоставления его данных с другими источниками, в том числе с трудами античных и ранних средневековых авторов, автором уточнялись и выяснялись не только особенности географических представлений Геродота о прилегающих к северному побережью Черного моря землях, но также и степень важности целого ряда свидетельств «отца истории». Следует подчеркнуть еще раз, что до настоящего времени некоторые из выдвинутых в исследованиях Бруна положений не могут быть признаны устаревшими.

В Петербурге же на немецком языке вышел в свет труд знаменитого географа Карла Бэра, члена Петербург-

---

[23] Ср.: Minns E. Skythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 32.

[24] См., напр.: Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 143; Клейн Л. С. Территория и способ погребения скифских племен по Геродоту и археологическим данным. — АСГЭ, 1961, т. 2, примеч. на с. 47 и 48. П. Д. Либеров, однако, в работе «Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных» (МИА, 1969, № 151, с. 10 сл.) отметил, что «Опыт соглашения противуположных мнений о геродотовой Скифии» Бруну не удался главным образом из-за произвольного смещения восточной границы Скифии на запад и изменения названий таких основных ее рек, как Волга и Дон.

[25] Подробнее см.: Свод древнейших иноязычных источников по истории народов СССР. Вып. «Народы нашей страны в „Истории Геродота“». М., 1982 (далее: Вып. «Геродот»), комм. к IV, 55.

[26] Bruun Th. Essai de concordance entre les opinions contradictoires relatives à la Scythie d'Hérodote et aux contrees limitrophes. SPb., 1873.

ской Академии наук, оставивший заметный вклад в истории изучения Скифского рассказа Геродота. В работе Бэра[27] была дана высокая оценка географическим и этнографическим сообщениям Геродота. В основе труда лежало исследование торгового пути от скифов к аргиппеям, весьма кратко описанного Геродотом. Сообщение Геродота о существовании греческого торгового города Гелона в глубине Скифии Бэр считал серьезным доказательством давности торговых связей греческих городов северочерноморского побережья с отдаленными северо-восточными странами. Называя себя продолжателем А. Герена,[28] Бэр в целом дал совершенно самостоятельное исследование, в котором намечал линии торгового пути, внося свои коррективы в построения других ученых, занимавшихся этим кругом вопросов. Он отмечал, что достоверные сведения, которыми располагали греки, кончались у границ страны аргиппеев, куда доходили скифские торговцы. От скифов торговый путь шел за Дон, через страну савроматов и лесистую область будинов, затем менял северное направление на восточное (в область, занимаемую тиссагетами), чтобы потом повернуть на юг (в степную область иирков). Тиссагетов и иирков Бэр размещал между Волгой и Камой. Что касается восточной части торгового пути, то она была дана Бэром предположительно в двух вариантах. В одном случае конечный пункт торгового пути находился в современной Башкирии, в другом - доходил до Туранской низменности.[29]

Еще одна из обобщающих работ по «древностям» России, принадлежавшая перу Эриста Боннеля, также была издана в Петербурге на немецком языке.[30] В ее первом

---

[27] Baer K. E. Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenschaften beantwortet. III. SPb., 1873, S. 62—111.

[28] Heeren A. N. L. Ideen über die Politik den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Göttingen, 1824.

[29] Beer K. E. Handelsweg..., S. 103.

[30] Bonnel E. Beiträge zur Altertumskunde Russlands. Bd 1. SPb., 1882. Работа Э. Боннеля в свое время была скомпрометирована тем, что в советской литературе получила хождение отрицательная оценка, данная этой книге С. А. Семеновым-Зусером в его работе «Скифская проблема в отечественной науке» (Харьков, 1947, с. 63). Ошибочность этой оценки, по всей вероятности, можно объяснить лишь тем, что Семенов-Зусер не дал себе труда внимательно рассмотреть критикуемые им положения Э. Боннеля, основываясь, по-видимому, на критике В. В. Латышева (Почтиа.

томе содержатся данные, почерпнутые автором как из догеродотовских источников, так — и главным образом — и из Геродота. Не отрицая наличия отдельных погрешностей и неточностей в труде Геродота, Боннель полностью разделял точку зрения тех ученых, которые считали сообщения Геродота заслуживающими доверия. Основываясь на свидетельствах «отца истории», Боннель дал описание физической географии Скифии целиком по IV книге Геродота. С доверием отнесся Боннель и к картине расселения племен, данной Геродотом. Касаясь этимологии царских имен, встречающихся в скифских легендах, Боннель склонялся к мнению ученых, считавших их индоевропейскими. Для Боннеля не подлежало сомнению иранское происхождение скифов и сарматов. Для исследования Боннеля особенно характерным является стремление автора дать объяснение отдельным погрешностям и противоречиям, встречающимся у Геродота. Так, например, соглашаясь с утвердившейся в его время отрицательной точкой зрения на достоверность скифского похода Дария, изложенного у Геродота, Боннель напоминал, что в другой части своего труда сам Геродот предупреждает, что считает своим долгом «передавать то, что говорят, но верить всему не обязан» (VII, 152). Следует сказать, что в целом книга Боннеля представляет собой образец научного труда, основанного на добросовестном изучении Геродота, с весьма осторожной его интерпретацией, с учетом работ предшествующих исследователей.

Берущая свое начало в трудах Т. Байера и продолженная Н. И. Надеждиным, Ф. К. Бруном и другими русскими учеными тенденция основываться в своих построениях на скрупулезном анализе текста Геродота нашла отражение в работах последующих авторов, занимавшихся вопросами географии Скифии и локализации племен. Большое внимание этим вопросам было уделено в исследовании П. Н. Кречетова, носившем название «Письма о геродотовой Скифии».[31] В письме первом — «О скифском четырехугольнике» — автор сделал попытку установить границы Скифии согласно указаниям Геродота. По его мнению, исходя из текста Геродота, южную сторону

СПб., 1909, с. 379 сл.) 2-й части работы Э. Боннеля, посвященной рассмотрению взглядов античных авторов от современников Геродота до Птолемея.

[31] Кречетов П. Н. Письма о Геродотовой Скифии, с. 457 сл.

этого четырехугольника следовало искать от гористой части Крыма (приблизительно от современной Евпатории) до устья Дуная; западную границу — от Дуная на север по р. Алуште до Карпатских гор и затем до истоков рек Прута и Днестра;[32] северная сторона намечалась по прямой линии от западной части г. Каменец-Подольск через города Кременчуг, Екатеринослав, Новочеркасск, приближаясь к руслу Сев. Донца (таким образом, за пределами скифского четырехугольника оставалась вся территория Киевской, Полтавской и Харьковской губ.);[33] восточная граница, начинаясь от устья Сев. Донца, шла по р. Дону, западному побережью Азовского моря, вплоть до Керченского пролива. Здесь заканчивалась ее сухопутная часть и начиналась приморская. В статье «О реке Гипакирис и местоположении города Каркинита»[34] Кречетов, подвергая критическому анализу текст Геродота и суждения своих предшественников, старавшихся идентифицировать как реку Гипакирис, так и город Каркинит (в частности, положение Бруна, считавшего, что Каркинит находился близ современной Евпатории),[35] пришел к выводу, что современное озеро Донузлав, которое прежде было открытым лиманом, следует признать за русло р. Гипакирис, а местоположение города Каркинита определяется локализацией Гипакириса, т. е. возле современного озера Донузлав в Крыму, недалеко от древнего Херсонеса.[36] В статье «О местоположении области будинов» автор опять-таки основывался на определенном анализе текста Геродота.[37]

Помимо геродотовых свидетельств, Кречетов опирался также на сведения Страбона. Он пришел к выводу, что область геродотовских будинов следует искать в долине р. Маныч, притока Дона с целой системой озер, в которых Кречетов усматривал знаменитое Будинское озеро, считая современные соленые озера его остатками. В связи с этим Кречетов предполагал, что крепости, воздвигнутые Дарием, о которых сообщал Геродот (IV, 124), сохранились в виде тех остатков рвов и углублений, кото-

[32] Там же, с. 463, карта.
[33] Там же, с. 471.
[34] Там же, с. 472 сл.
[35] Там же, с. 493.
[36] Там же, с. 471.
[37] Там же, с. 472 сл.

рыми так богата долина р. Маныча, притоков Дона (р. Саи, Егоровки) и р. Еи, впадающей в Азовское море. Кречетов считал, что Геродот, лично посетивший Скифию (IV, 36), хорошо знал область будинов и гелонов, их празднества и проч., что указывало на близкое знакомство Геродота с бытом этих племен.[38] Свои соображения, изложенные в «Письмах о Геродотовой Скифии», рассмотренных выше, Кречетов подтвердил в статье «Границы и очертания Геродотовой Скифии».[39]

Говоря об исследователях истории и географии древней Скифии, нельзя обойти молчанием П. О. Бурачкова, заслуги которого в области исторической географии Скифии, основанной на изучении текста Геродота, так и не были оценены по достоинству. В труде Семенова-Зусера, достаточно подробно дающего библиографию скифской проблемы, П. О. Бурачков приведен лишь как автор капитального труда «Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России», изданного в Одессе в 1894 г. Все остальные работы Бурачкова, касающиеся вопросов географии Скифии и расселения племен, охарактеризованы как «не оставляющие заметного следа в литературе».[40] Это суждение выглядит легковесным и совершенно неправомерным. Заслуги П. О. Бурачкова особенно ярко выступают в его серьезной, хорошо аргументированной работе «О положении древнего города Каркинитеса и монетах ему принадлежащих»,[41] где он еще прежде Брауна высказал предположение о том, что следы русла р. Гипакирис следует искать в балках, простирающихся к северу от верховьев р. Каланчак. Что касается города Каркинитеса, то Бурачков предполагал существование в древности двух различных городов. Эту же точку зрения высказал такой крупный специалист, как Ф. Л. Браун.[42] Базируясь по су-

---

[38] Там же, с. 494.

[39] Кречетов П. П. Границы и очертания геродотовой Скифии. — Тр. Моск. археол. о-ва, 1889, вып. I, т. XIII, с. 179 сл.

[40] Семенов-Зусер С. Л. Скифская проблема..., с. 41.

[41] ЗООД, 1875, т. IX, с. 1—133. Большой интерес представляют также его «Заметки по исторической географии южнорусских степей» (Киевская старина, 1886, кн. 4) и другие статьи по археологическим и географическим вопросам.

[42] Браун Ф. Л. Разыскания в области того славянских отношений. СПб., 1899.

ществу на соображениях Бурачкова, Браун помещал Каркинит Геродота и Гекатея у устья р. Каланчак, у современного Каркинитского залива,[43] а город Керкинитис — в Крыму. Таким образом, выводами П. О. Бурачкова широко пользовались крупные ученые того времени.

Развитие русской науки в области древнейшей истории Северного Причерноморья шло по линии расширения конкретных знаний в экономической и социальной истории древнейшего периода юга России. Одновременно с потоком специальных статей и публикаций, связанных с отдельными вопросами истории древнейших племен и народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху, стали появляться большие статьи и отдельные монографии на широкие обобщающие темы.

В исключительно широком по своему диапазону научном творчестве А. С. Лаппо-Данилевского скифский вопрос занял значительное место. Исследованию его была посвящена одна из ранних работ молодого и талантливого историка — «Скифские древности».[44] Хотя вышла она в издании Русского археологического общества, известный в то время археологический материал все же не был использован достаточно широко. Недооценка археологических данных как исторического источника в то время была характерной чертой работ и многих других историков. Археологические открытия стимулировали лишь интерес к древностям, но до того, что сейчас называется комплексными методами исследования, в то время было еще далеко.

Тем не менее Лаппо-Данилевский задался целью обобщить все сделанное его предшественниками в науке о скифах и создать на основе критического пересмотра этого свою собственную концепцию истории скифов. Такая постановка вопроса привела молодого тогда ученого (ему было 24 года) к необходимости изучения и использования всех видов источников — литературных, лингвистических, археологических, с широким привлечением свидетельств этнографии. Основываясь на этом разносторон-

---

[43] Ср.: Жебелев С. А. Скифский рассказ Геродота. — В кн.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Сб. статей. М.; Л., 1953, с. 313.

[44] Зап. Отд-ния русской и славянской археол. Русского археол. о-ва, 1887, т. IV, с. 352 сл., с приложением карты «Геродотова Скифия в переводе на современную карту» (то же: СПб. 1887)

нем и обширном материале, Лаппо-Данилевский по существу сделал в русской науке первый шаг к построению истории скифского общества. Анализируя общественные, семейные и родовые отношения у скифов, он устанавливал, что скифы находились на той ступени общественного развития, которая характеризовалась как варварство: «...скифы были народом варварским, но гораздо ближе при этом стояли к цивилизации, чем к дикости».[45] Следует отметить, что, поскольку многие ученые в России тогда увлекались учением Моргана о первобытном обществе,[46] в основе которого лежало учение о роде, Лаппо-Данилевский следом за многими историками и экономистами принял его периодизацию в развитии человеческого общества — дикость, варварство, цивилизация. Молодой ученый, увлеченный проблемой рода и его развития, пытался решить ее на интересном примере, взятом из истории древнейших племен, населявших юг России, о котором сохранились свидетельства античных авторов.

В «Скифских древностях» Лаппо-Данилевский строил свои выводы, оперируя главным образом данными античной литературной традиции и, конечно, прежде всего Геродота. Новым в этом исследовании было то, что свидетельства Геродота и других античных авторов использовались не столько для освещения проблем этногенеза, сколько для выяснения особенностей социально-экономического строя древних скифов. Интерес к социально-экономическим проблемам, в полной мере проявившийся у Лаппо-Данилевского в более поздних его работах, посвященных русской тематике, безусловно, имел место и тогда, когда он приступил к работе над своим исследованием о скифах.

Критически используя свои источники и постоянно прибегая, кстати сказать, к весьма убедительным историческим параллелям, Лаппо-Данилевский определил геродотовскую Скифию как общество, построенное еще на родо-племенных связях, хотя, как он писал, «скифы уже не стояли на первобытной ступени развития, а стояли на рубеже варварских и цивилизованных народов, следовательно, оставляли за собой народы дикие, стоящие ниже варварских».[47]

---

[45] Там же, с. 523.
[46] Морган Л. Г. Древнее общество. М., 1934.
[47] Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 506.

Для обоснования основных своих положений, для большей их убедительности Лаппо-Данилевский зачастую обращался к методу этнографических параллелей из обычаев и быта других народов, хотя и отдаленных по времени и территориально от древних скифов, но находившихся на близкой к ним ступени общественного развития. Исходя из данных скифского рассказа Геродота и классифицируя племена и народности по территориальному принципу, он самым детальным образом рассматривал каждое из них. Так, например, в западных скифах, территория которых, согласно Геродоту, доходила до р. Борисфена (современный Днепр), Лаппо-Данилевский усматривал славян. Он считал, что «группа племен западных, может быть, была славянского происхождения», поскольку «почти во всех проявлениях быта древнеславянского мы видим его большое сходство с бытом западноскифских племен».[48] Этому выводу предшествовало большое количество этнографических параллелей, свидетельствовавших о скрупулезном изучении автором всех этнографических данных, привлеченных для подтверждения выдвинутого им тезиса. В отношении восточных скифов Лаппо-Данилевский высказывался более осторожно, хотя вопрос об их иранском происхождении в его работе над «Скифскими древностями» стоял очень остро и поддерживался рядом серьезных исследователей.[49] По мнению Лаппо-Данилевского, выяснение этнической их принадлежности в то время не представлялось возможным. Он считал, что если эти племена и были арийского происхождения (на что у авторов есть прямые указания), то уже в древние времена они смешались с чуждыми им монгольскими элементами, ассимилировав их. Близкой связи восточных скифов с иранскими племенами автор не отрицал, хотя, писал он, «пока еще трудно сказать, к какой ветви арийских народов они действительно принадлежали».[50] Правда, многие выводы, сделанные Лаппо-Данилевским в рассматриваемой работе, успели устареть (например, мнение, что общественный строй скифов-земледельцев является более высокой ступенью, нежели строй скифов-кочевников, строй военной демократии).

[48] Там же, с. 359.

[49] Подробнее см. ниже главу об этнической географии Скифии по Скифскому рассказу Геродота.

[50] Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 361.

В свете достижений науки последнего времени ясна несостоятельность определенных выводов Лаппо-Данилевского, который, идя путем логических умозаключений, в то время иных выводов и не мог сделать. Как известно, в силу большого многообразия форм отношений между эксплуатируемыми и эксплуататорскими слоями общества именно военно-демократический строй породил такие резко различающиеся формы государственного устройства, как рабовладельческое общество, с одной стороны, и раннефеодальные образования славян и германцев — с другой. В свете этих положений особенно ярко выступает серьезный, основанный на глубоком анализе источников разнообразного характера вывод, сделанный Лаппо-Данилевским: «Частная поземельная собственность (у скифов) отсутствовала подобно тому, как это вышло у германцев или славян. Классы и различные отношения отличались неопределенностью, как во всяком юном обществе. Славяне и германцы времен Цезаря и Тацита недалеко еще ушли от тех же форм жизни. Деление на знатных, свободных, на незнатных и рабов можно найти и у германцев, отчасти у славян. Славянские жупаны, германские duces и старшины, или principes, напоминают скифских νομάρχοι. Вече, народное собрание, по-видимому, существовало в зачаточном виде. Выражение νομάρχοι, по-видимому, указывает на племенную (а не семейную) оседлость».[51] В этой цитате явственно проступает все то, что было новым и необычным в изучении проблемы скифского общества. Ведь до труда Лаппо-Данилевского интерес к скифам и Скифскому рассказу был связан либо с географическими, либо с искусствоведческими проблемами, или, в худшем случае, с чистым вещеведением и кладоискательством, ведущим к разрушению памятников, а не к их осмыслению.

Возвращаясь к принципиально важным выводам, к которым пришел в своем труде о скифах и их общественном строе Лаппо-Данилевский, следует отметить, что его наблюдения, о которых говорилось выше, получили свое подтверждение в дальнейшем изучении проблем, связанных со становлением общественного строя, берущего свое начало в военно-демократическом периоде развития общества. Известно, что в ранний период истории восточного славянства «между рабами и свободными пропасть

[51] Там же, с. 517 сл.

не лежала: рабы входили в состав родственных коллективов».[52] Процесс формирования того или иного строя, возникающего на основе военно-демократического уклада, требует прежде всего тщательного рассмотрения генетических путей его возникновения, поскольку именно в этот ранний период его исходные формы могут быть очень близки. Так, например, у славян феодализм, по мнению большинства исследователей, развился на основе разложения племенно-первобытнообщинных, а не рабовладельческих отношений.[53] Конечно, Лаппо-Данилевский не был в состоянии преодолеть ошибки в освещении ряда вопросов, касающиеся идеологических представлений скифов, поскольку ему мешали объективные причины. Все недочеты, характерные для археологических исследований предшествовавшего времени, сыграли свою отрицательную роль. Это и недостаточно правильная, зачастую произвольная классификация сопровождающего инвентаря погребений, отсутствие квалифицированного анализа найденных предметов, недостаточная четкость датировок. Все названные недочеты не могли не отразиться на серьезности решения проблем, поставленных Лаппо-Данилевским в его труде. Ему можно инкриминировать и слишком вольное обращение с этнографическим материалом, который он столь широко привлекал в своих параллелях, смешивая порой культуры современных отсталых племен и народностей, находящихся на различных ступенях развития общества.[54] Однако именно бесспорность многочисленных достоинств этой работы, насыщенность фактическим материалом, четкость и логичность в изложении сложных проблем, умелое владение всеми данными разнообразных и сложных источников (главное — данными материальной культуры) и разработка сложнейших вопросов общественного строя и быта скифских племен в теснейшей связи с источниками письменными, где фундамент составлял Скифский рассказ Геродота, — все это сделало появление труда Лаппо-Данилевского серьезным и важным событием и прогрессивным для своего времени явлением в ис-

---

[52] Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л., 1974, с. 152.

[53] Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика. М., 1974, с. 142.

[54] Ср.: Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема..., с. 63.

тории русской скифологии и классической археологии, в изучении истории древнейших племен Северного Причерноморья. И с полным на то правом можно констатировать и теперь, что если «Скифские древности» Лаппо-Данилевского не могли не устареть, как и всякая книга, вышедшая в XIX в., то это устарение коснулось не столько содержащихся в ней материалов и идей, сколько языка и стиля самого изложения. Можно с полным правом сказать, что научные представления, лежащие в основе этой работы, и ее главные выводы в значительной мере соответствуют тем научным представлениям, какие и до настоящего времени имеют место в исследованиях советских ученых. По-видимому, именно это обстоятельство побудило С. А. Семенова-Зусера предпринять не слишком удачную попытку модернизировать концепцию Лаппо-Данилевского.[55] Оценивая эту попытку, В. И. Равдоникас прямо заявил, что тот занялся «переводом» «Скифских древностей» Лаппо-Данилевского на язык марксистской терминологии, причем сделал этот перевод «не без грубых погрешностей».[56]

Огромное внимание Скифскому рассказу Геродота уделил в своих многочисленных трудах профессор Киевского, а затем Казанского университета Ф. Г. Мищенко. Известный переводчик Геродота, Фукидида, Полибия, Демосфена, блестящий знаток древнегреческих реалий и литературы, он особенно много и плодотворно занимался Геродотом, в частности IV книгой его «Истории». Свое общее отношение к «отцу истории» Мищенко изложил в обширном введении к переводу геродотовского труда — «Геродот и его место в древнеэллинской образованности» [57] и в статье «Не в меру строгий суд над Геродотом»,[58] предпосланной переводу IV книги, вызванной гиперкритическим подходом к свидетельствам Геродота в работах ряда исследователей. Кроме перевода, сохранившего известную ценность до настоящего времени, хотя

---

[55] Семенов-Зусер С. А. Родовая организация у скифов Геродота. — ИГАИМК, 1931, т. IX, вып. 1.

[56] Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. — ИГАИМК, 1932, т. XII, вып. 1—8, с. 73.

[57] В кн.: Геродот. История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб., 1886, с. I—XIX.

[58] Там же, с. I—XL.

несколько архаического в отношении русского языка и скудного в отношении комментария, Мищенко издал большое количество отдельных работ, в которых рассматривал свидетельства Геродота в самых различных аспектах. Если привести основную библиографию его статей и заметок по Скифскому рассказу Геродота, то сразу же станет ясна вся широта интересов Ф. Г. Мищенко, глубина охвата геродотовых свидетельств и великолепное знание всех тех возможностей, которые может представить труд Геродота автору, заинтересованному в уточнении различного рода вопросов, связанных со Скифией. Вот основной список этих работ: «Легенды о царских скифах» (ЖМНП, 1886, № 1, с. 3 сл.); «К вопросу о царских скифах» (Киевская старина, 1884, № 5, с. 55 сл.); «К вопросу об этнографии и географии геродотовой Скифии» (Унив. изв., Киев, 1882, № 2; 1883, № 9); «Геродотовы вшееды» (ФО, 1898, т. XVI, с. 111 сл.); «Был ли Геродот в пределах Южной России?» (Киевская старина, 1886, № 15); «Противоречия в известиях Геродота о первом появлении сарматов и скифов в Европе» (Филол. обозрение, 1899, т. XVII, кн. 1, с. 26 сл.); «Известия Геродота о внескифских землях России» (ЖМНП, 1896, № 12, с. 103 сл.); «К вопросу о быте геродотовских будинов» (Юбил. сборник в честь В. Ф. Миллера. СПб., 1900, с. 10 сл.); «Этнография России у Геродота» (ЖМНП, 1896, № 5, с. 69 сл.).

Как явствует из приведенного списка, в работах Мищенко Геродот выступал и в качестве источника сведений о северочерноморской торговле,[59] в которой Мищенко усматривал наличие дипломатических отношений варваров и полуварваров через их вождей с греками-колонистами, непосредственные деловые связи и обоюдное взаимодействие культур туземной и эллинской — как результат этих отношений. Касаясь вопроса об экспорте янтаря, шедшего из южной России в Грецию, Мищенко особо отмечал роль днепровского речного пути в этой торговле. Он считал, что «торговый днепровский путь во времена Геродота, как было впоследствии, сворачивал у устья Припяти на запад, в землю невров, которых Ге-

[59] Мищенко Ф. Г. О торговых путях классических народов и о днепровском пути древних греков к Балтийскому морю. — Чтения в Истор. о-ве Нестора-летописца, 1879, кн. II, с. 95 сл.

родот называл народом мирным, родственным с западными скифами».[60]

Особое исследование Мищенко посвятил «царским» скифам (по терминологии Геродота), которых он относил к урало-алтайской ветви племен, примыкая к мнению тюркологов в отношении этногенеза этого скифского племени.[61] К этому выводу его привело сравнение памятников, происходящих из скифских курганов Северного Причерноморья, с сибирскими древностями Алтая и бассейна р. Иртыша.[62] Большой интерес представляла незначительная по объему, но весьма содержательная статья «Противоречия в известиях Геродота о первом появлении сарматов и скифов в Европе»,[63] где значительное место было уделено анализу свидетельств Геродота о р. Аракс. В самом названии «Аракс» Мищенко видел имя нарицательное любой большой реки. Именно этим, по его мнению, и можно объяснить противоречивые сведения, которые Геродот дает об Араксе. И вообще Мищенко подчеркивал условность многих названий и необходимость считаться с ограниченностью точных сведений относительно территорий, отдаленных от побережья Черного моря, хотя с ними достаточно рано были установлены торговые связи.[64] По существу в работах Ф. Г. Мищенко были поставлены почти все основные вопросы, с которыми пришлось столкнуться в ходе дальнейшего изучения скифской проблемы исследователям, опиравшимся на свидетельства Геродота. Будучи филологом, Мищенко строил свои выводы на глубоком анализе текста Геродота.[65] Для Мищенко была характерна широта охвата темы. Исследуя самые различные данные, содержащиеся в труде Геродота, Мищенко серьезно и глубоко освещал вопросы, связанные с географическими, этнографическими и экологическими особенностями геродотовой Скифии. Однако он не сумел построить единую схему скифского общества,

---

[60] Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях России, с. 124.

[61] Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах, с. 55 сл.

[62] Ср.: Мищенко Ф. Г. 1) Известия Геродота о внескифских землях России, с. 128 сл.; 2) Этнография России у Геродота, с. 79.

[63] ФО, 1899, т. XVII, кн. 1.

[64] Там же, с. 26 сл.

[65] Мищенко Ф. Г. 1) Опыт этнологии с помощью этимологии. — Унив. изв., Киев, 1883, № 6; 2) Был ли Геродот в пределах южной России?, с. 348 сл.; 3) Геродотовы вшееды, с. 73 сл.

на основе которой смог бы создать свою концепцию. Тем не менее работы Мищенко, построенные на литературных, археологических, эпиграфических источниках с широким привлечением этнографических материалов и аналогий, представляли собой интересные самостоятельные исследования и сохранили свое значение до настоящего времени. К ним обращаются все те ученые, в работах которых затрагиваются вопросы, связанные со Скифским рассказом Геродота.

В русле исследований Ф. Г. Мищенко несколько позже вел свою работу киевский ученый В. П. Клингер, поставивший себе задачей дать истолкование основных скифских мифов, приведенных у Геродота, и попутно привести доказательства близости этих легенд к сказаниям других народов.[66] Анализируя в этих работах передаваемые Геродотом сказания о гипербореях, аримаспах, аргиппеях, скифах-кочевниках и скифах-пахарях и сравнивая эти сказания, встречающиеся у других античных авторов, В. П. Клингер усматривал в ряде преданий так называемые «бродячие сюжеты», широко распространенные у многих племен и народностей, о «блаженных странах», о «справедливых народах», связанных с идеализацией эллинами быта и нравов варваров в противовес испорченным «цивилизацией» грекам, идущие в русле античной традиции.[67] Подобно Ф. К. Бруну, о котором речь шла выше, не был специалистом по античной истории и филологии крупнейший ориенталист своего времени В. В. Григорьев.[68] Однако и его заинтересовал огромными возможностями, открывающимися перед исследователями, Скифский рассказ Геродота. Сочетая данные древневосточных источников со свидетельствами Геродота, В. В. Григорьев отождествил среднеазиатских саков с европейскими скифами. Он выделил среди сакских племен центральную кочевую группу саков-тиграхауда древнеперсидских надписей, известных из труда Геродота (III, 92) как ортокорибантии («саки в остроконечных шапках»), локализовав их главным образом в степях современного Казах-

---

[66] Клингер В. П. 1) Сказочные мотивы в «Истории» Геродота. — Унив. изв., Киев, 1902, № 11, с. 103 сл.; 2) Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1901.

[67] Куклина И. В. Ἄβιοι в античной литературной традиции. — ВДИ, 1969, № 3, с. 120 сл.

[68] Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.

стана и находя в них родственные черты с собственно скифами.[69] Интересна и его работа о походе Александра Македонского в Среднюю Азию, в которой им была подробно освещена героическая борьба скифо-сакских племен с армией Александра.[70] Все эти исследования были построены на древних литературных и эпиграфических источниках.

Известный русский историк С. М. Соловьев в своем капитальном труде по истории России[71] широко использовал свидетельства не только Геродота, но и многих античных авторов (Гомера, Гесиода и др.), обнаружив хорошее знакомство с античной литературной традицией. Однако в основе второй главы его труда, которая целиком была посвящена Северному Причерноморью, лежал Скифский рассказ Геродота. Соловьев чрезвычайно высоко оценил свидетельства Геродота, назвав их «драгоценными» для всякого историка. Естественно, он не ставил перед собой задачу подвергать подробному разбору исторические, географические и этнографические свидетельства Геродота, но следует отметить, что использовал их в достаточной мере критически, особенно в отношении оценки тех сообщений, которые Геродот передал с чужих слов, а еще более осторожно, если речь идет, по словам самого Геродота, о временах давних.[72] Во всяком случае Соловьев совершенно справедливо отмечал тенденциозность античной традиции по отношению к варварам вообще и к скифам в частности.[73] Однако он игнорировал наличие значительного археологического материала и только на основании письменных источников стремился нарисовать живую картину существования древних племен в южных степях России. Для Соловьева скифы, населявшие в древности эти степи, были, как и впоследствии сарматы, воинственными кочевниками, пришедшими на эту территорию с Востока и подчинившими себе местное оседлое население, которое в свое время также пере-

[69] Григорьев В. В. 1) О скифском народе саках, с. 11 сл.; 2) Об отношениях между кочевыми и оседлыми государствами. — ЖМНП, 1875, № 3, с. 178.

[70] Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. — ЖМНП, 1881, № IX, с. 26 сл.; X, 34 сл.

[71] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. 2-е. М., 1963.

[72] Там же, с. 29 сл.

[73] Там же, с. 31.

селилось из восточных областей. К оседлому образу жизни их привела благоприятная для обитания природа приднепровских степей с теплым и мягким климатом. По мнению Соловьева, «скифы царские — это восточное, начиная от Днепра, степное народонаселение, которое господствовало своими кочевьями и подчинило себе народы обширных пространств современной России».[74] Как явствовало из его дальнейших построений, Соловьев не усматривал никаких принципиальных отличий между историческим бытом кочевого населения античной и средневековой эпохи: «Как на ясной памяти истории в нынешней южной России господство одного кочевого народа сменилось господством другого, жившего далее на востоке, так и в древние времена господство скифов сменилось господством сарматов; но от этой перемены история столь же мало выиграла, как от смены печенегов половцами: переменились имена, отношения остались прежние, потому что быт народов, сменивших друг друга, был одинаковый»[75] (любопытно, что подобные же соображения были положены позже М. И. Ростовцевым в основу его концепции «Скифской державы»).[76] Вопросы происхождения славян, казалось бы, тесно связанные в современной Соловьеву исторической науке со скифами, в главе, посвященной рассмотрению «доистории» России, Соловьевым не были затронуты. Он не считался с наличием интереснейших археологических материалов, которые имели непосредственное отношение к реконструкции быта кочевых племен. Однако если Соловьев в своем труде останавливался на античном периоде отечественной истории лишь во вступительных главах, а высказанные им по этому поводу соображения не имели прямого отношения к его общей концепции, то для другого выдающегося ученого, И. Е. Забелина, исследование скифо-сарматского мира приобрело решающее значение в формировании его исторических взглядов в целом. Забелин одним из первых в практике русских историков широко привлек данные археологических исследований в целях обоснования своих исторических построений. Он являлся скифологом в полном смысле слова, так как наряду с работой над отдельными темами

---

[74] Там же, с. 33.
[75] Там же, с. 38.
[76] Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. М., 1925, с. 326.

из русской истории он непосредственно занимался скифской археологией — исследованием скифских курганов, и именно ему принадлежала честь открытия столь замечательного памятника, как Чертомлыцкий курган. Подобно тому как в свое время Надеждин, опираясь на сведения Геродота, первым попытался определить «истинное местоположение» геродотовой Скифии, Забелин впервые использовал археологические данные для установления границ скифских земель — пресловутого четырехугольника Геродота. Опубликовав археологические памятники, принадлежащие скифской культуре, в издании «Древности Геродотовой Скифии», Забелин этим капитальным трудом подвел итоги всему, что было собрано любителями древностей и археологами-дилетантами, и включил в него и результаты своих собственных открытий.[77] «Древности Геродотовой Скифии», таким образом, стали тем богатейшим сводом археологических материалов, от которых могли отталкиваться в своих дальнейших работах исследователи более позднего времени.

Своими успехами в области скифской археологии Забелин в значительной мере был обязан Геродоту, потому что, начиная поиски погребений скифских царей, обратился прежде всего к Скифскому рассказу, где в 71-й главе IV книги Геродот сообщает, что «царские гробницы находятся в Герре, до которого судоходен Борисфен», т. е., как полагал Забелин, немного ниже днепровских порогов. Здесь действительно находилось большое количество древних курганов. На протяжении трех лет Забелин занимался раскопками этих курганов. Однако в течение долгого времени ему попадались погребения, разграбленные еще в древности. Все же в конце концов труды его увенчались блестящими результатами: ему посчастливилось открыть и исследовать такие выдающиеся памятники, как Чертомлыцкий курган, Большую и Малую Близницы, Томаковскую могилу и др.[78] Раз и навсегда уверовав в надежность свидетельств Геродота, Забелин использовал Скифский рассказ в качестве одного из главных устоев для своей исторической концепции. Ос-

---

[77] Вып. I—II. СПб., 1872.

[78] Там же, вып. II; Забелин И. Е. 1) История русской жизни в древнейшие времена. Т. I. М., 1908, с. 28 сл.; 2) Записка о скифских курганах. М., 1905.

новное внимание он сосредоточил на содержащемся в Скифском рассказе этнографическом материале, сопоставляя его с данными археологии. В конечном счете он пришел к заключению, что геродотовские «скифы-пахари» (ἀροτῆρες) представляли собой прямых предков «если не всего славянства, то именно восточной его ветви».[79] Забелин решительно отвел гипотезы об иранском или монгольском происхождении скифов, получившие весьма широкое распространение в западноевропейской историографии.[80] Что же касается сарматов, то Забелин видел в них автохтонов и считал их самих славянами, давшими название стране, в которой они обитали.[81] Таким образом, Забелин по сути возвратился к взглядам Ломоносова, выводившего без достаточных на то оснований наименование «Русь» из названия сарматского племени роксоланов.

Высказанная Забелиным точка зрения была принята полностью Д. И. Иловайским, который на страницах своего известного труда «Разыскания о начале Руси» неоднократно возвращался к вопросу о непосредственной связи между названиями «роксоланы» и «Русь». «Не может быть никакого сомнения в том, что Рось или Русь или Роксоланы это одно и то же название, один и тот же народ. Роксоланы иначе выговаривались Россоланы».[82] И далее: «Роксоланы являлись сарматами, причем Русь неоднократно скрывалась под общим именем скифов и сарматов. И только в IX веке она снова выступает на сцену под своим именем».[83] При этом следует помнить, что под скифами Иловайский подразумевал не одну определенную народность, а целую группу, известного рода конгломерат народностей. И поэтому его роксоланы-славяне являлись лишь частью скифов, впрочем, весьма значительной. По его мнению, «главную массу скифов Восточной Европы составляли, вероятно, народы славянские».[84] Однако тщетным было бы искать у Иловайского более конкретную аргументацию высказанных им соображений.[85]

---

[79] Забелин И. Е. История русской жизни..., т. I, с. 264.
[80] Там же, с. 268.
[81] Там же, с. 237.
[82] Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. СПб., 1882, с. 74.
[83] Там же, с. 76.
[84] Там же, с. 78.
[85] Взглядам Иловайского, воскрешающего наивные приемы «сходственного звона» (по выражению Тредиаковского) без вся-

С высказываниями Забелина и Иловайского в трактовке того же круга вопросов сближался и Д. Я. Самоквасов. Видный археолог, исследовавший большое количество курганов и городищ на Полтавщине, Киевщине и Екатеринославщине, материалы которых послужили основой для созданного им обобщающего труда «Могилы русской земли»,[86] Самоквасов стремился в своих работах использовать археологические данные в совокупности с письменными источниками и этнографическими параллелями. Вслед за Забелиным он решительно возражал против мнения Шафарика о монгольском происхождении скифов и во всех своих трудах проявлял себя как сторонник скифского генезиса славянства, ища подтверждения этой точки зрения в археологических материалах открытых им памятников.

В своей последней крупной работе — «Северянская земля и северяне по городищам и могилам» Д. Я. Самоквасов прямо утверждал: «Факты истории, лингвистики, мифологии, этнологии, краниологии и этнографии доказывают фактически единство происхождения скитов и руссов, принадлежность их к одному этнографическому типу. Следовательно, все древние писатели, оставившие нам сведения о быте скитов-сколотов, составляют средства научного познания начального периода истории славян».[87] Однако следует сразу же отметить, что далеко не вся аргументация Самоквасова выглядит убедительно и что ему не удалось избежать совершенно явных натяжек. Это прежде всего следует отнести к его главному положению о генетической связи между скифами и славянами независимо от привлекаемого им для подкрепления этого тезиса разнообразного материала, где весьма значительную роль играли и данные археологических памятников.[88] Уяз-

---

кой серьезной научной аргументации, здесь уделено внимание не случайно, так как подобные попытки возродить гипотезу Ломоносова о происхождении имени руссов от названия сарматского племени роксоланов имеют место и в современной скифологии (см.: Толстов С. П. Из предыстории Руси. — СЭ, 1947, т. VI—VII, с. 12).

[86] Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908.

[87] Самоквасов Д. Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. СПб., 1908, с. 82.

[88] Самоквасов Д. Я. Исторпя русского права. Варшава, 1884, ч. II. «Степень этнографического сродства народов должна соответствовать их происхождению, их генетической близости», —

вимость подобных построений отмечалась не только сторонниками точки зрения Шафарика, но и учеными, склонными к признанию существования генетической связи между славянами и древними скифами. Но все же, как отмечал Н. Н. Загоскин, многие видели в этом лишь мнение, которое и до сих пор остается на уровне более или менее удачной и остроумной гипотезы. [89]

Обращение к археологическим памятникам при построении научной аргументации, характерное для трудов И. Е. Забелина, Д. Я. Самоквасова и других ученых, широко использовал А. А. Спицын. Занимаясь проблемой расселения древнерусских племен, в основу ее решения он положил археологические данные, накопленные к его времени полевыми исследованиями. В своих построениях он основывался на совокупности характерных для определенной культуры предметов, распространенных на определенной территории и в определенном отрезке времени. Он специально подчеркивал то обстоятельство, что «научная ценность далеко не совпадает с материальной и художественной; нельзя равнодушно смотреть на уничтожение остатков старины и самых неказистых на вид, так как они могут иметь огромное значение».[90] Работа над известным его трудом «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» [91] неизбежно привела Спицына к изучению скифо-сарматских памятников. В результате «углубления в скифские дали» (по собственному выражению Спицына) появилась работа «Скифы и Гальштатт», представляющая первую и весьма ценную попытку установить связь между гальштаттской и западной скифской культурами.[92] Во всех этих изысканиях Спицын неизбежно отталкивался от Скифского рассказа Геродота. Особенно интересной и дискуссионной оказалась выпущенная им работа «Курганы скифов-пахарей»,[93]

писал Самоквасов, доказывая на основании археологических памятников генетическую связь славянорусов со скифами (с. 94).

[89] Загоскин Н. Н. История права у русского народа. Т. 1. СПб., 1890, с. 311.

[90] Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, вып. 15, с. 30.

[91] ЖМНП, 1899, т. VIII, с. 301 сл.

[92] Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, 155 сл.

[93] ИАК, 1906, вып. 65, с. 87.

представляющая первый опыт сведения в хронологической последовательности всех памятников материальной культуры, носителями которой были племена, объединенные общим хозяйственным процессом — земледелием. Под скифами-пахарями Спицын подразумевал также и геродотовых скифов-земледельцев и на основании изучения могильников и поселений дал картину их широкого распространения.

Вопросы классификации отдельных памятников и сведение их в определенные культурные группы рассматривались Спицыным и в других его работах.[94]

В. А. Городцов, будучи известным полевым исследователем, также использовал накопленные им археологические данные для широких исторических обобщений. Предложенная им классификация и периодизация археологических культур эпохи бронзы на территории средней и южной России до сих пор сохраняет свое значение (характер и причины смены культур, характеристика ямной, катакомбной и срубной культур).[95] Используя Скифский рассказ Геродота в качестве одного из основных источников, Городцов первым предпринял попытку научного обоснования реального существования киммерийцев, характеристики их общества, быта, культуры, привлекая одновременно и фрагментарный археологический материал.[96] Вопрос же о киммерийцах находился в непосредственной связи с проблемой скифского этногенеза.

Гипотеза об иранском происхождении скифов в свою очередь получила не менее широкое распространение среди исследователей, причастных к проблемам скифской истории. Так, в своем труде «Разыскания в области готославянских отношений» Ф. А. Браун уделил весьма значительное место скифскому вопросу.[97] Будучи специалистом в области германо-славянских древностей, лингви-

---

[94] Спицын А. А. Скифо-сарматские курганы Крымской степи. — ИТУАК, 1918, № 54, с. 172 сл.

[95] Городцов В. А. 1) Культуры бронзовой эпохи в Средней России. — В кн.: Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1915, с. 121 сл.; 2) Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии. — Тр. XII АС, 1905, I, с. 226 сл.

[96] Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. — ТСАРАНИОН, 1928, вып. 2, с. 46 сл.

[97] Сб. Отделения русского яз. и словесности Рос. Акад. наук, 1899, т. 64, № 12.

стом и историком западноевропейской литературы, профессором кафедры истории Восточной Европы Лейпцигского университета, Ф. А. Браун был достаточно серьезно подготовлен к решению тех сложных задач, которые ставил перед ним задуманный им труд. Исследуя древнейшие исторические судьбы готов, он подробно останавливался на скифском периоде в истории Северного Причерноморья. Здесь в качестве основного источника ему мог служить только Скифский рассказ Геродота. Содержащиеся в этом рассказе свидетельства Браун подверг разностороннему анализу и пришел к выводам, совпадающим частично с взглядами Шафарика, частично — Томашека, во многих своих построениях повторяя их доводы, дополняя их и своими собственными соображениями. Так, в неврах Геродота он видел славян, а будинов считал финнами, причем одну их часть он локализовал на среднем течении Днепра, а другую — на Дону, связывая с этой локализацией и толкование похода Дария по Скифии согласно изложению Геродота. Подробно описывая топографию и народонаселение Скифии и прилегающих к ней местностей, Браун отнес скифов и сарматов к иранской группе арийских племен, пришедших на берега Черного моря с востока. Тем самым он пришел к отрицанию какого-либо родства между скифами и славянами. Происхождение славян он связывал с нескифским населением Северного Причерноморья.

Гипотеза об иранском происхождении скифов была полностью принята и развита в работах В. Ф. Миллера[98] и А. И. Соболевского.[99] М. И. Ростовцев, не занимавшийся специально лингвистическими изысканиями, видел в скифах-кочевниках завоевателей, иранцев по языку и культуре, которые не только вторглись в Северное Причерноморье и поработили местное население, но и распространили на всю эту область свою идеологию и культуру, в которую вошли слившиеся в своеобразном сочетании иранские, греческие и местные элементы.[100] К тем же

[98] Миллер В. Ф. К вопросу о происхождении скифов. — Изв. о занятиях VII археологического съезда в Ярославле от 20 III 1887, № 11, с. 9.

[99] Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. — Изв. Отд-ния русского яз. и словесности Рос. Акад. наук, 1921, т. XXVI, с. 1 сл.; 1922, т. XXVII, с. 252.

[100] Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пгр., 1918, с. 5 сл.

взглядам на иранское происхождение скифов впоследствии пришел и В. И. Абаев. В своем труде «Осетинский язык и фольклор» и в ряде других исследований Абаев выдвинул новое, более глубокое и чисто лингвистическое обоснование этого своего положения.[101]

Сравнительно мало внимания уделил Геродоту В. В. Латышев, заслуги которого в изучении Северного Причерноморья поистине неоценимы. Латышев опирался на Геродота и подвергал внимательному разбору его свидетельства собственно только в начальной части своего известного исследования об истории и государственном строе Ольвии, там, где речь идет об окружающем этот город местном населении и взаимоотношениях с ним ольвиополитов.[102]

На дальнейшее изучение скифского рассказа Геродота совершенно определенным образом повлиял возраставший от десятилетия к десятилетию интерес ученых-историков к социально-экономическим проблемам. Примером тому могут служить начавшие появляться с начала XX в. в русской печати труды по северочерноморской тематике, выходившие из-под пера авторов различного образа мыслей.

Первым из русских исследователей, кто предпринял попытку дать всестороннюю картину исторического развития Северного Причерноморья в форме последовательной концепции, был М. И. Ростовцев. Здесь имеются в виду не его капитальный труд «Декоративная живопись на юге России» и многие его статьи и исследования археологического содержания, а такие его работы, как «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре», «Эллинство и иранство на юге России», «Скифия и Боспор» и др.[103] Все эти работы пронизаны

[101] Абаев В. И. 1) Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949; 2) Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

[102] Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887. Кроме того, В. В. Латышев использовал свидетельства Геродота в двух своих небольших заметках: «Еще о местонахождении Ипполаева мыса (ответ г. Бурачкову)» (Латышев В. В. Понтика. СПб., 1909, с. 43 сл.), «Население Херсонской губернии за 2400 лет до нашего времени» (там же, 179 сл.).

[103] Ростовцев М. И. 1) Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 1913, вып. 49, с. 23 сл.; 2) Эллинство и иранство на юге России; 3) Скифия и Боспор. Пгр., 1925.

мыслью, которую можно сформулировать следующим образом: историческая, этнографическая, географическая картина древнего Причерноморья, установленная Геродотом и другими, по преимуществу ионийскими авторами раннего времени, «сделалась раз и навсегда канонической».[104] Близких ему взглядов придерживался и С. П. Толстов.[105]

Если оставить в стороне вопрос о методологической неправомерности перенесения общественных отношений феодального времени на архаический период античной эпохи, слабость всего построения Ростовцева можно усмотреть в недостаточной полноте его источниковедческого фундамента. Дело в том, что отсылка к ионийской традиции у Ростовцева не была подкреплена целенаправленным анализом Скифского рассказа Геродота и других близких ему по времени авторов. Это и позволило последующим авторам упрекнуть Ростовцева в том, что в главе IV его «Скифии и Боспора», представляющей собой чрезвычайно обстоятельный обзор античной этнографической литературы по Северному Причерноморью, Геродоту уделено всего несколько малозначащих общих фраз.[106] Следует отметить, что и в других своих работах Ростовцев так и не восполнил указанного пробела, что было бы совершенно необходимо для подкрепления его концепции «скифской державы». Не был заполнен этот пробел и теми, кто принял эту концепцию. Но при указанных выше условиях все это построение не располагало серьезной аргументацией и по существу не опровергало тех положений, которые ранее были выдвинуты и обоснованы Лаппо-Данилевским и которые, по мнению Ростовцева, нуждались в известной модернизации, хотя бы в связи с последними достижениями скифской археоло-

---

[104] Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 2.

[105] Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — ИГАИМК, 1934, № 103, с. 167 сл.

[106] См.: Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1949, с. 81 сл. Здесь вопрос об «ионийской традиции» у М. И. Ростовцева подвергается критическому анализу. Однако Д. П. Каллистов оставляет без внимания обстоятельства, указанные С. А. Жебелевым: М. И. Ростовцев собирался посвятить анализу Скифского рассказа Геродота специальную главу во втором томе «Скифии и Боспора», который так и не был издан (см.: Жебелев С. А. Указ. соч., с. 309).

гии и теми возможностями, которые давала правильная интерпретация этого материала.

Тем не менее заслуга М. И. Ростовцева, несмотря на его модернизаторские устремления, перед скифологией вообще и в плане использования данных Скифского рассказа Геродота поистине велика. В первую очередь в работах Ростовцева существенным было то обстоятельство, что ученый рассматривал археологические памятники и историю городов, расположенных в степях Северного Причерноморья, не изолируя их от античного мира в целом, а в тесной связи с ним. Не будучи лингвистом, Ростовцев на основании анализа данных археологии (в частности, предметов, происходивших из кургана Карагодеуашх) утвердился в мнении, что скифы были иранцами по происхождению, культуре и идеологии и что иранским элементам удалось просочиться далеко на запад именно благодаря скифам.

Значительным шагом по пути развития науки о скифах была выдвинутая и обоснованная Ростовцевым точка зрения, что всякого рода культурное изменение происходит лишь в результате скрещения местных и пришлых элементов различных культур и их взаимоотношений. Этот вывод Ростовцев сделал на основании глубокого исследования разнообразных культур, существовавших на территории южных степей России и их последовательной смены. Эта мысль исследователя шла вразрез с твердо установившимся в науке представлением о том, что сложный процесс развития культуры был непосредственно связан с традициями отдельных племен и зависел всецело от них, неся с собой смену отсталых народов племенами с более высокой культурой, что совершенно исключало всякую внутреннюю трансформацию развития самих обществ. Однако Ростовцев чрезвычайно увлекся варварами как носителями «высокой и утонченной культуры» — вывод, к которому он пришел, исследуя серебряный сосуд из Частых курганов.[107] Сопоставление бытовых сцен, изображенных на серебряном сосуде из Частых курганов, с аналогичным же сосудом из кургана Куль-Оба привело Ростовцева к заключению, что эти

---

[107] Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд. — Матер. по истории России, 1914, № 34, с. 79 сл.

великолепные произведения были созданы в тот период, когда «эллинизм рождался из понизма», что «перед нами не эпигоны стиля, его родоначальники».[108] Выпущенная Ростовцевым большая работа «Скифия и Боспор» представляла собой ценнейший вклад в литературу по скифской проблеме. Это своего рода свод скифских памятников, подвергнутых критическому анализу на основе источников литературной античной традиции. И хотя многие спорные, методологически неприемлемые для советских исследователей построения были затем наукой отвергнуты, основная направленность работы — дать полный и критически осмысленный свод памятников скифской культуры, насыщенный материалами, препарированными таким опытным археологом, каким являлся М. И. Ростовцев, не потеряла своего смысла и до настоящего времени. Значение же этого вклада ученого в науку о скифах трудно переоценить, так как по существу ни одно современное историческое, археологическое, этнографическое и даже лингвистическое исследование, касающееся скифов или скифской проблемы в целом, не может обойтись без этого фундаментального труда. Ставя многие проблемы в области освещения быта и идеологии кочевых племен, Ростовцев всегда стремился дать им исчерпывающее объяснение. В этом отношении большую ценность представляют его наблюдения о местном зверином стиле, характерном для искусства скифов в целом.[109] Он обращался к этому стилю в своих поисках родства и связи с тем же стилем, существующим у восточных народов, и пришел к интересным выводам о том, что стиль этот сложился не только на севере России в народном творчестве, но нашел отражение даже в современном европейском искусстве. Во всяком случае, как бы далеко Ростовцев ни заходил в своем увлечении модернизацией и «цивилизацией» варварского мира, большинство его построений легло в основу современных исследований о геродотовой Скифии, в каких бы аспектах эти исследования ни велись.

---

[108] Там же, с. 91.

[109] Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд, с. 94.

РАЗДЕЛ II

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Глава 1

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СКИФИИ ПО ГЕРОДОТУ

Нелегкая задача представить себе этнографию Скифии согласно описанию, данному Геродотом, «приведя места, разбросанные в свободном ходе рассказа... в возможно стройный порядок и некоторую систематическую целость»,[1] по выражению известного русского ученого Н. И. Надеждина, ставилась многими русскими исследователями неоднократно. К решению этой задачи ученые шли самыми различными путями, часто уводившими их в сторону от основного вопроса.

Как отмечает С. А. Жебелев, каждый из исследователей, пользовавшихся Скифским рассказом Геродота, брал из него то, что ему представлялось самым главным для предмета его работы.[2] Посвятив Скифскому рассказу, взятому во всей его целостности, специальное исследование, С. А. Жебелев восполнил тот пробел, который образовался в отечественной науке. Уничтожение этой лакуны представлялось ученому особенно важным, поскольку Скифский рассказ являлся основным, а в некоторых своих частях и единственным источником для воссоздания отдельных периодов древнейшей истории нашего юга. Сам Жебелев подчеркивал, что он ставил своей задачей дать анализ Скифского рассказа как такового, по-

---

[1] Надеждин Н. И. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. — ЗООД, 1844, т. I, отд. 1, с. 10.

[2] Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 308.

скольку именно такой анализ и «должен предварять приведение в систему фактических данных, извлекаемых из отдельных показаний Геродота о Скифии и скифах».[3]

В обстоятельном источниковедческом исследовании Скифского рассказа С. А. Жебелевым был подвергнут анализу весь текст четвертой книги Геродота. Осветив вопросы, связанные с источниками Геродота, о предполагаемом времени и маршруте его путешествия в Северное Причерноморье, Жебелев дал серьезную критическую оценку Скифского рассказа как важнейшего источника по истории нашей страны в эпоху античности. Это исследование С. А. Жебелева заполняло ту лакуну, которая была допущена М. И. Ростовцевым в первом томе его труда «Скифия и Боспор» и которую автор намеревался, опираясь на свидетельства Геродота, снять во втором, так и не вышедшем в свет томе.[4]

Исследование всего Скифского рассказа Геродота в целом оказалось последним научным трудом С. А. Жебелева, который был найден в архиве ученого и опубликован по рукописи, явно не законченной: изложение, носящее вначале детальный и обстоятельный характер развернутого и хорошо аргументированного исследования, приобретает чисто конспективный характер, а затем и просто обрывается, не имея никаких заключительных положений и выводов. Тем не менее эта работа является единственным, можно сказать, уникальным в отечественной науке исследованием Скифского рассказа Геродота во всей совокупности содержащихся в нем свидетельств и представляет собой огромную научную ценность, поскольку в ней был подведен определенный критический итог всего того, что было сделано до С. А. Жебелева. В свою очередь эта работа послужила своего рода отправной точкой для других исследователей, обращавшихся к Скифскому рассказу Геродота в связи с той или иной проблемой.

По существу столь ценный для древнейшей истории юга нашей страны Скифский рассказ Геродота представляет собой, по признанию самого автора (VII, 171),

---

[3] Там же, с. 309.

[4] Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931, S. 15.

приложение (προσθήκη), или побочную вставку (παρηνθήκη), не стоявшую в непосредственной связи не только с основной темой всего геродотова труда, но и с темой, которой была посвящена IV книга Геродота — скифскому походу царя Дария. Однако, начав IV книгу фразой «Μετὰ δὲ τὴν Βαβυλῶνος αἵρεσιν ἐγένετο ἐπὶ Σκύθας αὐτοῦ Δαρείου ἔλασις»,[5] Геродот обращается к описанию истории самого похода лишь после длинного и обстоятельного отступления, целиком занятого описанием Скифии.[6] Правда, по этому поводу рядом ученых были высказаны соображения о том, что Геродот стремился дать описание плацдарма похода персидского царя (сведения о топографии Скифии, особенностях ее природы и климата) и самих участников скифской войны — племен, населявших степи Северного Причерноморья.[7] Одновременно автор сообщал и то, что ему было известно о тех племенах, которые не принимали участия в войне с персидским царем, но соседствовали со скифами или были связаны с ними каким-либо образом.[8]

Некоторые из ученых вообще высказывали предположение, что Геродот ставил своей задачей дать также описание народов, обитавших на краю ойкумены.[9]

Несомненной и неоднократно отмечавшейся заслугой Геродота представлялось исследователям то обстоятель-

---

[5] «После взятия Вавилона произошел поход самого Дария на скифов» (IV, 1).

[6] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 328.

[7] В последнее время Б. А. Рыбаковым было выдвинуто предположение, что посещение Геродотом Северного Причерноморья было продиктовано замыслом «отца истории» пройти по следам Дария от Боспора Фракийского до Меотиды (см.: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 64).

[8] Это — нескифское племя меланхленов (IV, 20), имеющее, однако, скифские нравы (IV, 107); схожее правами со скифами племя будинов, отказавшееся стать союзником скифов во время похода Дария и имевшее своего царя (IV, 105); племя андрофагов, отличное от скифов по языку и обычаям (им приписывался каннибализм), хотя одевающееся на скифский манер (IV, 106); племя агафирсов, близкое по нравам фракийцам (IV, 104), которое не только отказалось принять участие в войне скифов с персами, но и помешало вторжению скифов на свою территорию (IV, 125); наконец, многочисленное племя савроматов, которое отличалось от скифов нравами, но имело родственный с ними язык (IV, 110).

[9] См., напр.: Harmatta J. Quellenstudien zu den Skythika des Herodot. Budapest, 1941.

ство, что он сумел не только отделить скифов от большого количества соседствовавших с ними нескифских племен и ограничить Скифию достаточно четкими географическими рамками, но и уничтожить господствовавшее в представлении эллинов собирательное понятие «скифы», выделив скифские племена, отличающиеся друг от друга в общей и ранее безликой для греков массе обитателей северопричерноморских степей. Действительно, для Геродота, судя по перечисленным им различиям внутри скифских и нескифских племен, значительную роль играли факторы не только политического, но и культурного и языкового характера.

Как известно, в Скифском логосе Геродота излагаются три версии происхождения скифов и появления их в Северном Причерноморье. Геродот донес до современности генеалогическую легенду скифов — уникальный сюжет подлинной скифской мифологии. Этот сюжет носит характер последовательного рассказа, изложенного с присущей Геродоту обстоятельностью и приведенного в двух бытовавших в Северном Причерноморье вариантах. Геродот специально подчеркивает, что первый вариант он передает так, как рассказывают сами скифы (IV, 5, 7, 8), а второй — греки, живущие около Понта (IV, 8—10). Исследованию этих легенд посвящена достаточно обширная литература, как отечественная, так и зарубежная. В последующих главах настоящей работы будет рассмотрен тот вклад, который внесли советские ученые в исследование скифских генеалогических мифов. Третью же версию, совершенно лишенную мифологических черт и носящую исторический характер, Геродот излагает в качестве того рассказа, которому он сам больше всего доверяет (τῷ μάλιστα λεγομένῳ αὐτὸς πρόσκειμαι — IV, 11, 1) и который одинаково излагается как варварами, так и греками, живущими у Понта.

«Скифы — кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю, которую теперь населяют скифы (а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам). При нашествии скифов киммерийцы стали держать совет, так как войско наступало большое, и мнения у них разделились. Обе стороны были упорны, но лучшим было предложение царей. По мнению народа, следовало покинуть страну и не подвергаться опасности

(столкновениям), оставаясь лицом к лицу с многочисленным врагом. А по мнению царей, следовало сражаться за страну с вторгающимися. И народ не хотел подчиниться, и цари не хотели послушаться народа. Первые советовали уйти, отдав без боя страну вторгающимся. А цари же, подумав о том, сколько хорошего они здесь испытали и сколько возможных несчастий постигнет их, изгнанных из отечества, решили умереть и покоиться в своей земле, но не бежать вместе с народом. Когда же они приняли это решение, то, разделившись на две равные части, стали сражаться друг с другом. И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийцев похоронил у реки Тира, и могила их еще и теперь видна.

Похоронив их, народ покинул страну, и скифы, придя, заняли безлюдную страну.

И теперь есть в Скифии Киммерийские стены, есть и Киммерийские переправы, есть и область с названием Киммерия; есть и Боспор, именуемый Киммерийским. Очевидно также, что киммерийцы бежали от скифов в Азию и заселили полуостров, на котором теперь находится эллинский город Синопа. Ясно и то, что скифы, преследуя их, вторглись в Мидийскую страну, сбившись с дороги. Ведь киммерийцы все время бежали вдоль моря, а скифы преследовали их, имея по правую руку Кавказ, до тех пор пока не вторглись в Мидийскую землю, повернув по дороге во внутренние области страны» (IV, 11—12). И далее, как бы желая подкрепить свою точку зрения на предание о вытеснении киммерийцев скифами как на «заслуживающее наибольшего доверия», Геродот (IV, 13) приводит сообщение Аристея из Проконнеса, содержащееся в его поэме «Аримаспейя», о том, что скифы, потесненные, правда, племенем исседонов (а не массагетов), в свою очередь вытеснили киммерийцев из занятой ими страны. Этот эпизод из Скифского логоса и сообщение о том, что киммерийцы были изгнаны скифами из Европы (I, 103—104), послужили основной опорой для исследователей, считающих, что киммерийцы являлись предшественниками скифов в Северном Причерноморье. В то же время недостаточная ясность указаний Геродота о направлении, в котором двигались киммерийцы и преследовавшие их скифы, невозможность точной идентификации реки Аракс, которую скифы перешли на своем пути в «Киммерийскую землю», породили

большую литературу, связанную с киммерийской проблемой.

Имя киммерийцев, одного из древнейших известных по названию народов, сохранилось до нашего времени благодаря тому, что оно было засвидетельствовано многочисленными источниками — вавилонскими, урартскими, иудейскими, персидскими и греческими.[10] В них киммерийцы предстали в виде многочисленного и грозного своей военной силой кочевого народа, столкновение с которым привело к гибели такие мощные государства Древнего Востока, как Ассирия и Урарту.

Анализируя свидетельства Геродота о киммерийцах, содержащиеся в Скифском логосе, С. А. Жебелев не сомневался в достоверности того, что киммерийцы обитали в Северном Причерноморье до прихода скифов. Центр владений киммерийцев до их столкновения со скифами находился в районе Боспора Киммерийского, на его европейской и азиатской сторонах, включая, по-видимому, и горную часть Крыма,[11] где Страбон (VII, 308) отмечает существование горного хребта, называемого Киммерий. Что касается территории степной полосы Северного Причерноморья, прилегающей к Крыму, то определить, как далеко простирались владения киммерийцев, С. А. Жебелев не считал возможным. Во всяком случае пребывание исторических киммерийцев на территории Северного Причерноморья он не подвергал сомнению, а появление здесь скифов, вызванное передвижением кочевнических племен, относил к VIII в. до н. э., разделяя мнение Леманн-Хаупта.[12] Взгляд на киммерийцев как на предскифское население степей Северного Причерноморья и Крымского полуострова в частности разделило значительное число советских ученых, главным образом археологов, поскольку, по справедливому заме-

---

[10] Ельницкий Л. А. 1) Киммерийцы и киммерийская культура. — ВДИ, 1949, № 3, с. 16 сл.; 2) Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 25 сл.; Дьяконов И. М. 1) Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ, 1965, № 2—3, с. 18 сл.; 2) История Мидии. М.; Л., 1956, с. 228; Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток. — ВДИ, 1965, № 1, с. 145 сл.; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 54 сл.

[11] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 335 сл.; ср.: там же, с. 255.

[12] Lehmann-Haupt. Kimmerier. — RE, Bd XI, col. 400; Жебелев С. А. Указ. соч., с. 338.

чанию Э. А. Грантовского, «отечественная скифология существует и развивается в первую очередь как отрасль археологии», хотя автор считает такое положение неправомерным и указывает на необходимость не только привлекать письменные источники при сопоставлении археологических материалов с ними, но и подвергать их историко-филологическому исследованию. Только такой подход может привести к достаточно надежным историческим выводам, сделанным на основании совокупного исследования историко-лингвистических и археологических данных.[13] Несомненно, что в результате развития нашей скифологии в основном как археологической дисциплины стали возможными разноречивые толкования одних и тех же памятников и те споры, которые до сих пор имеют место.

Русские археологи заинтересовались памятниками киммерийцев еще в XIX в. Однако в археологии дореволюционного периода не было ни должного уровня методики археологических исследований, ни необходимой для серьезных выводов широты охвата памятников. Так, Д. Я. Самоквасов, подводя итоги своего рода свидетельствам о культуре киммерийцев, высказал соображение о том, что «могильники киммерийской эпохи отличаются от могильников последующих археологических эпох главным образом тем, что не содержат в себе оружия или орудий домашнего быта из железа, а содержат только предметы быта из глины, кости, камня и меди; могильники этой эпохи относятся к тому времени, когда древнейшим обитателям Русской земли еще неизвестно было употребление железа на человеческие нужды».[14]

Таким образом, на основании этого положения Д. Я. Самоквасова в археологии конца XIX и начала XX в. стало общеупотребительным применение названия «киммерийский» к любому погребению бронзового века независимо от степени его древности. Понимая полную неопределенность и чрезмерную обобщенность подобной терминологии, В. А. Городцов, серьезно разработавший научную периодизацию памятников эпохи бронзы, выделивший в ней древнеямную, катакомбную и срубную

[13] Грантовский Э. А. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. — НАА, 1980, № 6, с. 67 сл.

[14] Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. СПб., 1908, с. 141 сл.

культуры,[15] попытался определить те памятники, которые на научной основе можно было бы отождествить с памятниками киммерийцев времени их пребывания на юге Восточной Европы. Методологически он совершенно верно предположил, что, коль скоро в письменных ассирийских источниках киммерийцев и скифов часто путают, по-видимому, киммерийцы и скифы являлись племенами, достаточно близкими по культуре. Основываясь на этом предположении, В. А. Городцов писал, что поскольку «этот факт указывает на отсутствие резкой разницы и в бытовой обстановке этих народов, то нужно полагать, что киммерийские памятники, если только они имеются в наших собраниях, скрываются в одной массе со скифскими».[16] Однако для В. А. Городцова подобная задача являлась трудно осуществимой в силу того, что археологические памятники, на основании материалов которых Городцову приходилось выявлять культуру киммерийцев, представляли собой разрозненные, случайные находки кладов бронзовых орудий и оружия. Из-за отсутствия археологических памятников эпохи перехода от бронзового века к железному, случайности находок и плохой их документированности В. А. Городцовым к киммерийской культуре были отнесены памятники более архаического периода, в настоящее время датируемые XIV—XII вв. до н. э.[17] Тем не менее «киммерийская культура», определенная Городцовым, ученым чрезвычайно авторитетным, до последнего времени пользуется в археологической науке широким признанием. Во всяком случае в трудах известного кавказоведа Е. И. Крупнова неоднократно встречаются попытки на основании находок определенных типов бронзового оружия, которое было определено В. А. Городцовым как киммерийское, проследить пути проникновения киммерийских племен до южных степей Причерноморья через Кавказ в Переднюю Азию.[18] Е. И. Крупнов полностью разделял мне-

[15] Городцов В. А. 1) Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. — Тр. XIII АС. Т. I. М., 1907; 2) Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1903 г. — Тр. XII АС, т. I. М., 1905.

[16] Городцов В. А. Бытовая археология. М., 1910, с. 344.

[17] Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 9.

[18] Крупнов Е. И. 1) О походах скифов через Кавказ. — ВССА, с. 190; 2) Древняя история Северного Кавказа, с. 114.

ние В. А. Городцова о ведущих формах киммерийской культуры и полагал, что носителями этой культуры являлись племена, населявшие южные степи нашей страны.[19] Как особо важный признак киммерийской культуры Е. И. Крупнов отмечал отсутствие изделий (украшений, бляшек, деталей, вооружения и конского убранства), изготовленных в скифском зверином стиле. К этому мнению присоединился целый ряд археологов, занимающихся изучением памятников, относимых к киммерийцам.[20] Следуя за В. А. Городцовым в его поисках культуры киммерийцев в позднейшем предскифском периоде, соответствовавшем переходу от эпохи бронзы к железному веку, археологи занялись изучением различных ступеней развития срубной культуры. Особенно тщательно была разработана периодизация срубной культуры на позднем этапе ее развития.

Здесь особую роль сыграли исследования О. А. Кривцовой-Граковой, выделившей памятники поздней ступени срубной культуры, открытые в степном Причерноморье в виде кладов бронзовых изделий. Памятники этой культуры были ею условно названы киммерийскими.[21] Выводы О. А. Кривцовой-Граковой были построены на обобщении результатов исследований П. С. Рыкова, П. Д. Рау, В. В. Гольмстен и ряда других ученых срубных погребений и поселений, открытых в Среднем Поволжье. На-

---

[19] Крупнов Е. И. 1) Киммерийцы на Северном Кавказе. — МИА, 1958, № 68, с. 190 сл.; 2) Древняя история Северного Кавказа, с. 115 сл.

[20] Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя. — КСИА АН УССР, 1962, № 12, с. 57 сл.; Тереножкин А. И. 1) Киммерийцы и Кавказ. — В кн.: Всес. науч. сессия, посвященная итогам полевых археол. и этногр. исслед. в 1970 г. Тез докл. Тбилиси, 1971, с. 35; 2) Скифская культура. — ПСА, с. 21; Ковпаненко Г. Т. Носачівський курган VIII—VII вв. до н. э. — Археологія, Київ, 1966, т. XX, с. 178 сл.

[21] Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Тр. ГИМ, М., 1948, т. XVII, с. 158 сл.; Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936 (здесь же приведена литература вопроса); Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit in unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929; Гольмстен В. В. 1) Археологические памятники Самарской губернии. — ТСАРАНИОН, 1929, т. IV, с. 125 сл.; 2) Керамика древних мест поселений Самарской Луки. — Бюл. О-ва археологии, истории и этнографии, 1925; 3) К разработке приемов исследования вещественных памятников. — СГАИМК, 1932, вып. 11—12, с. 11 сл.

блюдения, сделанные самой О. А. Кривцовой-Граковой при изучении памятников срубной культуры, позволили ей осуществить хронологическую периодизацию всей срубной культуры, которая в общих чертах сохраняется в силе и для современных исследователей.[22] В результате критического пересмотра хронологии различных этапов развития позднесрубной культуры А. И. Тереножкин и А. М. Лесков выделили памятники различного типа, в том числе новочеркасский и черногоровско-камышевахский. Лесков, выдвинувший гипотезу о принадлежности памятников срубной культуры новочеркасского типа ранним скифам, а черногоровско-камышевахского — киммерийцам,[23] подвергся чрезвычайно резкой критике на страницах монографии А. И. Тереножкина, посвященной киммерийской проблеме.[24] Подводя итоги всем заключениям, сделанным им на основе анализа археологических материалов доскифского времени на юге европейской части СССР, А. М. Тереножкин пришел к выводу, что в настоящее время в археологии уже не существует двух проблем — скифской и киммерийской, а есть лишь одна — киммерийская — проблема.[25] Он считает, что «киммерийцев в целом следует отождествлять со всей срубной культурой», и далее утверждает, что «история киммерийцев может быть прослежена в настоящее время на протяжении целого тысячелетия — от эпохи средней бронзы до начала скифского периода».[26] А. И. Тереножкин решительно возражает против связи срубной (киммерийской) культуры с перенесенной извне скифской, вполне сложившейся культурой, не имеющей генетических истоков

---

[22] Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 11. Впрочем, далее (см. с. 13) автор критически пересматривает предложенную О. А. Кривцовой-Граковой как относительную, так и абсолютную датировку выделенных ею в срубной культуре белозерской и сабатиновской ступеней ее развития. Н. Н. Чередниченко разработал вопросы миграции племен срубной культуры из Заволжья на Запад, поставленные в работах О. А. Кривцовой-Граковой. Он установил этапы миграции срубных племен из Заволжья в Северное Причерноморье (см.: История срубных племен Подонья. Автореф. дис. Киев, 1973, с. 36).

[23] Лесков А. М. 1) Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — ПСА, с. 36 сл.; 2) Заключительный этап бронзового века на Украине. М., 1975, с. 64.

[24] Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 23.

[25] Там же, с. 19.

[26] Там же, с. 186.

в предшествующем ей предскифском периоде.[27] Он утверждает, что, несмотря на крайнюю хронологическую близость киммерийских и скифских памятников, «мы не обнаруживаем никаких переходных форм от доскифских к скифским как в оружии, так и в конном снаряжении».[28] При этом А. И. Тереножкин не принимает во внимание наблюдения, сделанные таким авторитетным ученым, как А. А. Иессен, который показал преемственность некоторых элементов, имевших место в архаической скифской культуре, например типов конской узды (в частности, удил), характерных для погребальных комплексов конных воинов VIII—VII вв. до н. э.[29] А. И. Тереножкин не подверг эти выводы сколько-нибудь аргументированной критике. Он либо уклонился от нее вовсе, либо голословно отрицал существование этой преемственности, и, таким образом, мнение А. А. Иессена, полностью разделяемое Б. Н. Граковым,[30] по существу А. И. Тереножкиным опровергнуто не было.

Однако если далеко не все археологи склонны связывать киммерийцев со всей срубной культурой в целом, то некоторые видят в киммерийцах носителей культуры катакомбной. Так, М. И. Артамонов, следуя в русле предположений О. А. Кривцовой-Граковой о миграции племен срубной культуры из Поволжья на запад, поставил в связь с ней рассказ Геродота о вторжении скифов в Северное Причерноморье и в соответствии с этим отнес к киммерийцам большие курганы Прикубанья с захоронениями катакомбного типа, причем весьма «омолодил» их датировку, считая, что эти курганы датируются позднейшим предскифским временем.[31] Таким образом, М. И. Артамонов приписывал киммерийцам памятники последнего этапа катакомбной культуры, сохранившейся в Предкавказье до позднейшего времени, хотя в статьях

---

[27] Там же, с. 209.

[28] Тереножкин А. И. Скифская культура, с. 21 сл.

[29] Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, 1953, т. XVIII, с. 209; см. также: Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САИ, М., 1960, вып. Д1—4, с. 79.

[30] Граков Б. Н. 1) Скифы. М., 1970, с. 91, 94, 96; 2) Ранний железный век. М., 1977, с. 141.

[31] Артамонов М. И. 1) Кіммерійська проблема. — Археологія, Київ, 1973, вып. 9, с. 5; 2) Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 23.

Н. В. Анфимова было высказано аргументированное предположение, что в позднее предскифское время в Прикубанье обитали не киммерийские, а протомеотские племена.[32] Впрочем, в носителях катакомбной культуры позднего этапа ее развития видели киммерийцев также Т. Б. Попова,[33] И. Т. Кругликова,[34] П. Д. Либеров,[35] А. П. Смирнов,[36] Б. Н. Граков.[37] Памятники эпохи поздней бронзы, предшествующие кизил-кобинской культуре в Крыму, склонен был относить к катакомбной культуре П. Н. Шульц.[38]

С проблемой принадлежности определенной культуры киммерийцам непосредственно связан и вопрос об их местонахождении. Он не менее спорен, нежели вопрос о том, принадлежит ли киммерийцам срубная или катакомбная культура. Многие исследователи, расширительно толкуя текст самого Геродота, против чего предостерегал С. А. Жебелев,[39] размещают киммерийцев на территории, простирающейся от Днестра до Боспора Киммерийского, включая также Таманский полуостров.[40] Следует отме-

---

[32] Анфимов Н. В. 1) Протомеотский могильник с. Николаевского. — Сб. матер. по археол. Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961, с. 103 сл.; 2) Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья. — ПСА, с. 170 сл.

[33] Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. — Тр. ГИМ, М., 1955, вып. 24, с. 176 сл.

[34] Кругликова И. Т. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. — КСИИМК, 1948, вып. 43, с. 117.

[35] Либеров П. Д. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. — МИА, 1962, № 113, с. 75 сл.

[36] Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 34 сл.

[37] Граков Б. Н. Скифы, с. 25.

[38] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров. — ПИСПАЭ, с. 260.

[39] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 255, 336.

[40] Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли, с. 41 сл.; Крушкол Ю. С. К вопросу о киммерийцах, с. 92; Граков Б. Н. 1) Скіфи. Київ, 1947, с. 13 сл.; 2) Каменское городище на Днепре, с. 11; 2) Скифы, с. 18; Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры, с. 11 сл.; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, с. 17 сл.; Виноградов В. Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). — Тр. ЧНИИ, 1904, т. IX, с. 32 с.; Смирнов А. П. Скифы, с. 28; Тереножкин А. И. 1) Киммерийцы и Кавказ, с. 34 сл.; 2) Киммерийцы, с. 91 сл.; ср.: Bonnel E. Beiträge zur Altertumskunde Russlands. SPb., 1882, S. 207 f.; Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn, 1921, p. 76; Tallgren A. M. La Pontide préscythique aprés l'introduction des metaux. — ESA, Helsinki, 1926, vol. II, p. 223.

тить, что часть западных исследователей склонна еще более расширить занимаемую киммерийцами территорию к западу вплоть до Средней Европы.[41] В противоположность сторонникам чрезмерного расширения территории обитания киммерийцев значительная часть исследователей ищет их лишь в области Керченского и Таманского полуостровов и северо-западного Кавказа. Но если среди русских и зарубежных исследователей не существует единого мнения по поводу обитания киммерийцев в Крыму (главным образом на Керченском полуострове) или на Тамани, то реальность их существования на северо-западном Кавказе была признана почти всеми занимавшимися киммерийской проблемой. По мнению сторонников этой точки зрения, территория северо-западного Кавказа представляла собой ту исходную позицию, с которой киммерийские, а позднее и скифские племена совершали свои нападения на государства Закавказья и Малой Азии.[42] Так, Е. И. Крупнов[43] считал основной их территорией центральную часть северо-западного Кавказа, а Л. А. Ельницкий видел киммерийцев в носителях знаменитой кобанской культуры, известной своими яркими и богатыми предметами вооружения, которые, по его мнению, особенно соответствовали воинственности киммерийских племен, засвидетельствованной древними источниками.[44] Однако это не помешало Л. А. Ельницкому в специальной статье о киммерийцах и в последней его книге отрицать не только факт пребывания киммерий-

---

[41] Harmatta J. La problème cimmerien. — Archeol. Ertesito, 1948, ser. 3, № 7/9, p. 79 sq.; Potratz J. A. H. Die Scythen in Südrussland. Basel, 1963.

[42] Заслуживает внимания предположение, высказанное Т. Сулимирским, что первоначальным местопребыванием киммерийцев была территория от Северного Кавказа до р. Донца, а затем под давлением наступавших на них скифских племен киммерийцы передвинулись на юг и запад. В период с XIII по VIII в. до н. э. они занимали области Кавказа, Крыма и Приднепровья. Часть киммерийцев ассимилировалась со скифами, а основная масса двинулась в двух направлениях — в Малую Азию, а затем на запад, в Центральную Европу. Этот период Т. Сулимирский датирует VIII—IV вв. до н. э. (см.: Sulimirski T. The Cimmerian problem. — Bul. Inst. Archeol. Univ. Lond., 1959, № 2, p. 62 f.).

[43] Крупнов Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе, с. 194.

[44] Ельницкий Л. А. 1) Киммерийцы и киммерийская культура, с. 14; 2) Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 36 сл., 97 сл.

цев в Северном Причерноморье (в топонимике Керченского полуострова, тесно связанной с племенем киммерийцев, Л. А. Ельницкий усматривает плод «мифотворчества греческой географической мысли», что выглядит по меньшей мере странным), но и самую историчность существования киммерийцев.[45]

Следует отметить, что против первого положения Л. А. Ельницкого — связи кобанской культуры с киммерийцами — высказались такие ведущие кавказоведы, как А. А. Иессен[46] и Е. И. Крупнов.[47] А. И. Тереножкин,[48] справедливо критикуя Л. А. Ельницкого за непоследовательность и несостоятельность предлагаемых им гипотез, сам усматривает в предметах кобанской культуры «большую насыщенность киммерийскими элементами», т. е. также проявляет в данном случае известную непоследовательность. Что же касается предположения, высказанного Л. А. Ельницким, что киммерийская топонимика на Керченском полуострове является продуктом мифотворческой географической мысли греков, поскольку, по его мнению, греческие колонисты, скорее всего, уже не могли застать киммерийцев при колонизации Таврического полуострова в VI в. до н. э., то с ним трудно согласиться. Гораздо более убедительной представляется точка зрения исследователей, считающих, что сохранение киммерийской топонимики в античное время является серьезным аргументом в пользу обитания киммерийцев в восточной части Крымского полуострова, где различные поселения, урочища, пролив и мыс именовались Киммериком и Киммерийским.[49]

---

[45] Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 42 сл.

[46] Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — ВССА, с. 131.

[47] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 111.

[48] Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 203.

[49] Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей. — Вестн. МГУ, 1948, № 8, с. 9 сл.; Гайдукевич В. Ф. 1) Боспорское царство, с. 31 сл.; 2) Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971, S. 197; Крушкол Ю. С. К вопросу о киммерийцах. — В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1955, с. 91; Кругликова И. Т. 1) Памятники эпохи бронзы из Киммерика. — КСИИМК, 1948, вып. 43, с. 108; 2) Раскопки Киммерика. — КСИИМК, 1953, вып. 51, с. 138 сл.; Шульц П. Н. 1) Исследования Неаполя Скифского (1945—1950). — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев,

А. И. Тереножкин, признавая правомерность гипотезы о реальном существовании киммерийцев на территории Керченского полуострова, прочно закрепленном в топонимике его отдельных пунктов, полагает, однако, что Керченский полуостров являлся юго-восточной границей расселения киммерийцев, в то время как основная их масса обитала в степных районах.[50] В связи с этими соображениями он подчеркивает, что «никаких сосредоточений киммерийских памятников не обнаруживается и в Крыму, в том числе и на Керченском полуострове, где, по мнению некоторых ученых,[51] мог находиться главный центр киммерийцев, что явно не находит подтверждения».[52]

Некоторые исследователи придерживаются того в целом оправданного взгляда, что при современном состоянии археологических данных ни одну из культур эпохи поздней бронзы нельзя достаточно аргументированно связать с киммерийцами.[53] В силу этих причин киммерийские и скифские памятники не могут быть разграничены.[54] По существу к этой же точке зрения примыкает и Б. Н. Граков,[55] который считает, что в степях Северного Причерноморья киммерийцы в этот период уже были ассимилированы скифами и поэтому разграничение принадлежащих им памятников представляется невозможным.

Чрезвычайно разноречиво решался исследователями вопрос об этнической принадлежности киммерийцев. Западноевропейские ученые в большинстве своем считали

1957, с. 65; 2) О некоторых вопросах истории тавров, с. 260 сл.; Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, с. 164. Ср.: Куклина И. В. Ранние известия о скифах и киммерийцах. — ВДИ, 1981, № 2, с. 162 сл.

[50] Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 11.

[51] См.: Жебелев С. А. Указ. соч., с. 255, 335 сл.; Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей, с. 9.

[52] Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 92.

[53] Иессен А. А. 1) К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР, с. 110; 2) Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — ВССА, с. 130; ср.: Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959, с. 238 сл.

[54] Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР, с. 109; ср.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 241.

[55] Граков Б. Н. Скифы, с. 25.

киммерийцев либо кельтским племенем,[56] либо киммерами.[57] Многие усматривали в таврских племенах горного Крыма остатки киммерийцев.[58] Однако еще П. Н. Шульц отметил недостаточную аргументированность генетической связи тавров с киммерийцами,[59] а Х. И. Крис, специально занимавшаяся этой проблемой, пришла к выводу, что факты, на основании которых можно было бы считать тавров остатками киммерийских племен в Крыму, полностью отсутствуют.[60] Тем не менее И. М. Дьяконовым было высказано мнение о том, что не исключена возможность совместного обитания киммерийцев с таврами в Крыму в течение какого-то периода (до колонизации Таврического полуострова греческими поселенцами).[61]

Имела также место и гипотеза, согласно которой киммерийцы считались фракийским племенем.[62] Хотя М. И. Ростовцев отмечал, что, по свидетельствам древних авторов, киммерийцы могут рассматриваться как родственное фракийцам племя, он некоторое время был все же более склонен видеть в киммерийцах выходцев с востока, пришедших в тесное соприкосновение с фра-

---

[56] Potocki J. Histoire primitive, des peuples de la Russie... SPb., 1802, p. 51; Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer. — Ztschr. Deutsch. Morgenländischen Ges., 1917, vol. 71, S. 383.

[57] Lenormant F. Les origines de l'histoire d'apres la Bible. Paris, 1882, p. 359; Kothe H. Die Herkunft der kimmerischen Reiter. — Klio, 1963, № 41, S. 15 f., ср.: Lehmann-Haupt. Kimmerier, col. 428 sq.

[58] Брун Ф. К. Опыт соглашения противуположных мнений о Геродотовой Скифии. СПб., 1896, с. 36 сл.; Жебелев С. А. Указ. соч., с. 256.

[59] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров, с. 260.

[60] Крис Х. К. О таврах и кизил-кобинской культуре. — ВДИ, 1971, № 4, с. 156 сл.

[61] Дьяконов И. М. История Мидии, с. 232.

[62] См. кн.: История Геродота в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб., 1886. Указатель (далее: Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель); Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей, с. 16; Тереножкин А. И. Памятники скифского периода на Украине. — КСИИМК, 1952, вып. XLVII, с. 4. См. также работу «Киммерийцы» (с. 203), где А. И. Тереножкин указывает лишь на наличие фрако-киммерийских связей, в результате которых возникла особая фрако-киммерийская культура. Ср.: Смолин В. Ф. О передвижении геродотовых скифов в Передней Азии. Казань, 1915, с. 6.

кийскими племенами во время продвижения киммериiцев на Балканский полуостров, а затем совместных набегов на Малую Азию с фракийским племенем треров.[63] В следующем, переработанном и дополненном издании той же книги[64] М. И. Ростовцев склонился к мнению, что киммерийцы родственны фракийцам. Кроме того, он указывал на мифологическую связь древнейшего населения Крыма с фракийцами о. Лемноса — синтиями (или синтами). На сходство племенных названий племени синтов с синдами, жившими на Таманском полуострове, указывал также и В. Д. Блаватский,[65] по мнению которого, весьма примечательными также являются названия города Тиритаки (Тиристаки), реки Тирас и существование во Фракии и Мёзии городов с наименованием Тиристасис и Тириста, а также горного хребта Тиристрия. М. И. Артамонов также склонялся к мнению, что синды, обитавшие на Таманском полуострове, являлись прямыми потомками киммерийцев, вернувшихся из азиатских походов вместе со скифами.[66] Вместе с тем М. И. Артамонов считал, что больше всего оснований имеется для того, чтобы сближать киммерийцев с древним населением Малой Азии и Балканского полуострова, в частности с фракийцами.[67]

Значительное распространение в современной науке имеет и гипотеза о родстве киммерийцев со скифами. Сходство скифов и киммерийцев по образу жизни и языку отмечалось большим числом как отечественных, так и зарубежных исследователей.[68]

---

[63] Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пгр., 1918, с. 26 сл.

[64] Rostowzew M. Iranians and Greeks in South Roussia. Oxford. 1922, p. 39 foll.

[65] Блаватский В. Д. 1) Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. — ПИСПАЭ, с. 9; 2) Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 22 сл.

[66] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 62 сл., 120.

[67] Там же, с. 63.

[68] Hommel F. Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients. München, 1904, p. 110; Minns E. Skythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 115; **Крупнов Е. И.** Древняя история Северного Кавказа, с. 54 сл.; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, с. 35 сл., 57 сл.; Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 125; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 228, 238, 241; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 142 сл.

Из последних работ наиболее четко сформулирована точка зрения на иранское происхождение киммерийцев у И. М. Дьяконова: «Мы можем определить киммерийцев VII в. до н. э. как племя иранского языка, подвергшееся в значительной мере процессу смешения с малоазийскими народами по культуре, а, возможно, также и по языку».[69] Этот же ученый, выступая в дискуссии по проблемам отечественной скифологии на страницах журнала «Народы Азии и Африки», высказал твердое мнение, что киммерийцев как отдельного этноса вообще никогда не существовало. Это были «подвижные отряды» ираноязычных скифов, воспринятые черноморскими греками как особый народ (в основе же этого представления лежала ложная историзация фольклора Причерноморья эллинами).[70] Таким образом, если взглянуть на процесс развития киммерийской проблемы в ее хронологической последовательности, то можно наблюдать довольно любопытное явление. Киммерийцы, благодаря отождествлению Г. Винклером племенного названия Gimirrai из клинописных текстов с древнегреческим Κιμμέριοι, встречающимися у античных авторов,[71] стали из полулегендарного народа исторической реальностью. Вызвав в науке ожесточенные дискуссии, породив огромную полемическую литературу, массу более или менее правдоподобных гипотез, они вновь превратились в легенду, созданную греками на основе «ложной историзации причерноморского фольклора». Вряд ли можно считать киммерийскую проблему решенной окончательно таким образом. Скорее всего, она все еще остается открытой.

Вопрос о появлении скифов в Северном Причерноморье и о времени их появления так же дискуссионен, как и вопрос о том, что скрывается под термином «скифы».

Эти проблемы не могут быть решены в отрыве от вопроса о происхождении скифов. Как известно, у Геродота приведены три легенды об их происхождении (IV, 5—11), в двух из которых (IV, 5—7; IV, 8—10) засви-

[69] Дьяконов И. М. История Мидии, с. 241.

[70] НАА, 1980, № 6, с. 92; ср.: Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 43, 47.

[71] Winckler H. Altorientalische Forschungen. B. I, H. VI. Leipzig, 1893, S. 484 folg.

детельствована автохтонность скифов в степях Северного Причерноморья, а в третьей (IV, 11), которой, как говорит Геродот, он сам больше всего доверяет, скифы являются народом, пришлым из Азии: потесненные массагетами, они продвинулись к западу, перешли Аракс[72] и заняли земли, прежде принадлежавшие киммерийцам. Далее Геродот сообщает, что скифы считают себя самым молодым народом на этой земле (IV, 5).

Как уже говорилось выше, большая часть современных исследователей принимает именно последнюю версию Геродота и вслед за ним выводит скифов с востока. Расхождения во мнениях идут лишь по вопросу о том откуда именно и в какое время они появились в Северном Причерноморье. Так, М. И. Ростовцев, А. А. Иессен, А. И. Тереножкин, А. П. Смирнов и другие считают, что скифы пришли из Азии.[73] Они полагают, что все характерные для скифов-кочевников культурные явления принесены из Средней Азии, в первую очередь звериный стиль, короткий меч, так называемая скифская триада, особенности одежды, общественной структуры, религиозных представлений, языка.[74]

Советские скифологи появление скифов связывают большей частью с движением племен срубной культуры в причерноморские степи,[75] однако вопрос о времени этого продвижения решается по-разному. Так, М. И. Артамонов одно время относил появление всех скифских племен к началу проникновения срубной культуры, т. е. ко второй половине II тысячелетия до н. э., а Б. Н. Граков связывал появление скифов царских с последней волной

---

[72] Общепринято, что р. Аракс, упоминаемая в IV, 11, идентифицируется с Волгой.

[73] Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России, с. 32 сл.; Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, 36 сл.; Тереножкин А. И. 1) Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 200 сл.; 2) Скифская культура. — ПСА, с. 20 сл.; Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 41 сл.

[74] См.: Тереножкин А. И. Скифская культура, с. 22 сл.

[75] Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. — ВДИ, 1950, № 2, с. 37 сл.; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. — ВССА, с. 39 сл.; Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, с. 157 сл.

миграции срубных племен из Поволжья (конец VIII—начало VII в. до н. э.).[76]

М. И. Артамонов в последней работе высказался в пользу автохтонности скифов в степях Северного Причерноморья, полагая, что Геродот принял за приход скифов из Азии их возвращение из передпсазиатских походов.[77]

Сообщение Геродота о походах скифов в Переднюю Азию (IV, 1) и восточные тексты позволили большинству исследователей датировать приход скифов в причерноморские степи концом VIII—VII в. до н. э.[78]

Таким образом, скифы, жившие в Азии по соседству с родственными им племенами — саками, массагетами и населением Алтая, в конце VIII—VII в. до н. э. под давлением массагетов (согласно сообщению Геродота) или исседонов (согласно Аристею) покинули свою родину и вторглись в страну, ранее принадлежавшую киммерийцам. Вполне возможно, что тесное и длительное сосуществование пришлых ираноязычных кочевников-завоевателей с местными племенами и создало это переплетение срубной культуры с местными элементами, которые отмечены археологами. По мнению некоторых из них, срубная культура вошла в качестве серьезного компонента, как бы подосновы, в культуру раннего железного века степной и лесостепной полосы.[79]

Об определенной близости культур свидетельствует, по мнению некоторых исследователей, непрерывная линия развития от памятников срубной культуры раннего времени к собственно скифским, зафиксированная многими археологами преемственность в керамике, в некоторых видах вооружения.[80] Материалы лингвистики и

[76] Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов, с. 37 сл.; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 167.

[77] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 39.

[78] А. И. Тереножкин в работе «Предскифский период на днепровском Правобережье» (с. 200) указывает, что скифы появились в Северном Причерноморье не позднее конца IX—начала VIII в. до н. э.

[79] См.: Петренко В. Г. Задачи и тематика конференции. — ПСА, с. 7.

[80] Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. ПСА, с. 75 сл.; Тереножкин А. П. Скифская культура, с. 22. А. П. Тереножкин отрицает существование эволюционной связи между элементами доскифской и скифской культуры.

антропологии не дают оснований считать, что на рубеже эпохи бронзы и раннего железа произошла смена языка и населения в северопричерноморских степях.[81]

Еще М. И. Ростовцев, хотя он и не занимался специально лингвистическими изысканиями, являлся ярым сторонником теории иранского происхождения скифов, в которых он видел кочевников-завоевателей (иранцев по языку и культуре), не только вторгшихся в Северное Причерноморье и поработивших местное население, но и распространивших на всю эту страну свою идеологию и культуру, в которую вошли слившиеся в своеобразном сочетании иранские, греческие и местные элементы.[82] Свое дальнейшее развитие в русской лингвистике иранская теория происхождения скифов получила на страницах трудов таких известных ученых, как В. Ф. Миллер[83] и А. Н. Соболевский.[84] Работы В. Ф. Миллера имели большое значение для разработки проблемы этнической принадлежности скифов. Приведя взгляды сторонников иранской теории происхождения скифов, изложив соображения Ф. Г. Мищенко, который усматривал в геродотовом обозначении «скиф» политический термин и выделял в составе скифских племен арийский (оседлые скифы) и урало-алтайские (скифы-кочевники) элементы, В. Ф. Миллер провел в своем исследовании проверку сделанных его предшественниками наблюдений путем анализа скифских слов (имен царей и божеств). Сравнение этих слов со словами осетинского языка привело автора к выводу об иранском происхождении исследованного им материала (правда, по признанию В. Ф. Миллера, часть слов все же не поддается объяснению). Сле-

---

[81] Дебец В. Ф. О физических типах людей скифского времени. — ПСА, с. 8 сл.; Абаев В. И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. — ПСА, с. 10 сл.

[82] Ростовцев М. И. 1) Эллинство и иранство на юге России, с. 5 сл.; 2) Iranians and Greeks. Oxford, 1922.

[83] Миллер В. Ф. 1) К вопросу о происхождении скифов. — Изв. о занятиях VII АС в Ярославле, июль—август 1887 г., Ярославль, 1887, с. 9; 2) Осетинские этюды. Т. III. М., 1887, с. 117 сл.

[84] Соболевский А. И. 1) Русские местные названия и язык скифов и сарматов. — Русский филол. вестн., 1910, т. 64, № 3—4, с. 180 сл.; 2) Русско-скифские этюды. — Изв. Отд-ния русского яз. и словесности Рос. Акад. наук, 1927, т. XXVI, с. 1 сл.; 1924, т. XXVII, с. 252 сл.; 3) Топонимические заметки. — Изв. Таврич. отд-ния истории, археол., этнографии, 1929, т. III, № 60, с. 1 сл.

дует отметить, что свои выводы он считал возможным распространить только на оседлых скифов. Вслед за В. Ф. Миллером следы скифо-сарматского языка в современном осетинском находил А. И. Соболевский, относя скифские названия и остатки скифских слов к иранской ветви индоевропейских языков. Особо были отмечены А. И. Соболевским своеобразие и отличия этого языка от иранских языков, общие и диалектные.[85]

Исследования В. И. Абаева[86] принесли новые доказательства ираноязычности скифов, и в настоящее время среди советских ученых по этому вопросу уже не возникает дискуссий.

Таким образом, по мнению большинства исследователей, Северное Причерноморье населял конгломерат разноэтничных племен, возглавленный скифами царскими. Это мнение было высказано еще Ф. Г. Мищенко. Его разделяли Э. Миннз, М. И. Ростовцев, М. И. Артамонов, И. В. Фабрициус, А. В. Удальцов, П. Н. Третьяков, А. И. Тереножкин и др. Из ведущих скифологов только Б. Н. Граков подверг критике представление исследователей о собирательном смысле понятия «скифы», утверждая, что Геродот, говоря о скифах, имел в виду пле мена этнически родственные и в то же время объединенные политически[87] (хотя ранее он рассматривал Скифию как обширное политическое образование с единой культурой, сложившейся в результате смешения пришлых с востока ираноязычных скифов-кочевников с покоренными ими оседлыми земледельцами).[88] Это утверждение об этническом единстве скифского союза нашло поддержку у одних исследователей, но вызвало и серьезные возражения у других, так что у большинства

[85] Соболевский А. И. Русские местные названия и язык скифов и сарматов, с. 180.

[86] Абаев В. И. 1) Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949; 2) Культ «семи богов» у скифов. — В кн.: Древний мир. М., 1962; 3) Скифо-европейские изоглоссы; 4) О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы, и др.

[87] Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах. — Киевская старина, Киев, 1884, с. 58 сл.; Граков Б. Н. 1) Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 7 сл.; 2) Каменское городище на Днепре, с. 18; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 39 сл.

[88] Граков Б. Н. Скіфи, с. 16 сл. См., напр.: Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. — Тр. ГИМ, 1959, вып. 36, с. 94 сл.

советских ученых все же сохранился взгляд на Скифию как на политический союз разноэтничных племен.[89] Особую позицию в трактовке вопроса об этническом составе Скифии занял Д. П. Каллистов. В понятие «скифы» он также вкладывает собирательный смысл, однако считает, что Геродот приводит подлинные наименования только немногих отдельных племен (каллипидов, ализонов), находящихся поблизости от его пункта наблюдения (Ольвии), а более отдаленные характеризует по самому общему хозяйственному признаку (ἀροτῆρες и γεωργοί) и что за последними стоят многочисленные группы местного населения, каждая из которых заключает в себе ряд отдельных племен, имеющих свои особые имена.[90]

С проблемой одноэтничности или разноэтничности скифского союза тесно связано и решение вопроса о территории Скифии. Б. Н. Граков считал таковой лишь степную часть Северного Причерноморья, М. И. Артамонов включал, кроме степных районов, еще Побужье и Поднестровье и исключал Среднее Поднестровье, И. В. Фабрициус ограничила Скифию территорией УССР без ее западных областей, а А. И. Тереножкин распространял территорию Скифии и на лесостепные районы.[91]

Таким образом, вопрос о том, кого, собственно, следует считать «подлинными скифами», еще далеко не решен. По существу в современной науке он до сих пор является дискуссионным, и единой точки зрения не существует.

Одни исследователи видят в скифах все племена с признаками скифской культуры на территории от Дуная до Восточного Казахстана и Алтая.[92] Л. А. Ельницкий изложил свое мнение (и мнение тех, к кому он примкнул) в следующем тезисе: «Взгляд на скифскую куль-

---

[89] См.: Погребова Н. Н. Указ. соч., с. 16 сл.; Петренко В. Г. Указ. соч., с. 5 сл.; Тереножкин А. И. Скифская культура, с. 15 сл.

[90] Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 119 сл.

[91] См.: Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э., с. 13 сл.; Фабриціус І. В. До питання про топографізацію племен Скіфії. — Археологія, Київ, 1951, т. V, с. 51 сл.; Тереножкин А. И. Скифская культура, с. 15.

[92] Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России; Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1963; Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

туру как на явление, связанное с бытом общественной верхушки кочевых племен и с культурной ассимиляцией, осуществлявшейся под перекрестным влиянием периферийных оседлых цивилизаций и местного, подчиненного скифам скотоводческого и земледельческого населения, усвоившего в какой-то мере скифский язык, принимавшего также и самое имя скифов (саков, гетов и т. п.), — взгляд этот был воспринят многими учеными, авторами обобщающих трудов по истории скифской культуры».[93]

Другие ученые считают скифами только степные племена, населявшие территорию между Днестром и Доном,[94] связывая «культуру и имя скифов с некоей этнической определенностью».[95]

Поскольку, как уже говорилось выше, отечественная скифология развивалась главным образом как отрасль археологии, с накоплением археологического материала возникла потребность в сопоставлении свидетельств Геродота о расселении племен на территории Скифии с выявленными на этой территории археологическими культурами.

В советской скифологии в настоящее время существует много вариантов этнической карты геродотовой Скифии, но, по справедливому замечанию А. П. Смирнова (который сам предложил один из вариантов), «трудно сказать, который из них ближе к истине».[96] Действительно, если сравнить между собой карты расселения скифских и нескифских племен по Геродоту, приложенные к работам Б. Н. Гракова,[97] М. И. Артамонова,[98] А. П. Смир-

---

[93] Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 15.

[94] Артамонов М. И. 1) Этнография Скифии. Л., 1949; 2) Киммерийцы и скифы. Л., 1974; Граков Б. Н. 1) Каменское городище на Днепре; 2) Скифы. Влияние этой концепции прослеживается в целом ряде других работ, см.: Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 16; ср. с. 68 сл.

[95] Там же.

[96] Смирнов А. П. Скифы, с. 49; ср. также: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 12 сл. Б. А. Рыбаков подвергает резкой критике схемы связи археологических культур с племенами, перечисленными Геродотом, разработанные советскими скифологами. Его соображения по поводу этнической карты Скифии будут рассмотрены ниже.

[97] Граков Б. Н. 1) Скіфи, с. 8; 2) Скифы, с. 14.

[98] Артамонов М. И. Этногеография Скифии. — Учен. зап. ЛГУ, 1949, т. 85, вып. 13, с. 170.

нова,[99] А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской,[100] то, хотя все эти исследователи исходили из одних и тех же свидетельств «отца истории», сразу же бросается в глаза разноречивость и недостаточная полнота предложенных ими схем. Для того чтобы уяснить, по какому пути развивалось представление о расселении племен на территории геродотовой Скифии, представляется необходимым остановиться на обобщающих работах ведущих советских скифологов, оперировавших в своих построениях в основном археологическими материалами. Так, М. И. Артамонов, основываясь на всей совокупности археологических данных, полученных в результате исследований дореволюционных и советских ученых, попытался наложить геродотову схему расселения племен на карту археологических памятников, открытых в Северном Причерноморье и прилегающих к нему районах. Таким образом, он продолжил уже существовавшую в русской науке традицию, представленную еще в XIX в. И. И. Надеждиным, П. Н. Кречетовым, Ф. К. Бруном, Ф. А. Брауном и другими учеными, стремившимися выяснить реальное расселение племен геродотовой Скифии на современной карте и определить истинные границы «скифского четырехугольника».

Поставив перед собой столь нелегкую задачу, М. И. Артамонов в качестве наиболее характерного признака для определения различных этнических групп предложил взять погребальный обряд, считая его самым надежным критерием, в силу того что способ погребения — самая устойчивая и консервативная этническая особенность.[101]

Исходя из этих соображений, вполне обоснованных для археолога, М. И. Артамонов сразу же столкнулся со значительными трудностями. Практически, рассматривая одновременные погребения в одной и той же курганной группе на Киевщине или в северной части Кировоградской области, нельзя упускать из виду, что как в погребальном обряде, так и в типе погребальных сооружений

---

[99] Смирнов А. П. Скифы, с. 50.

[100] Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 225; Тереножкін О. І., Іллінська В. О. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР. Т. II. Київ, 1971.

[101] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 133 сл., 143.

встречается известная пестрота. Варьируется обряд и тип погребений также в могильниках на Ворскле, Суле и Среднем Дону. Это обстоятельство было отмечено Б. Н. Граковым и А. И. Мелюковой в качестве серьезного возражения против предложенного М. И. Артамоновым принципа.[102] Кроме того, и сами свидетельства Геродота о скифском погребальном обряде находятся в противоречии с данными археологии.

Как известно, давая свое описание Скифии, Геродот делит ее на две части — восточную, которая занята кочевыми племенами (степи от Борисфена до Танаиса), и западную, населенную земледельцами (по большей части лесостепи от Борисфена до Тираса). С запада, севера и востока Скифия окружена землями, населенными нескифскими племенами, большинство из которых сходно со скифами либо по обычаям, либо по языку. Из среды кочевых скифов (IV, 19) Геродот особо выделяет скифов царских, самых храбрых и могущественных, считающих прочих скифов своими рабами (IV, 20). По мнению М. И. Артамонова, основная территория кочевых скифов находилась на Нижнем Днепре, хотя кочевья скифов царских простирались и далее на юго-запад (судя по сообщениям античных авторов о столкновениях скифов с соседними племенами на Дунае).[103] Скифам-номадам М. И. Артамонов отвел область западного степного Крыма, связав, таким образом, с ними крымские курганы.[104] Скифам царским Геродот приписывает пышный погребальный обряд, о котором рассказывает весьма подробно (IV, 71). Согласно описанию Геродота, скифы, предварительно набальзамировав труп умершего царя, погребали его в большой четырехугольной яме, положив на специальную подстилку. По сторонам втыкали копья, сверху клали бревна и покрывали тростником. Оставшееся пространство было занято сопровождающими захоронениями — слугами, наложницами, животными и инвентарем. Поверх могилы насыпался большой курган. Царские могилы находились в стране герров, удаленной местности, где, согласно рассказу Геродота, они были

[102] Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 61.

[103] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 149; ср.: там же, карта на с. 170.

[104] Там же, с. 144.

надежно укрыты от врагов (IV, 127). М. И. Артамонов, принимая идентификацию рек Герра и Гипакириса, предложенную Ф. А. Брауном,[105] помещает страну герров на водоразделе между реками Молочной и Днепром[106] и таким образом определяет местность, являющуюся усыпальницей скифских царей и культовым центром степной Скифии. И действительно, многочисленные богатейшие скифские курганы, такие как Солоха, Чертомлык, Александропольский и др., были открыты между Запорожьем и Никополем по обе стороны Днепра. Все современные исследователи связывают эти погребения с именем скифов царских. Но перечисленные выше «царские» захоронения представляют собой погребения катакомбного типа, т. е. совершенно не соответствуют тому, что рассказывает Геродот. При этом у Геродота дано описание обряда, существовавшего не позднее V в. до н. э. Все же самые богатые известные погребения катакомбного типа датируются временем не ранее начала IV в. до н. э.[107] М. И. Артамонов отмечает, что погребальное сооружение, описанное Геродотом, ближе всего примыкает к типу могил, известных в Нижнем Поднепровье, представляющих яму, обставленную внутри досками или частоколом и перекрытую сверху деревянным потолком.[108] Г. Л. Скадовский при раскопках Белозерского городища в устье Днепра обнаружил на дне могильных ям вокруг скелета ямки, несомненно являющиеся следами кольев (или копий), воткнутых вокруг тела и поддерживавших навес (шатер) или шалаш.[109] Погребение в виде шалаша или шатра в могиле представляло собой древнейшую форму местного погребального сооружения, сохранившуюся вплоть до скифской эпохи. Остатки ямок вокруг возвышения, служившего ложем для покойника, свидетельствующие о наличии шатра над трупом, были

---

[105] Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, с. 221 сл.; см. там же, с. 144, где Герр отождествляется с р. Молочной, а Гипакирис — с р. Каланчак.

[106] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 144.

[107] Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 405.

[108] Самоквасов Д. М. Могилы русской земли, с. 15 сл.; ср.: Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 136.

[109] Скадовский Г. Л. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. — Тр. VIII АС, М., 1980, т. III, с. 156 сл., 160.

обнаружены также при раскопках Широкого кургана у с. Малая Лепатиха, произведенных Н. И. Веселовским. Это погребение было разграблено еще в древности, но высота курганной насыпи (9.6 м) свидетельствовала о том, что захоронено здесь было значительное лицо, по всей вероятности, один из тех вождей или царей скифов, о которых писал Геродот.[110] Н. И. Веселовским же было раскрыто захоронение, наиболее соответствовавшее рассказу Геродота о погребении скифского царя. Это курган № 2 возле Дорт-Обы у Симферополя. Курган был обнесен крепидой из огромных камней с каменной же обкладкой в центре насыпи, содержал глубокую большую квадратную могилу, забранную по стенкам деревом, покрытым сверху войлоком, остатки которого можно было опознать. На дне ямы были обнаружены углубления для шести столбов; на них покоился балдахин, остатки которого (следы черной материи или кожи) также прослеживались. Находка 5 медных блях с кольцами, на которых могла висеть материя, также свидетельствует о наличии балдахина. Здесь же находился многочисленный богатый погребальный инвентарь, свидетельствующий о знатности и могуществе погребенного лица.[111] В этом погребении имеются налицо все основные элементы могильной конструкции, засвидетельствованной Геродотом: большая могильная яма, шатер в могиле и курганная насыпь. По справедливому замечанию А. А. Спицына, в кургане № 2 Дорт-Обы археология пока что имеет единственный пример погребального сооружения, соответствующего полностью описанию Геродота. Правда, здесь нет сопровождающих захоронение слуг, наложниц и животных, но, по мнению археологов, это существа дела не меняет.[112]

---

[110] Раскопки Н. И. Веселовского в 1916—1917 гг. — Сообщ. ГАИМК, 1926, вып. 1, с. 200 сл.

[111] Веселовский Н. И. Отчет о раскопках в урочище Дорт-Оба в 1892 г. — ОАК, 1892, с. 6 сл.; ср.: Кашпар А. О. Раскопки курганов в окрестностях г. Симферополя, произведенные в 1892 г. проф. Н. И. Веселовским. — ИТУАК, 1893, № 16; с. 115 сл.; ср.: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 62 (приведены возражения против существования шалаша или шатра).

[112] Спицын А. А. Скифо-сарматские курганы Крымской степи. — ИТУАК, 1918, № 54, с. 172 сл.; см. также: Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 140.

Пытаясь выяснить причины расхождения рассказа Геродота и археологических данных, М. И. Артамонов рассуждает следующим образом. Он не допускает мысли, что Геродот приписал царям скифов царских, господствующего среди скифов племени, погребальный обряд скифов-номадов. Геродот, как он сам сообщает, пользовался информацией доверенного лица скифского царя, некоего Тимна, находившегося в Ольвии (IV, 76). Безусловно от него Геродот узнал трагическую историю царя Скила и, возможно, скифские генеалогические легенды. Путаницу со стороны Геродота в этом важном вопросе М. И. Артамонов решительно отвергает, считая, что в V в. до н. э. обряд погребения скифского царя происходил именно так, как описывает Геродот. М. И. Артамонов предполагает, что более архаическая форма погребения сохранилась в степном Крыму у скифов-номадов, а у скифов царских в послегеродотовское время она сменилась могильным сооружением катакомбного типа в результате заимствования ими традиционного для Нижнего Поднепровья погребального сооружения, бытовавшего здесь еще в эпоху бронзы (т. е. в доскифский период).[113] Это явление он склонен был объяснять как результат ассимиляции царских скифов скифами-земледельцами, обитавшими в Нижнем Поднепровье. В своем последнем труде «Киммерийцы и скифы» М. И. Артамонов склонялся к предположению, что могильные сооружения катакомбного типа были, скорее всего, подражанием скальным склепам Ближнего Востока, заимствованным скифами во время их походов в Переднюю Азию, а не были связаны генетически с катакомбами эпохи бронзы.[114]

---

[113] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 148 сл.

[114] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 75. Л. С. Клейн в работе «Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным» (АСГЭ, 1961, № 2, с. 52 сл.) выступил против предположений М. И. Артамонова, полагая, что изменение погребального обряда произошло у скифов-кочевников, подвластных скифам царским. Что же касается красочного описания обряда погребения скифских царей, данного Геродотом (IV, 71), то Л. С. Клейн допускает, что информатор Геродота, хорошо знавший жизнь близких соседей Ольвии — скифов-кочевников, не имел непосредственных контактов с царскими скифами, которые были больше связаны с Пантикапеем. Этот информатор и дал Геродоту преувеличенное представление о богатстве погребения вождей скифов-кочевников, а Геродот отнес их к царям скифов царских. Однако, признавая недо-

Следует еще раз отметить, что эти соображения, высказанные М. И. Артамоновым, нельзя признать достаточно убедительными, поскольку они идут вразрез с его собственным утверждением о том, что погребальный обряд является наиболее надежным этническим признаком.[115] Скифов-земледельцев (борисфенитов), о которых сообщает Геродот (IV, 18 и 53), М. И. Артамонов связывает с курганными захоронениями катакомбного типа, сосредоточенными возле Белозерского городища, открытыми Г. Л. Скадовским в низовьях Днепра. Он выделяет среди погребений группу с погребальным инвентарем, характерным для оседлого населения, а в инвентаре курганов, разбросанных в степи с тем же самым устройством погребального сооружения, т. е. катакомбой, отмечает оружие и остатки конских скелетов, находящиеся возле погребенного, что свидетельствует о кочевом и воинственном характере населения, которому принадлежали эти погребения. Исходя из этих данных, М. И. Артамонов сделал вывод о возможном сосуществовании двух групп населения в низовьях Днепра: одна — кочевая, скотоводческая, другая — оседлая, земледельческая. Скифы-земледельцы, по мнению М. И. Артамонова, жили по берегам рек с их благоприятными для земледелия условиями. Однако выше страны герров, т. е. Запорожья, область, занятая скифами-земледельцами, не простиралась.[116] В последней своей книге М. И. Артамонов подтвердил предложенное им размещение скифов-земледельцев в низовьях Днепра, подчеркнув, что эта небольшая группа была оторвана от основного массива скифов, занимавшихся земледелием в лесостепной полосе, которых Геродот называет скифами-пахарями (ἀροτῆρες — IV, 17).[117] Следуя за Геродотом, который перечисляет племена западной части Скифии с юга на север, от Ольвии вверх по течению р. Гипаниса (Буга), М. И. Артамонов, как и С. А. Жебелев,[118] видит

статочную убедительность гипотезы М. И. Артамонова, трудно принять и предположение Л. С. Клейна, что Геродот, исходя из слов информирующего его ольвиополита, по совершенно необъяснимым побуждениям перенес то, что ему говорилось о скифах-кочевниках, на скифов царских.

[115] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 148.

[116] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 147.

[117] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 82.

[118] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 339.

в каллипидах (IV, 17, 1) скифов, подвергшихся сильному греческому влиянию и даже, возможно, смешению с греками.[119] Основываясь на пестроте погребального обряда, выявленной при исследовании ольвийского некрополя, М. И. Артамонов считает, что в свете этих археологических материалов в каллипидах следует видеть не особое племя, а выходцев из различных скифских племен, как оседлых, так и кочевых, поселившихся в Ольвии или возле города, эллинизировавшихся, но сохранивших традиции своего племенного погребального ритуала. Он не исключает (вслед за М. Ф. Болтенко), что в названии этого племени можно усмотреть «туземное этническое обозначение, восходящее к имени одного из родоначальников скифских племен (Липоксая или Липа)».[120] Следующее названное Геродотом земледельческое племя — ализоны, сеющие просо, лук, чеснок, чечевицу, жили севернее каллипидов, выше Ольвии по течению р. Гипаниса, там, где он сближается с р. Тирасом (Днестром). Область их обитания, по словам Геродота, доходила до горького источника Эксампей, который отделял их от территории скифов-пахарей. М. И. Артамонов, следуя традиции, идущей еще от Т. Байера, считал, что Эксампей можно идентифицировать с р. Синюхой, левым притоком р. Буга. Из-за плохой изученности археологических памятников Побужья М. И. Артамонов оставил открытым вопрос о памятниках, связанных с ализонами, высказав предположение о возможности связать с ними так называемые колоколовидные ямы, обнаруженные в Побужье и на о. Березани. Правда, он тут же оговорился, что это гипотетично, указывая, что «других кандидатов на этого рода памятники нет». Здесь как раз очень ясно проявляется стремление, присущее почти всем археологам, занимающимся Скифией Геродота, во что бы то ни стало связать с определенным племенем какую-либо уже известную культуру. Эта тенденция породила тот большой разнобой, который характерен для схем расселения скифских племен, предлагаемых нашими ведущими скифологами. В жертву избранному им решающему этническому признаку — погребальному обряду — М. И. Артамонов при-

---

[119] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 149 сл.

[120] Там же, с. 150; ср.: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 61.

нес и свидетельство Геродота об области обитания скифов-пахарей (IV, 17, 2). М. И. Артамонов приписывает им подольские курганные погребения и таким образом локализует скифов-пахарей в Подолии, сдвигая область их обитания на запад (вплоть до Карпат),[121] вопреки указаниям Геродота, из которых следует, что их местонахождение следует искать между Гипанисом и Борисфеном, где находится Эксампей (IV, 81, 2). Локализация пескифских племен у М. И. Артамонова носит еще более гипотетический характер. Размещая территорию их обитания в лесостепной полосе, он невров локализует в Галиции и Волыни (Невриде),[122] в ареале высоцкой археологической культуры. Племени будинов он отводит памятники Киевщины и Среднего Поднепровья, считая обитающих здесь меланхленов и андрофагов родственными будинам и не видя пока что возможности выделить эти племена из будинской общности.[123] К ней он относит и гелонов, вслед за В. Щербакивским видя возможность отождествления Бельского городища с городом Гелоном Геродота.[124] Таким образом, М. И. Артамонов объединяет будинов, гелонов, андрофагов и меланхленов в одну племенную группу и связывает с ними археологические памятники Среднего Поднепровья. Весьма примечателен отмечавшийся уже ранее присущий большинству археологических исследований характер соотношения между свидетельством источника и данными археологических материалов, нашедший свое отражение и на страницах работы М. И. Артамонова. Говоря об указании Геродота на кочевой образ жизни андрофагов, М. И. Артамонов полагает его ошибочным, поскольку свидетельство Геродота не находит подтверждения в материалах среднеднепровских памятников.[125] По-видимому, именно такое

---

[121] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 154 сл.; ср.: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 62.

[122] Артамонов М. И. 1) Венеды, невры, будины в славянском этногенезе. — Вестн. ЛГУ, 1946, вып. 2, с. 70 сл.; 2) Этногеография Скифии, с. 160.

[123] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 161—162.

[124] Scerbakivski V. La situation géographique de la ville de Gelone d'Hérodote. — Księga pamiatkowa prof. Wl. Demetrykewiez, Lwów, 1930; Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 163.

[125] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 159.

прагматически-ультимативное отношение к источнику и породило в известной мере то большое количество разноречивых мнений и взаимоисключающих гипотез, которые зафиксированы в современной скифологии. Следует сразу же отметить, что, несмотря на большой научный авторитет М. И. Артамонова, далеко не все скифологи согласились с его выводами и предложенной им схемой расселения племен геродотовой Скифии. В первую очередь здесь следует назвать Б. Н. Гракова — одного из крупнейших специалистов в области скифо-сарматской археологии и античной эпиграфики. Знание античной традиции, основанное на изучении письменных источников, в сочетании с умением разобраться в сложном археологическом материале сделали Б. Н. Гракова одной из самых значительных фигур в советской скифологии. Его научно-популярная работа «Скіфи», вышедшая в 1947 г. на украинском языке, явилась первым очерком в советской археологической литературе, где были освещены все стороны жизни скифского общества — его общественный строй, хозяйственный уклад, искусство, культура, религиозные представления. К книге прилагалась карта,[126] на которой территория Скифии определялась в соответствии с предполагаемыми размерами геродотова «скифского квадрата». Протяженность Скифии на север доходила до лесной полосы, благодаря чему андрофаги и меланхлены попали в бассейн Десны и Оки, будины разместились в Мордовии, невры — на правобережье Припяти. По схеме Б. Н. Гракова скифы-пахари обитали в лесостепном междуречье Днепра и Буга, скифы-земледельцы — по обоим берегам Днепра в лесостепной его части, а степные пространства населяли в основном кочевые племена, причем скифы царские занимали степи от Днепра до Дона, включая и северный степной Крым, а скифы-номады — Нижнее Поднепровье до р. Молочной. В вышедшей в 1971 г. книге «Скифы» Б. Н. Граков построил свою схему, опираясь на не вызывавшую сомнений идентификацию пяти главных рек Скифии, перечисленных Геродотом: Истра (Дуная), Тираса (Днестра), Гипаниса (Буга), Борисфена (Днепра) и Танаиса (Дона).[127] Он наметил расселение племен по данным Ге-

[126] Граков Б. М. Скіфи, с. 8.
[127] Граков Б. Н. Скифы.

родота в несколько изменешном по сравнению с первой схемой виде. Поскольку Б. Н. Граков отметил, что «строго геометрическое построение фигуры страны и равенство всех ее границ не позволяют серьезно оперировать с таким представлением»,[128] то все племена по сравнению с первой картой сместились к югу. От Дуная до Днепра побережье было занято скифскими племенами. Северная их граница с неврами находилась в верхнем течении Днестра, Буга и прилегающем к ним Днепровском Правобережье (т. е. это не лесная, а лесостепная полоса). Ближе всех к Ольвии, вверх по течению Гипаниса, жили каллипиды, или эллино-скифы. Выше каллипидов, в месте сближения Гипаниса и Тираса, жили ализоны. Еще выше, в междуречье этих рек, севернее горького источника Эксампея, — племя скифов-пахарей (также смещенных к югу из лесостепной полосы). Скифы-земледельцы селились по обоим берегам Борисфена вперемежку со скифами-кочевниками, область которых доходила до р. Герроса (Конки). Дальше на восток и к югу шли степные владения скифов царских. Они занимали степи вдоль Меотиды вплоть до р. Танаиса и северный Крым до гор, где обитали тавры. К северу от скифов царских на левобережье Днепра и далее на восток обитало племя меланхленов. Выше меотов, живших в дельте и нижнем течении Танаиса, и на северо-восток от них в степях кочевало племя савроматов. Выше савроматов по Танаису в лесостепной полосе жили будины, на западе соприкасавшиеся с племенем невров. В области, занятой будинами, жило также племя гелонов и находился город, носивший их имя.[129] Следует отметить, что на карте, приложенной к книге, отсутствует обозначение местонахождения каллипидов, ализонов, андрофагов, скифов-кочевников, гелонов (указан только город Гелон — Бельское городище). Как известно, М. И. Артамонов при издании своей карты расселения скифских племен не принял во внимание схему Б. Н. Гракова, предложенную им в 1947 г., за исключением области обитания скифов-пахарей и невров.[130] Если взять карту, составленную А. П. Смирновым[131] для его чрезвычайно живо и увле-

[128] Там же, с. 15.
[129] Там же.
[130] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 170.
[131] Смирнов А. П. Скифы, с. 50.

кательно написанной научно-популярной книги «Скифы», то сразу бросится в глаза расхождение с картами, приведенными выше. Скифы-земледельцы у него локализуются лишь на левом берегу нижней части Днепра, будины размещены на левом берегу Дона в его среднем течении (хотя, говоря о будинах и гелонах, он приводит археологические памятники правобережья Среднего Дона).[132] Отсутствует локализация гелонов и андрофагов. Карта размещения племен на территории Скифии предложена и в работе А. И. Тереножкина, подводящей итоги его исследованию предскифского периода в лесостепной полосе Украины.[133] Размещая каллипидов и аризонов вверх по Гипанису, он отводит скифам-пахарям значительную территорию, связывая их с западноподольской и восточноподольской группой археологических памятников (здесь он примыкает к мнению М. И. Артамонова) и киево-черкасской. Волынскую группу памятников он считает принадлежащей неврам Геродота.[134] Выше области, занятой памятниками подгорцевской (милоградской) культуры, обозначены андрофаги; меланхлены, также не связанные с определенной культурой, помещены в области, ограниченной памятниками юхновской культуры с запада, сейменской группы с юга и воронежской — с восточной стороны, где помечены будины. Восточные степи за Танаисом заняты савроматами, скифы царские и скифы-кочевники — в степной части между Днепром, Азовским морем и в степях Крыма, а скифы-земледельцы — по обоим берегам Днепра. Горный Крым отведен таврам, восточное побережье Азовского моря — меотам. Противоречивости в локализации племен на карте Скифии Геродота, существующей в современной скифологии, было уделено особое внимание в одной из последних работ Б. А. Рыбакова.[135] Он фиксирует изменения, происшедшие во взглядах ведущих скифологов (Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, А. И. Тереножкина), предложивших свои схемы размещения геродотовых племен, отмечает взаимоисключающие гипотезы в отношении локализации одних и тех же племен

---

[132] Там же, с. 99.
[133] Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 225.
[134] Там же, с. 238.
[135] Рыбаков Б. А. Указ. соч.

у ряда исследователей [136] и указывает на назревшую необходимость издания новой карты геродотовой Скифии.[137] Однако Б. А. Рыбаков не рассматривает всей истории вопроса, а берет его состояние на то время, когда он приступил к написанию своей книги, отправляясь от тех представлений, которые существуют в науке наших дней. При такой постановке вопроса практически опускаются та аргументация, те основания, на которых предыдущие исследователи строили свои гипотезы. А между тем изложение истории изучения вопроса о локализации скифских и нескифских племен геродотовой Скифии дает любопытную картину как появления и исчезновения новых точек зрения, так и весьма частого возвращения исследователей «на круги своя», т. е. к тем взглядам, от которых они в течение длительного времени отказывались. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть существующие взгляды по поводу локализации племен геродотовой Скифии и их связей с определенными археологическими культурами в процессе развития этих взглядов.

Как известно, у Геродота описание племен идет в направлении с юга на север, причем отправным пунктом служит Ольвия, которая, по его мнению, «находится в самой середине побережья всей Скифии» (IV, 17, 1).[138] Выше Ольвии, к северу от нее, жило племя каллипидов, или эллино-скифов. Как отмечает С. А. Жебелев, соседство каллипидов с эллинами-ольвиополитами должно было привести к ранней эллинизации этого туземного племени.[139]

Подобный взгляд, высказанный в свое время еще Ф. Г. Мищенко,[140] П. И. Люперсольским,[141] и В. Н. Юр-

---

[136] Там же, с. 11, 13.

[137] Там же, с. 16.

[138] По мнению С. А. Жебелева (указ. соч., с. 338), представление Геродота о центральном положении Ольвии свидетельствует о том, что «отец истории» понимал под Скифией территорию в границах Дуная и Дона.

[139] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 339.

[140] Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах. — Киевская старина, 1884, май, с. 67.

[141] Люперсольский П. И. 1) Что такое Ἕλληνες-Σκύθαι у Геродота IV, 17? — ЖМНП, 1888, декабрь, с. 66 сл.; 2) О каллипидах у Геродота IV, 17. — Тр. VI АС, т. II. Одесса, 1888, с. 42 сл.

говичем,[142] нашел поддержку у значительного числа исследователей.[143] Несколько иначе этот вопрос трактовал В. В. Латышев, видевший в эллино-скифах Геродота смешанное население, возникшее в результате браков между скифами и греками, колонизовавшими эту область.[144] По мнению же Я. В. Доманского, следует рассматривать термин «эллино-скифы», которым именуются каллипиды, только как чисто географическое понятие, отражающее тесное соседство поселений каллипидов с греческими на территории ольвийской хоры, поскольку археологический материал не дает достаточных оснований для того, чтобы говорить о сильном влиянии эллинской культуры на каллипидов.[145]

С каллипидами Геродота в течение достаточно долгого времени связывали и миксэллинов, упомянутых в знаменитом декрете в честь Протогена,[146] изданном в Ольвии в III в. до н. э. Этого взгляда придерживались как первые издатели и интерпретаторы декрета, такие как П. Бек, Э. Боннель,[147] Ф. Г. Мищенко,[148] так и В. В. Латышев, а вслед за ним и большое число современных советских исследователей.[149] При этом В. В. Ла-

---

[142] Юргевич В. Н. Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологических исследований. — Тр. VI АС, т. II. Одесса, 1888, с. 29 сл.

[143] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 150; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 53; Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — МИА, 1956, № 50, с. 211; Штительман Ф. М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. — Там же, с. 255 сл.: Шафранская Н. В. О миксэллинах. — ВДИ, 1956, № 3, с. 37 сл.

[144] Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 17 сл.

[145] Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. — АСГЭ, 1961, № 2, с. 36 сл.

[146] IPE, I², 32.

[147] Bonnell E. Beiträge zur Altertumskunde Russlands. Bd I. SPb., 1882, S. 473 folg.

[148] Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах, с. 55 сл.

[149] Так, особенно отчетливо это представление выразила Ф. М. Штительман, считавшая, что обитателями многочисленных поселений Бугского лимана, очевидно, были каллипиды-эллино-скифы-миксэллины, которые благодаря своему соседству с греческим населением Ольвии ближе других племен стояли к рабовладельческому классовому обществу (Штительман Ф. М. Городские поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. — КСИА АН УССР, 1954, вып. 63, 105); ср.: Сла-

тышев подверг критике предположение П. И. Люперсольского, который указывал на неправомерность установления тождества между каллипидами (эллино-скифами, согласно терминологии самого Геродота) и миксэллинами, поскольку в самом этом термине не содержится указания на непременную связь со скифами. Он полагал, что этот термин можно понимать лишь как констатацию существования «помеси эллинов и варваров, однако эти последние не обязательно были скифского происхождения».[150]

Вопросу о термине «миксэллин» было посвящено специальное исследование Н. В. Шафранской,[151] которая подвергла обстоятельному анализу этот термин и пришла к выводу, что нет достаточно серьезных оснований предполагать, что каллипиды и миксэллины — понятия равнозначные. Н. В. Шафранская высказала предположение, что под словом «миксэллины» скрывается название не целого племени, а лишь определенной группы, исполняющей военные обязанности защиты Ольвии и ее граждан. Будучи независимыми, лично свободными людьми, миксэллины, однако, не были равны в гражданских правах с ольвиополитами. Это была группа населения, сходная по положению с афинскими метеками, использовавшаяся, по мнению Н. В. Шафранской, ольвиополитами в качестве военных отрядов.[152]

Согласно свидетельству Геродота, племя каллипидов обитало вблизи Ольвии и занималось земледелием (IV, 17, 1). Многолетние исследования ольвийской хоры показали, что действительно в окрестностях Ольвии на правом и левом берегах нижней части Буга жило население, занимавшееся главным образом земледелием.[153] Остатки

вин Л. М. Древний город Ольвия. Киев, 1951, с. 9 сл.; Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, с. 82; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954. № 36, с. 27.

[150] Люперсольский П. И. Что такое Ἕλληνες-Σκύθα у Геродота IV, 17?, с. 66 сл.; ср.: Блаватский В. Д. Архаический Боспор. — МИА, 1954, № 33, с. 43, примеч. 3. Здесь Блаватский вновь возвращается к взглядам, близким тем, которые были высказаны в работе П. И. Люперсольского.

[151] Шафранская Н. В. Указ. соч., с. 37 сл.

[152] Там же, с. 42; ср.: Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 151 сл.

[153] Доманский Я. В. Из истории населения..., с. 26 сл.

семян злаков, обнаруженные при раскопках, позволили установить, что ведущими зерновыми культурами здесь были пшеница и просо. Железные серпы, каменные зернотерки, ямы грушевидной формы для хранения зерна были обнаружены при исследовании большого числа поселений, как греческого типа,[154] так и тех, которые носили скифские черты.[155]

Многие археологи полагали, что каллипиды жили не только в окрестностях Ольвии, но и в самом городе, поскольку ольвийский некрополь дал большое количество негреческих погребений,[156] а разнообразие типов погребального обряда (простые ямные могилы с деревянными перекрытиями, иногда с каменной или деревянной облицовками стенок, катакомбные могилы) навело некоторых исследователей на мысль о том, что каллипиды вряд ли представляли единое племя. Как говорилось выше, М. И. Артамонов, основываясь на пестроте варварских ольвийских погребений, полагал, что это были скифы, принадлежавшие к различным племенам, но подвергшиеся сильному греческому влиянию вследствие их территориальной близости к Ольвии.[157]

[154] Например, у хуторов Дидова хата. Чертоватого, Петухова и у Закисовой балки (см.: Доманский Я. В. Из истории поселения..., с. 32 сл.), где жилища были возведены из камня и сырцовых кирпичей с каменными и глинобитными полами и группировались в хозяйственно-жилые комплексы.

[155] Поселения у Широкой балки, у с. Викторовка и на левом берегу Бугского лимана с жилищами полуземляночного типа, с частичным применением камня и глинобитным полом (Доманский Я. В. Из истории поселения..., с. 32 сл.). Хозяйственный комплекс состоял из зерновых ям и ям для хранения продуктов и домашней утвари. Подобный тип жилья, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, сохранился еще от эпохи поздней бронзы (Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, с. 151 сл.).

[156] Книпович Т. Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. — СА, 1940, т. VI, с. 92; Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. — СА, 1941, т. VII, с. 161 сл.; Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 149; Доманский Я. В. Из истории населения..., с. 43.

[157] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 150. Ему возражает И. В. Яценко (см.: Скифия VII—V вв. до н. э., с. 97), которая указывает на то, что М. И. Артамонов в своих заключениях не учитывает хронологического фактора, поскольку тип местных погребальных сооружений (господствующим становится катакомбное) изменяется в IV—III вв. до н. э.; см. также: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 62.

Действительно, погребальный инвентарь во многих случаях свидетельствует о широком распространении предметов греческого обихода в быту населения Нижнего Побужья. Еще более убедительно это показывает материал поселений, расположенных в районе Ольвии. Наряду с лепной керамикой здесь в большом количестве встречается греческая посуда, как привозная, так и ольвийского производства.[158]

Таким образом, можно констатировать, что значительная часть исследователей приписывала поселения Нижнего Побужья каллипидам, хозяйство которых носило в основном земледельческий характер (наряду со скотоводством и рыболовством).[159] Однако это мнение не было единодушным. Так, В. В. Лапин высказал сомнение в том, что поселения земляночного и полуземляночного типа принадлежали местному населению.[160] Он отметил, что наличие в хозяйственных остатках лепной кухонной посуды не может служить решающим аргументом в пользу принадлежности этих поселений местным племенам.[161] Широкие археологические исследования, проведенные в Нижнем Побужье, привели многих исследователей к выводу, что поселения этого типа, распространенные на территории ольвийской хоры по берегам Бугского и Березанского лиманов и приписывавшиеся ранее каллипидам, принадлежали греческим колонистам. С таким толкованием этих памятников выступил в своих последних работах Я. В. Доманский,[162] ранее разделявший посе-

---

[158] Доманский Я. В. Из истории населения..., с. 33 сл.

[159] Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой балки. — КСИИМК, 1951, вып. XI, с. 119 сл.; Штительман Ф. М. Указ. соч., с. 105, 255; Доманский Я. В. Из истории поселения..., с. 27, 40; Граков Б. Н. Скифы, с. 61; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 115; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 15; Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 124.

[160] Лапин В. В. Указ. соч., с. 158.

[161] Там же, с. 163.

[162] Доманский Я. В., Марченко К. К. Некоторые вопросы греческой колонизации Северного Причерноморья. — Тез. докл. науч. сессии Одесского археол. музея. Киев, 1975, с. 120 сл.; Доманский Я. В. О характере греческой колонизации Нижнего Побужья в свете последних археологических исследований. — Матер. симпозиума по проблеме греческой колонизации... в Сев. и Вост. Причерноморье. Тбилиси, 1977, с. 15 сл.; Русяева И. В., Скржинская М. В. О каллипидах Геродота. — ВДИ, 1980, № 2, с. 32 сл.

ления Нижнего Побужья на поселения каллипидов и греков по типу жилых сооружений. И. В. Русяева и М. В. Скржинская предположительно очертили территорию, на которой селились каллипиды, — от г. Николаева до Новой Одессы, между р. Бугом и Днепром до Херсона, относя к каллипидам обнаруженные в этом районе погребения V—III вв. до н. э.[163]

Среди исследователей существует мнение, что распространение каллипидов было несколько шире, нежели это указано у Геродота. Так, А. И. Мелюкова, основываясь на археологическом изучении левобережья Днестровского лимана, высказала предположение, что земледельческое оседлое население этого района можно отождествить с каллипидами Нижнего Побужья, поскольку общий облик археологических памятников (поселений и могильников) чрезвычайно близок.[164] Следовательно, если толковать эти археологические материалы как памятники, принадлежащие каллипидам, необходимо отметить, что имеется археологическое подтверждение продвижения каллипидов в западном направлении.[165]

Выше Ольвии по Гипанису, в том месте, где река сближается с Тирасом (т. е. в водоразделе между Бугом и Днестром), Геродот размещает другое земледельческое племя — ализонов, которые живут подобно скифам, но сеют и употребляют в пищу хлеб, лук, чеснок, чечевицу и просо (IV, 17, 1). Таким образом, у ализонов, как и у каллипидов, основным занятием являлось развитое земледельческое хозяйство.[166] Однако, несмотря на видимую

---

[163] Русяева И. В., Скржинская М. В. Указ. соч., с. 34. Ср.: Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П. Скифские курганы, с. 149 сл.; Шапошников А. Н., Фоменко Е. А. Работы Нигульской экспедиции. — АО 1976 г., М., 1977, с. 390.

[164] Мелюкова А. И. Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э. — ПСА, с. 54; ср.: Синицын М. С. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. — ЗОАО, 1960, т. I, с. 201.

[165] Еще Ф. Брун полагал, что владения каллипидов доходили до Дуная (см.: Опыт соглашения противуположных мнений..., с. 29); ср.: Жебелев С. А. Указ. соч., с. 339 сл., примеч. 3.

[166] М. И. Артамонов (Этногеография Скифии, с. 151) специально отмечает, что здесь у Геродота его определение образа жизни ализонов как «скифского» вступает в противоречие с описанием скифского образа жизни вообще, данного самим же Геродотом (IV, 46). Однако, как представляется, никакого противоречия, если вчитаться в текст, в этих сообщениях у Геродота

ясность указания Геродота на место обитания ализонов, чья область граничила на севере с землями скифов-пахарей, с которыми их разделял горький источник Эксампей, их локализация остается неясной из-за неопределенности местонахождения самого Эксампея, по поводу отождествления которого дискуссии продолжаются до настоящего времени.[167]

Что касается археологических памятников, связываемых с ализонами, то погребения в грушевидных ямах, подобных по форме зерновым ямам,[168] открытые в нижнем течении Буга возле селения Малые Кринички и д. Варваровка (под г. Николаевом), М. И. Артамонов был склонен отнести к ализонам.[169] В этих ямах, забитых сверху каменной пробкой, был обнаружен типичный скифский погребальный инвентарь (железное оружие, бронзовые наконечники стрел, украшения, черная лощеная керамика). Ямы такой же грушевидной формы, но большей величины, были открыты в скифском поселении, со следами использования их в качестве жилья (об этом свидетельствуют остатки печи на дне ямы). П. Н. Шульц усматривал в них зимние жилища скифов-кочевников.[170] Было высказано предположение, что эта форма жилища (наиболее архаическая) была характерной для всего побужского населения скифской эпохи, поскольку на о. Березани не только могильные сооружения, но и сами жи-

---

не содержится, поскольку он специально выделяет среди скифских племен ализонов, равно как и каллипидов, по признаку чисто хозяйственному, подчеркивая, что они занимаются земледелием. Касательно же их прочих занятий Геродот отмечает скифский образ жизни этих племен.

В отношении же племени ализонов совершенно непонятным (и неправомерным) является приложение к ним геродотова определения «эллиноскифов», приводимое Л. А. Ельницким в связи с его рассуждениями о термине «миксэллины» (Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 137).

[167] Шишова И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1981, с. 15, 24 (приведены основные точки зрения и литература вопроса).

[168] Н. Н. Погребова считает их заброшенными зерновыми ямами (см.: Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. — ВССА, с. 8).

[169] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 152 сл.

[170] Шульц П. Н. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. — КСИИМК, 1940, вып. V, с. 71 сл.

лища представляют землянки или колоколовидные жилые ямы рыболовческого населения.[171]

Некоторые исследователи были склонны видеть в обитателях этих колоколовидных жилых ям ализонов Геродота.[172] Другие ученые категорически возражают против возможности существования ям-жилищ, считая само представление о них результатом ошибки.[173]

А. И. Мелюкова, опираясь на гипотезу В. Томашека о близости ализонов к фракийцам, в результате исследования археологического материала лесостепной части среднего течения Днестра связала культуру ализонов с группой памятников локальной скифской культуры (сложившейся на основе взаимодействия автохтонной и пришлой культур), близкой фракийскому гальштату Придунавья и Прикарпатья.[174]

Согласно указанию Геродота (IV, 17, 2), выше ализонов обитало племя скифов-пахарей. Границей между ними служила местность, находившаяся между Гипанисом и Борисфеном, называемая по-скифски Эксампей, что в переводе на эллинский язык означало «Священные пути». Эксампеем же назывался и ручей с горькой водой, впадавший в Гипанис (IV, 52, 30, 81, 2).[175]

Геродот специально отметил, что скифы-пахари сеют хлеб подобно ализонам, но не для пропитания, а на продажу, что является весьма ценным указанием, во-первых, на тот источник, откуда Ольвия получала хлеб для своего собственного потребления и главным образом для экспорта, а, во-вторых, на весьма раннее начало экспортной ольвийской хлебной торговли.[176]

---

[171] Артамонова О. А. Древнейшее поселение на о. Березани. — КСИИМК, 1940. вып. V, с. 49 сл.

[172] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 152 сл.

[173] Лапин В. В. Указ. соч., с. 156 сл. (литература вопроса и ее критика).

[174] Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. — МИА, 1958, № 64, с. 97 сл.

[175] В Эксампее находился и знаменитый медный котел вместимостью около 600 амфор и стенками толщиной в шесть пальцев (IV, 81, 3). С. А. Жебелев отметил, что местонахождение подобного сосуда, возможно, указывает на существование скифского святилища в Эксампее (указ. соч., с. 339). Ср.: Граков Б. Н. Легенда с скифском царе Арианте. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

[176] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 333.

Несмотря на, казалось бы, достаточно определенные указания Геродота относительно области, населенной скифами-пахарями, вопрос об их локализации в скифологии до сих пор не имеет однозначного решения.[177] Нет единого мнения и по поводу их этнической принадлежности. Н. И. Забелин,[178] Д. Я. Самоквасов,[179] А. А. Спицын[180] и их последователи видели в скифах-пахарях (а Спицын — и в скифах-земледельцах) Геродота предков славян. Так, Н. И. Забелину принадлежит заключение о том, что геродотовские скифы-пахари представляли собой «прямых предков если не всего славянства, то именно восточной его ветви».[181]

Д. Я. Самоквасов прямо утверждал, что «древние писатели (и в первую очередь Геродот), оставившие нам сведения о быте скитов-сколотов, составляют средства научного познания начального периода истории славян».[182] С позиций признания генетической связи между славянами и древними скифами выступал также и А. А. Спицын. Эти же соображения были высказаны В. В. Хвойко,[183] исследовавшим крупнейшие городища скифского времени, такие как Пастерское, Матронипское, Хмелянское, Великобудковское, Ляхнянское и др., с принадлежавшими им большими могильниками, материалы которых вошли в капитальное издание «Древности Приднепровья», выпущенное любителями древностей Б. И. и В. И. Ханенко.[184] Последующие сторонники скифского генезиса славян в своих исследованиях выдвигали различные гипотезы с большей или меньшей осторожностью. Во всяком случае участие скифов в этногенезе ими не исключалось. Так, А. Д. Удальцов видел в оседлых земледельческих

---

[177] См. с. 107 настоящей работы.

[178] Забелин И. Е. История русской жизни в древнейшие времена. Т. I. М., 1908.

[179] Самоквасов Д. Я. 1) Могилы русской земли; 2) Северянская земля и Северяне по городищам и могильникам. СПб., 1908.

[180] Спицын А. А. 1) Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1809, т. VII, с. 301 сл.; 2) Курганы скифов-пахарей. — ИАК, 1906, вып. 65.

[181] Забелин Н. И. Указ. соч., т. I, с. 202.

[182] Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли, с. 82.

[183] Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья в доисторические времена. Киев, 1913.

[184] Ханенко Б. И., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Вып. 1—6. Киев, 1899—1902.

племенах, объединенных под именем сколотов, автохтонов, в скифах-номадах — элемент пришлый. Паралатов он отождествлял со скифами-пахарями и считал их предками славян.[185] Праславян видели также в скифах-пахарях П. Н. Третьяков,[186] А. И. Мелюкова[187] и Л. И. Тереножкин, специально отметивший, что скифы-пахари являлись скифами лишь по названию, а не по их этнической принадлежности.[188] М. И. Артамонов высказал предположение, что генетические связи славян со скифами несомненно имели место, но со скифами не в целом, а лишь с западной земледельческой частью скифских племен.[189] Б. А. Рыбаков считает праславянами сколотов (весь массив земледельческих племен скифского времени), занимавших днестро-днепровские лесостепи.[190]

Что касается археологических памятников, связываемых с племенем скифов-пахарей, то единого мнения среди современных исследователей по этому вопросу не существует.

Если со времени выхода в свет работы о скифах-пахарях А. А. Спицына с ними связывались памятники Среднего Поднепровья,[191] то М. И. Артамонов, как было отмечено выше, основываясь на материалах польского археолога Т. Сулимирского, отнес западноподольскую группу курганов к скифам-пахарям, продвинув, таким образом, область их обитания в Днепровско-Бугское междуречье.[192] Примыкая к взглядам Артамонова на принадлежность западноподольских курганов скифам-пахарям, А. И. Тере-

---

[185] Удальцов А. Д. 1) Основные вопросы этногенеза славян. — СЭ, 1947, т. VI—VII, с. 4 сл.; 2) Начальный период восточнославянского этногенеза. — ИЖ, 1943, № 11—12, с. 67 сл.

[186] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1952, с. 61.

[187] Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья, с. 101.

[188] Тереножкин А. И. 1) Предскифский период..., с. 238, 239; 2) Общественный строй скифов. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 5. В последней работе высказано мнение, что скифы-пахари являются протославянами.

[189] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 171.

[190] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 217.

[191] Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей, с. 87 сл.

[192] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 154 сл. Автор указывает, что А. А. Спицын обратил внимание на днестровские курганы, но за недостатком материалов не смог ни определить их особенности, ни выделить в самостоятельную группу.

ножкин рассматривает как принадлежащие им поселения и курганные могильники в области Среднего Днепра и его притоков (включая территорию современных Киевской и Черкасской областей).[193]

Следует, однако, отметить, что большая часть исследователей, не видя необходимости в пересмотре сообщения Геродота относительно места обитания скифов-пахарей, размещает их в лесостепной полосе Побужья (выше ализонов, согласно Геродоту) и в правобережной части Днепра.[194] Действительно, археологические материалы ярко свидетельствуют об интенсивном развитии земледелия в этих районах. В открытых археологами поселениях были обнаружены зерновые ямы больших размеров, специальные печи для просушки зерна, остатки железных серпов, каменные зернотерки, остатки обугленных зерен, отпечатки различных злаков на внутренней части глиняных сосудов. В части поселений были обнаружены глиняные культовые площадки со следами сожженных зерен пшеницы, явно принесенных в жертву.[195] Все исследователи согласны с наличием у скифов-пахарей плужного пашенного земледелия, хотя не сохранилось никаких остатков плугов (поскольку они были деревянными), за исключением случая находки плугов в торфяном пласте, давших представление о типе этого земледельческого орудия скифского времени.[196] Б. Н. Граков[197] совершенно справедливо указывает, что без развитого плужного земледелия было бы невозможно осуществить производство

[193] Тереножкин А. И. 1) Предскифский период..., с. 233; 2) Общественный строй скифов, с. 5; ср.: Фабриціус І. В. Указ. соч., с. 59.

[194] Либеров П. Д. 1) К вопросу о скифах-пахарях. — ВДИ, 1951, № 4, с. 178 сл.; 2) Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э. — В кн.: Матер. по истории земледелия СССР. М., 1952, с. 74 сл.; Ильинская В. А. 1) О скифах-пахарях и будинах Геродота. — КСИИМК, 1951, вып. XL, с. 28 сл.; 2) Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? — Археологія, Київ, 1970, т. XXIII, с. 39; Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Подпестровья, с. 101; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э., с. 99; Смирнов А. П. Скифы, с. 53.

[195] Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья. — СА, 1957, № 1, с. 178 сл.

[196] Березовець Д. Г. Плуг з токарівського торфовища. — Археологія, Київ, 1953; т. VII, с. 174; Шрамко Б. А. Древний деревянный плуг из Сергеевского. — СА, 1964, № 4, с. 84 сл.

[197] Граков Б. Н. Скифы, с. 45.

того огромного количества хлеба, которое представляла Скифия на вывоз. Обращая внимание на то обстоятельство, что археологический материал из области, где распространена культура немировского типа (названная так по огромному укрепленному Немировскому городищу, характерному для крупных земледельческих поселений того времени), сходен с памятниками среднеднепровской культуры журовского типа, достигшей особого развития в V в. до н. э., П. Д. Либеров вслед за А. А. Спицыным (в свое время уже указавшим на эти обстоятельства) отметил обилие греческого импорта в материалах этих культур.[198] Это совершенно явно подтверждает оживленные торговые связи носителей этих культур с Ольвией начиная с VI в. до н. э., особенно интенсивные именно в V в. до н. э., когда Геродот имел все основания для сообщения о торговых связях между скифами-пахарями и Ольвией. Указывая на то, что в материалах западноподольских памятников эти данные почти не прослеживаются, П. Д. Либеров высказывает сомнение в правомерности отнесения их к скифам-пахарям.[199] Тем не менее М. И. Артамонов, настаивая на своем прежнем предположении, дает обстоятельную характеристику типов погребальных сооружений и сопровождающего инвентаря.[200] Подводя итоги своим взглядам на скифов-пахарей, усматривая в скифах-пахарях все оседлое земледельческое население лесостепных областей Скифии от Днепра до Дона, М. И. Артамонов по существу возвратился к точке зрения А. А. Спицына.[201]

Выше скифов-пахарей обитало нескифское племя невров (о которых речь пойдет несколько дальше), за областью которых к северу находилась пустыня, «на всем известном протяжении безлюдная», по словам Геродота

[198] Либеров П. Д. Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э., с. 77; Ильинская В. А. О скифах-пахарях и будинах Геродота, с. 78 сл.; ср.: Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей, с. 87 сл.

[199] Либеров П. Д. 1) К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. — В кн.: Матер. по истории земледелия СССР. М., 1952, с. 77 сл.; 2) К вопросу о скифах-пахарях, с. 100 сл. (аргументация на сравнительном анализе памятников в пользу мнения, что группа западноподольских памятников не может принадлежать скифам-пахарям).

[200] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 100 сл.

[201] Там же, с. 94.

(IV, 18, 2). Согласно указанию Геродота (IV, 18, 1—2), племя скифов-земледельцев (γεωργοί) занимало территорию, которая находилась от Гилеи в 10—11 днях плавания вверх по реке (по-видимому, до днепровских порогов, которых Геродот не знал). На востоке границей их области была р. Пантикап (IV, 54), отделявшая скифов-земледельцев от скифов-кочевников. Однако поскольку идентификация р. Пантикап вызывает до сих пор разногласия среди скифологов (ее принимают за различные реки — Молочную, Конку, Ингулец), то, несмотря на, казалось бы, определенные указания Геродота, границы территории скифов-земледельцев толкуются различными исследователями по-разному. Большая часть отводила скифам-земледельцам левый берег Днепра.[202] М. И. Артамонов[203] размещал их лишь на правобережье, а Л. М. Славин,[204] основываясь на археологических данных, продвигал область их обитания вплоть до Бугского лимана. Поселения и могильники в нижнем течении Днепра и на левобережье Днепровского лимана в свое время впервые были обследованы П. О. Бурачковым,[205] привлекшим своими публикациями внимание исследователей к этим памятникам. И. В. Яценко,[206] анализируя данные нижнеднепровских поселений, пришла к выводу, что накопленный археологический материал дает возможность не только говорить о заселении скифами-земледельцами как левого, так и правого побережий низовьев Днепра, но и проследить границу их обитания между Каховкой и Никополем, значительно отодвинув ее, таким образом, к северу. Еще далее на север предлагает распространить область скифов-земледельцев В. А. Ильинская,[207] которая отождествляет их с земледельческо-ско-

---

[202] Bayer Th. De Scythiae situ..., p. 420; Eichwald E. Alte Geographie, S. 123; Bonnell E. Beiträge..., I, S. 370 ; Kretschmer K. Scythae. — RE, Bd II, 1923, col. 929; Смирнов А. П. Скифы, с. 50.

[203] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 170.

[204] Славин Л. М. Основные итоги исследования Ольвии за последние годы. — Докл. VI науч. конфер. Ин-та археол. АН УССР, Киев. 1953, с. 134.

[205] Бурачков П. О. К вопросу о местоположении города Каркинитеса и о монетах ему принадежащих.

[206] Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э., с. 97 сл.

[207] Ильинская В. А. 1) Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 118; 2) Андрофаги, меланхлени..., с. 38.

товодческим населением посульско-донецких степей (бассейн рек Сулы, Псла и Северного Донца). В отношении однородности культуры населения этих областей с ее мнением вполне солидарен Л. П. Смирнов,[208] отмечающий как самую характерную черту занятие земледелием (плужным и мотыжным) и домашним скотоводством, а также наличие ремесел (особенно важную роль играло металлургическое производство).

Нельзя не отметить, что археологические открытия последнего времени, исследование такого большого памятника, как Каменское городище с его сложным хозяйственным укладом, дали яркую картину быта оседлого скифского населения. Находками на территории городища было засвидетельствовано развитие самых разнообразных ремесел — металлургического (литье, ковка, изготовление оружия, орудий труда, украшений), керамического (лепная керамика), ткацкого (пряслица, отпечатки тканей различного вида — от кисеи до дерюги), кожевенного (резаки для кожи, иглы, шилья), обработка продуктов земледелия (огромные каменные зернотерки, серпы, отпечатки зерен ячменя на стенках глиняных сосудов, обугленные зерна).[209]

Геродот специально отмечал высокую урожайность на плодородных землях Нижнего Поднепровья (IV, 53, 2), видимо, представлявших яркий контраст по сравнению со степями, находившимися за р. Пантикапом, где обитали скифы-номады, которые ничего не сеяли и не пахали (IV, 19).

Как уже упоминалось выше, А. Л. Спицын для обозначения всего земледельческого населения Скифии применял термин «скифы-пахари», отмечая, что если этот термин и не совсем точен по отношению к терминологии Геродота, то более краток, а существа дела не меняет.[210] Аналогичной же точки зрения придерживается и Б. А. Рыбаков, подробно изложивший свое представление о конгломерате земледельческих племен Скифии. Он усматривает в скифах-пахарях и скифах-земледельцах Геродота представителей одного и того же племени борисфенитов,

[208] Смирнов А. П. Скифы, с. 59; ср.: Шрамко Б. А., Солнцев А. Л., Фомин А. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. — СА, 1963, № 4, с. 36.

[209] Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 140 сл.

[210] Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей, с. 88.

обитавших на правобережье Днепра.[211] При этом Б. А. Рыбаков опирается на карту распространения археологических культур, составленную А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской.[212] Б. А. Рыбаков связывает с борисфенитами археологические памятники поднепровской группы, представленной богатыми курганами и мощными городищами левобережной поворсклинской группы, и тяготеющую к поднепровским группу памятников в верхнем течении Гипаниса, характеризующуюся большим количеством греческого импорта.[213] Такое решение вопроса, по его мнению, устраняет все неувязки и различные толкования в отношении терминов «пахари», «земледельцы», «борисфениты» и вносит полную ясность в правомерность отнесения к борисфенитам городищ и могильников Среднего Поднепровья, ранее не связываемых с каким-либо определенным скифским племенем, хотя и носивших явные черты скифской культуры.[214] Таким образом, для настоящего времени вновь возобладала точка зрения, высказанная в свое время Д. Я. Самоквасовым и Л. А. Спицыным.[215] Правда, некоторые советские исследователи придерживались текста Геродота и высказывали мнение, что, скорее всего, термины ἀροτῆρες и γεωργοί заключают в себе характеристику различия в обработке земли. Скифы-пахари обрабатывали землю плугом, а скифы-земледельцы — примитивной мотыгой.[216] Против этого выдвинули возражение М. И. Артамонов[217] и Д. П. Каллистов,[218] усматривая отличие ἀροτῆρες от γεωργοί в том, что γεωργοί занимаются не только хлебопашеством, но и всеми видами возделывания земли — садоводством, огородничеством и т. д. При этом Д. П. Каллистов полагал, что Геродот обозначил эти племена, более удаленные от Ольвии, просто по общему, характерному для них хозяйствен-

[211] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 140 сл.

[212] Тереножкін О. І., Іллінська В. О. Скіфський період, с. 120.

[213] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 143.

[214] Там же, с. 144.

[215] См. с. 55 настоящей работы.

[216] Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 35.

[217] Артамонов М. И. К вопросу о происхождении восточных славян. — ВИ, 1948, № 9, с. 101.

[218] Каллистов Д. П. Указ. соч., с. 122; ср.: Либеров П. Д. К истории земледелия..., с. 112; Шрамко Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. — СА, 1961, № 1.

ному признаку и что за этими условными наименованиями могли скрываться многочисленные племена с неизвестными Геродоту самоназваниями. Последняя по времени гипотеза о возникновении труднообъяснимой и по существу тавтологической терминологии Геродота была высказана В. И. Абаевым.[219] Он предложил лингвистически аргументированное решение, раскрыв термин γεωργοί Геродота как огреченную передачу скифского названия gaumvarga («разводящие скот»), т. е. не «скифы-земледельцы», а «скифы-скотоводы». Таким образом, получает достаточно аргументированное объяснение непонятная ранее синонимичность в наименовании племен у Геродота и снимается в большинстве случаев нежелательная тенденция произвольно толковать источник или делать по большей части неоправданные допущения.

Согласно изложению Геродота, «к востоку от этих скифов-земледельцев, если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники, которые ничего не сеют и не пашут... Кочевники эти населяют к востоку на расстоянии 14 дней пути страну, простирающуюся до реки Герра» (IV, 19). Это, казалось бы, достаточно ясное определение территории, занятой скифами-кочевниками, вызвало обширную литературу. Предлагая различную идентификацию рек Пантикап и Герр, исследователи соответственно придерживались и различных мнений о территории, занимаемой скифами-номадами. Так, еще Ф. Г. Мищенко отводил скифам-кочевникам земли от р. Самары до Нижнего Донца,[220] а Н. И. Забелин помещал их между реками Конкой и Донцом.[221] Ф. А. Браун, отождествляя р. Герр с р. Молочной, распространял территорию скифов-кочевников на Крымский полуостров.[222] Как уже упоминалось выше, М. И. Артамонов полагал, что скифы-номады были вытеснены в крымские степи из Нижнего Поднепровья при возвращении скифов царских после малоазийского похода.[223] Название скифов царских они получили потому, что находились под властью царя, уцелев-

---

[219] Абаев В. И. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы. — НАА, 1980, № 5, с. 130.

[220] Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель.

[221] Забелин Н. И. Указ. соч., I, с. 229.

[222] Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений, с. 73.

[223] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 142, 144.

шего из династии, правившей скифами на протяжении их многолетнего пребывания в Малой Азии.[224] В степной части Крыма помещает скифов-номадов Т. Н. Троицкая.[225] К этому мнению примыкает и О. В. Дашевская, усматривающая в курганных и впускных погребениях скифской эпохи памятники скифов-кочевников[226].

Иной точки зрения придерживается Б. Н. Граков, который, основываясь на археологических данных, полученных при исследовании Левобережья Днепра, локализует скифов-номадов в нижнем Поднепровье до р. Молочной, которую считает Герром Геродота (скифов царских Б. Н. Граков помещает в степной полосе от Днепра до Дона, включая и территорию северного степного Крыма).[227] К мнению Б. Н. Гракова присоединилась также И. В. Яценко, изучавшая археологические памятники степной части левобережного Днепра и Приазовья и связывавшая их с племенем скифов-кочевников. Ею специально отмечаются такие характерные для кочевого населения черты, как отсутствие постоянных поселений, разбросанность погребений, по большей части носящих впускной характер, однотипность погребального инвентаря (сочетание вооружения с уздечным набором).[228] Наиболее богатыми погребениями скифов-номадов она считает курганы Бабы и Раскопана могила.[229] Курган-

[224] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 70 сл.

[225] Троицкая Т. Н. 1) Скифские курганы Крыма. — Изв. Крымск. отд-ния Геогр. о-ва, Симферополь, 1951, вып. 1, с. 98 сл.; 2) Скифские погребения в курганах Крыма. Симферополь, 1954, с. 10.

[226] Дашевская О. В. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий. — ПСА, с. 152.

[227] Граков Б. Н. 1) Скіфи, с. 10; 2) Каменское городище на Днепре, с. 18; 3) Скифы, с. 17; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 62. Мнение Б. Н. Гракова разделяют многие авторы, см.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 52; Іллінська В. О. и Тереножкін А. И. Племена скифського періоду. — В кн.: Нарисі стародавньої історії Украиньскої РСР. Київ, 1975, с. 128, карта 7) и др.

[228] Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э., с. 36 сл.

[229] Там же, с. 98. Однако М. И. Артамонов считает оба кургана погребениями скифов царских и датирует их на основании импортных греческих вещей (части бронзовых гидрий, светильники, обломки серебряного килика, бронзовый котел, украшенный греческим орнаментом, золотые подвески, бляшки и пластинки со штампованными изображениями) V в. до н. э. (Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 73 сл.).

ный же могильник возле г. Никополя скифского времени, исследованный Б. Н. Граковым,[230] был им отнесен с полным на то основанием к номадам — конным воинам (лучникам и копейщикам). Их погребения сопровождались в основном предметами вооружения — наконечниками стрел и копий, остатками колчанов и накладок от лука. Мечи встречались в незначительном количестве захоронений. В качестве загробной пищи были положены ребра и части ног лошадей, коров и овец. Украшения и орудия труда были обнаружены лишь в женских погребениях. Это были главным образом ножи, пряслица, мотыжки, бусы, пряжки.[231]

В таком же состоянии, как и вопрос о локализации скифов-номадов, находится вопрос о локализации скифов царских. Правда, значительная часть исследователей включает в территорию царских скифов степи Крымского полуострова и побережье Азовского моря.[232] И. В. Яценко отмечает, что самым ранним памятником на территории скифов царских является скифский курганный могильник, открытый на побережье Азовского моря (Меотиды) возле г. Ногайска,[233] в свое время обнаруженный Н. И. Веселовским.[234] Этот могильник был разграблен еще в древности, но остатки золотых украшений и бляшек от конского убора свидетельствуют о богатстве и значительности погребенных в курганах лиц. Самое же существенное заключается в том, что датируется этот богатый курганный могильник V в. до н. э., т. е. геродотовским временем.[235] При этом, однако, И. В. Яценко указывает, что

[230] Граков Б. Н. 1) Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, № 115, с. 80; 2) Погребальные сооружения и ритуал общинников степной Скифии. — АСГЭ, 1964, № 6, с. 118 сл.

[231] Граков Б. Н. Скифские погребения..., с. 100 сл.

[232] См.: Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель; Забелин Н. И. Указ. соч., т. I, с. 229 сл.; Граков Б. Н. 1) Каменское городище на Днепре, с. 18; 2) Скифы, с. 17 и карта (с. 14); Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э., с. 98; Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 112 сл., схема на с. 117.

[233] Яценко И. В. 1) Скифские памятники степного Приднепровья и Приазовья VII—V вв. до н. э. М., 1965, с. 157 сл.; 2) Скифия VII—IV вв. до н. э., с. 98 сл.

[234] ЗРАО, СПб., 1887—1888, т. III, нов. сер., Протоколы, XIX, указатель, с. 194.

[235] Попытка свести воедино все имеющиеся в распоряжении исследователей погребения раннескифского времени, дать их общую типовую характеристику (захоронения в деревянных гроб-

из-за нечеткости границ между двумя группами кочевых племен (скифов царских и простых скифов-кочевников) весьма затруднительным представляется точное определение, какой из групп принадлежат те или иные памятники.[236] Эта точка зрения, представляющаяся весьма разумной, имеет своих сторонников среди скифологов.[237] Однако М. И. Артамонов в своей последней работе вновь подтвердил, что скифы царские занимали степи Нижнего Поднепровья, вытеснив из них скифов-номадов в степной Крым после своего возвращения из переднеазиатских походов.[238] Разделяя четко скифов царских и скифов-номадов, М. И. Артамонов противоречит своему собственному положению о том, что скифы-номады Геродота являлись частью кочевых скифов, которые вместе с земледельческими племенами остались в степях Северного Причерноморья, а не двинулись в переднеазиатский поход вместе с другой частью кочевых скифов.[239] По существу М. И. Артамонов имеет в виду один и тот же народ, в силу неких причин[240] разделившийся на две части, т. е. его точка

ницах и в больших ямах с бревенчатым покрытием) дана в статье В. С. Ольховского «Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным» (СА, 1978, № 4, с. 83 сл.). Автор специально отмечает отсутствие у скифологов единого мнения по поводу реконструкции погребального сооружения, описанного у Геродота. Любопытны наблюдения, сделанные Ольховским в отношении отмеченного Геродотом обычая втыкания копий в дно могилы (IV, 71), где они, судя по всему, не несли никакой конструктивной нагрузки (как это предполагало большинство исследователей), а, разломанные, клались возле погребенного (с. 97). Втыкание древков копий или стрел в дно могилы или в покрытие могильного сооружения у кочевников, по мнению этнографов, являлось свидетельством храбрости погребенного (см.: Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 113).

[236] Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э., с. 87.

[237] Фабриціус І. В. Указ. соч., с. 56. Автор, не разделяя массу кочевых племен на две территориальные группы, локализует и скифов-царских, и скифов-номадов в степях Приазовья, между Днепром и Доном, исключая вообще памятники степного Крыма скифского времени. См. также: Смирнов А. П. Скифы, с. 69.

[238] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 71.

[239] Там же, с. 70.

[240] Сами причины похода (или, как это уточняет М. И. Артамонов, переселения) скифов в Переднюю Азию выглядят слишком гипотетично: это «серьезные изменения в окружающей скифов природной среде, вызванные климатическими колебаниями» (Киммерийцы и скифы, с. 25).

зрения не отличается от взглядов тех исследователей, которые не считают возможным, исходя из археологических данных, разграничить массу кочевого населения Скифии, хотя сам он считает, что дает четкое разделение.[241]

Не утратил своей остроты и актуальности до настоящего времени вопрос о местонахождении области герров, где находилась усыпальница скифских царей, надежно укрытая от врагов, как это следует из ответа царя скифов Идантирса на упрек персидского царя Дария, что скифы избегают сражения с персами (IV, 127). Большинство скифологов, правда, склонно видеть погребальный и культовый центр Скифии в районе между Запорожьем и Никополем, на обоих берегах Днепра. Но справедливости ради следует отметить, что все эти знаменитые курганы относятся к IV в. до н. э., а захоронения произведены в катакомбах, что полностью противоречит описанию погребального сооружения у Геродота (IV, 71, 1). Предпринимались, как уже говорилось выше, различные попытки дать объяснение этому слишком бросающемуся в глаза противоречию между свидетельством Геродота и данными археологических исследований. Одно из объяснений, предложенных в свое время Д. Я. Самоквасовым, безусловно, представляет интерес. Опираясь на предположение такого крупного знатока Геродота, как Ф. Г. Мищенко, что область герров находится на левобережье Днепра, Д. Я. Самоквасов высказал гипотезу, что раннескифский Герр соответствует огромным курганным некрополям Посулья.[242] Однако из-за недостатка материалов и неточных, а иногда и неверных датировок памятников, имеющихся в его распоряжении, Д. Я. Самоквасов оставил эту гипотезу без дальнейшей разработки.

Исследования курганных могильников в глубинах приднепровской лесостепи, проведенные советскими археологами, показали, что они являются специально воинскими погребениями.[243] Ранние по времени (VI—V вв. до н. э.)

---

[241] Артамонов М. И. 1) Этногеография Скифии, с. 170 (карта): 2) Киммерийцы и скифы, с. 68 сл.

[242] Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли, с. 137 сл.

[243] Каждое погребение имеет типичный для рядового воина сопровождающий инвентарь — колчан, наконечники копий, обкладки лука, дротик, меч, сагайдачный набор (колчан со стрелами или горит с луком и запасом стрел).

воинские могильники, сгруппированные как дружинные захоронения, рассматриваются в последнее время некоторыми исследователями как погребения членов скифской дружины, составлявшей окружение скифских царей.[244] В. А. Ильинская, исследовавшая курганы Посулья, полагает, что эти захоронения в северной левобережной лесостепной части Днепра могут указывать на область герров,[245] ту самую племенную усыпальницу скифов, которая, по их собственным словам (в передаче Геродота), скрыта и недоступна. Эту же точку зрения В. И. Ильинская отстаивала в своем докладе на одной из конференций по скифо-сарматским проблемам, где получила поддержку части скифологов (А. П. Смирнов и др.).[246] Против гипотезы Д. Я. Самоквасова — В. А. Ильинской резко возражал М. И. Артамонов, полагавший, что попытка усматривать погребения скифов царских в лесостепной полосе Посулья не выдерживает критики.[247] Б. Н. Граков

---

[244] Мелюкова А. И. Войско и военное искусство скифов. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 31 сл.; Граков Б. Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. — АСГЭ, 1964, № 6, с. 118 сл.

[245] Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья, с. 180 сл. Основываясь на археологических данных раскопок курганных могильников Посулья, В. А. Ильинская отмечает хронологическое несоответствие между курганными некрополями и поселениями в этом районе. Она указывает на то обстоятельство, что многочисленные курганные могильники воинов-дружинников датируются VI—V вв. до н. э., в то время как расцвет поселений падает на самый конец V в. до н. э. и в основном на IV в. до н. э. Кроме того, сам характер поселений дает материал, типичный для оседлого пастушеско-земледельческого уклада, и противоречит подчеркнуто воинскому, всадническому характеру некрополей Посулья. И сами поселения, судя по их размерам, не могли дать такого количества воинов. Наличие огромных воинских курганных могильников раннего времени на северо-восточной окраине скифского мира является не менее загадочным, по мнению В. А. Ильинской, чем отсутствие раннескифских некрополей в степном Причерноморье. В. А. Ильинская склонна видеть в могильниках Посулья подтверждение гипотезы Д. Я. Самоквасова о местонахождении здесь области герров и знаменитого кладбища скифов (там же, с. 186).

[246] См.: Петренко В. Г. Указ. соч., с. 5.

[247] Артамонов М. И. Скифское царство. — СА, 1973, № 3, с. 59. Признавая, что местонахождение кладбища скифских царей геродотовского времени по-прежнему остается неустановленным, М. И. Артамонов не сомневается, однако, что оно находилось в области Нижнего Поднепровья. Он отмечает, что богатые скифские погребения разбросаны по обе стороны Нижнего Днепра и

также критически отнесся к локализации области герров на днепровском Левобережье, считая, что В. А. Ильинская недостаточно точно толкует письменный источник. К точке зрения Б. Н. Гракова присоединилась значительная часть исследователей (Л. Л. Ельницкий, Б. А. Шрамко, И. В. Яценко).[248]

Не случайно на страницах настоящей работы столь много внимания было уделено вопросам, связанным с локализацией племен скифов-номадов и скифов царских. Помимо того, что вопрос о местах и границах их обитания служил и продолжает служить предметом дискуссий современных исследователей (как было показано выше), сам Геродот сообщает об этих двух (или одном?) кочевых племенах наибольшее количество бытовых подробностей. Описанию их образа жизни и обычаев посвящены наиболее красочные страницы Скифского рассказа. Говоря о скифах царских, он именует их «самыми лучшими и многочисленными» (IV, 20), считающими прочих скифов своими рабами, в то время как они единственные из всех свободны (IV, 110). И хотя из сообщения Геродота о том, что вся территория, занимаемая скифами-номадами, была безлесна (IV, 19), следует, что они обитали в степной полосе, начинавшейся за Борисфеном (Днепром), и граница земель, занятых непосредственно скифами царскими, указывается Геродотом, казалось бы, с достаточной точностью (IV, 56—57), единого мнения по поводу локали-

---

не образуют единого кладбища. Это, по мнению М. И. Артамонова, не исключает все же существования среди них группы погребений, принадлежащих отдельным знатным скифским семьям, в том числе и семейных кладбищ скифских царей (Киммерийцы и скифы, с. 73). Однако богатые погребения VI в. до н. э. в нижнеднепровской степи встречаются только в виде впускных (вторичных) захоронений в насыпи более древних курганов (захоронения, обнаруженные в кургане у г. Херсона или в поле кургана Острая могила), а в V в. до н. э. под специально насыпанными курганами находятся уже могильные сооружения катакомбного типа. Таким образом, все рассуждения М. И. Артамонова не поясняют загадки Герра, поскольку Геродот дает совершенно определенное описание типа ямного могильного сооружения при погребении скифского царя в Геррах.

[248] И. В. Яценко, в частности, заметила, что, стремясь найти объяснение некоторым непонятным фактам, В. А. Ильинская оставляет без объяснения, например, такое немаловажное явление, как перенос царского некрополя из Посулья в область Нижнего Днепра в IV в. до н. э. (см. также: Петренко В. Г. Указ. соч., с. 6).

зации этих двух племенных групп, в которых многие комментаторы Скифского рассказа Геродота видели единственно подлинных скифов, в современной науке не существует.

За немногими исключениями, вопрос о локализации племен нескифских, населявших геродотову Скифию или соседствовавших с ней, в современной литературе дискутируется не меньше, нежели вопрос о принадлежности тех или иных археологических памятников племенам собственно скифским.

Возвращаясь к сообщениям Геродота, содержащимся в Скифском рассказе, находим указание на то, что выше скифов-пахарей обитали невры (IV, 17, 2). Они жили вверх (к северу) по р. Гипанису и к западу от р. Борисфен, в области, называвшейся Невридой (IV, 51, 125). Казалось бы, указания Геродота достаточно точны. Дополнительно он сообщал, что южная граница невров со скифами-пахарями проходила по озеру, из которого вытекает р. Тирас (IV, 51), а за областью, населенной неврами к северу, «земля на всем протяжении безлюдна» (IV, 17, 2). Тем не менее заключавшиеся в этих указаниях известные противоречия (вверх по Бугу и к западу от Днепра, а также в верховьях Днестра) дали основание помещать невров на весьма значительной территории (от Польши и Литвы до Днепра). Наиболее распространенной областью локализации невров был бассейн р. Припяти (т. е. северная часть Подолии и южная Волынь).[249] Как уже отмечалось выше, М. И. Артамонов в предложенной им карте расселения племен по Геродоту связывал с неврами памятники так называемой высоцкой культуры, открытые на территории северной Галиции и на Волыни. Именно здесь он и локализовал Невриду,[250] где обосновались невры, которым пришлось отступить вверх по течению р. Буг под давлением племени венедов, вытеснив-

[249] Эта точка зрения первоначально была высказана Т. Байером (De Skythiae situ..., p. 417) и среди русских исследователей поддержана Ф. Г. Мищенко (Этнография России у Геродота..., с. 78) и М. А. Погодиным (К вопросу о местах обитания..., с. 346 сл.).

[250] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 160. Своим размещением невров в Галиции он примыкает к И. Потоцкому (см.: Histoire primitive des peuples de la Russie, p. 105) и частично к Э. Эйхвальду (Alte Geographie..., S. 271); ср. также: Minns E. Skythians and Greeks, p. 102).

ших невров из низовий Западного Буга.[251] По мнению М. А. Артамонова, невры стали известны как северные соседи скифов-пахарей Геродоту уже после того, как они поселились в Невриде.[252] Б. Н. Граков помещал невров в Верхнем Побужье.[253] Большая часть современных исследователей локализует невров в бассейне Припяти и в верхнем течении Днепра. О. Н. Мельниковская, специально исследовавшая поселения и могильники скифского времени этого района, дала точные границы распространения так называемой милоградской культуры, носителями которой, по ее мнению, являлись невры.[254] Милоградская культура представлена большим числом разнообразных памятников: укреплениями, городищами с валами и рвами, открытыми селищами, значительным числом могильников. П. Н. Третьяков, исследовавший археологические памятники Верхнего Поднепровья, отмечал их многочисленность как на Левобережье, так и на Правобережье и локализовал невров именно в этих местах.[255] Для этих поселений характерны жилища наземного и полуземляночного типа. Были обнаружены культовые сооружения, заполненные костями крупных животных и человека, кусками охры и глиняными фигурками различных животных.[256] В одном из крупных поселений были обнаружены остатки жертвенника распространенного в Поднепровье типа.[257] Многочисленные находки сельскохозяйственных орудий — серпов, мотыжек, зернотерок, топоров — являлись ярким свидетельством того, что основ-

[251] Артамонов М. И. Венеды, невры, будины..., с. 76 сл.

[252] Артамонов М. И. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. — Учен. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, 1948, т. 95, вып. 15, с. 13 сл.

[253] Граков Б. Н. 1) Скіфи, с. 10 и карта; 2) Скифы, с. 71 (карта).

[254] Мельниковская О. Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967; см. также: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 148.

[255] Третьяков П. Н. 1) Чаплинское городище. — МИА, 1959, № 70, с. 119 сл.; 2) Моховское второе городище. — КСИА, 1960, 81, с. 43 сл.; ср.: Мельниковская О. Н. 1) Памятники раннего железного века в Верхнем Поднепровье. — КСИА АН УССР, 1967, вып. 7, с. 46 сл.; 2) Памятники раннежелезного века в юго-восточной Белоруссии. — КСИА, 1963, 94.

[256] Мельниковская О. Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке, с. 150; Смирнов А. П. Скифы, с. 96.

[257] Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья, с. 197.

ным занятием обитателей этих поселений было земледелие. Отпечатки зерен на стенках глиняных сосудов позволили установить, что основными зерновыми культурами были пшеница и просо.[258] Кроме земледелия, население занималось скотоводством (о чем свидетельствуют остатки костей лошади, свиньи, крупного и мелкого рогатого скота) и охотой (кости зубров, лосей, медведей и бобров). Судя по материалам открытых городищ, значительное место занимали домашние ремесла — ткацкое, гончарное и металлургическое, в особенности в связи с крупными месторождениями болотных руд, находившихся в непосредственной близости от поселений невров.[259] Для могильников, принадлежавших исследованным городищам и селищам, были характерны неглубокие грунтовые погребения с трупосожжениями, сопровождающимися небогатым погребальным инвентарем (глиняными сосудами, пряслицами и украшениями, бусинами, булавками, браслетами и пр.).[260] Нельзя не отметить, что племени невров отводится исключительно важная роль в проблеме происхождения славян. В настоящее время в науке почти нет расхождений в мнении по поводу правомерности причисления невров к племенам, входящим в праславянскую общность.[261]

Чрезвычайной неясностью отличаются сообщения Геродота о будинах и гелонах. Племя будинов жило в стране, покрытой лесом, по которой оно кочевало (IV, 109, 2). Кроме того, указывает Геродот, они обитали к северу от савроматов (IV, 21), занимавших территорию к востоку от Танаиса (Дона). Поэтому многие исследователи локализовали будинов в области Волги или Дона

---

[258] Мельниковская О. Н. Племена южной Белоруссии..., с. 129.

[259] Там же, с. 140.

[260] Там же, с. 45 сл.

[261] См.: Удальцов А. Д. 1) Начальный период восточнославянского этногенеза, с. 70; 2) Основные вопросы этногенеза славян, с. 6; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 61; Артамонов М. И. Венеды, невры, будины..., с. 76 сл.; Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 234; Мельниковская О. Н. Племена южной Белоруссии..., с. 188; Смирнов А. П. Скифы, с. 95 сл.; Граков Б. Н. Скифы, с. 120 сл. Все эти исследователи опираются на труд В. Шафарика (Славянские древности. Т. 1. М., 1848, с. 332 сл.), который первым причислил невров к славянским (или, осторожнее, к праславянским) племенам; см. также: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 240.

или же в бассейне левых притоков Днепра, между Днепром и Доном.[262] Большая часть советских ученых основной территорией будинов считает область Среднего Подонья, расходясь главным образом лишь в вопросе о протяженности занятых ими земель. Так, П. Н. Третьяков[263] и П. Д. Либеров[264] склонны расширять территорию будинов к востоку, в междуречье Дона и Волги, находя там памятники, которые, по их мнению, могут принадлежать только будинам. Б. Н. Граков[265] и Б. А. Шрамко[266] отождествляют с будинами также и памятники, обнаруженные в бассейне р. Ворсклы. В. А. Ильинская[267] и К. Ф. Смирнов[268] продвигают территорию будинов на запад до Се-

[262] Так, еще Байер (Bayer Th. De Scythiae situ..., p. 417) помещал будинов в Среднем Поднепровье и даже к западу от Днепра (в Холмской и Брестской областях). П. И. Надеждин (см.: Геродотова Скифия..., с. 91) отводил будинам территорию между северными частями Подольской и Харьковской губ. (включая Волынскую, Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губ.). Ф. Брун помещал будинов к западу от Дона (см.: Опыт соглашения противуположных мнений..., с. 79 сл.); К. Бэр (Baer K. Historische Fragen..., S. 84), Н. И. Забелин (см.: История русской жизни в древнейшие времена, т. I, с. 238 сл.) — на Среднем Дону или между Доном и Волгой. Ф. Браун (см.: Разыскания в области гото-славянских отношений, с. 243 сл.) объяснял противоречивость и неясность сведений Геродота о будинах тем, что его свидетельства касались двух народностей будинского племени — восточной и западной — и изложил он их не совсем ясно (ср.: Minns E. Skythians and Greeks, p. 103). Ф. Г. Мищенко высказал в свое время предположение о том, что будины в процессе продвижения (подобно скифам) могли разбиться на две части, одна из которых оказалась за Доном, а другая — на побережье Днепра (см.: Противоречия в известиях Геродота о первом появлении скифов и сарматов в Европе. — ФО, 1899, т. XVII, с. 112).

[263] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 52 и 57; ср.: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 11, 13 (схема).

[264] Либеров П. Д. 1) Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. — МИА, 1969, № 151, с. 26; 2) Этническая принадлежность будинских племен населения Среднего Дона в скифское время. — ПСА, с. 107 сл.

[265] Граков Б. Н. Скифы, с. 131 сл., 163 сл.; Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. — СА, 1953, т. XVIII, с. 126.

[266] Шрамко Б. А. 1) Исследование Западного и Восточного Бельских городищ, с. 275; 2) Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема. — СА, 1975, № 1, с. 82 сл.

[267] Ильинская В. А. 1) О скифах-пахарях и будинах Геродота, с. 32 сл.; 2) Андрофаги, меланхлены..., с. 36.

[268] Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1969, с. 252.

верного Донца. А. И. Тереножкин[269] и А. П. Смирнов[270] в своих работах также связывают археологические памятники Среднего Подонья с племенами будинов. Однако М. И. Артамонов категорически возражал против подобной локализации будинов. Он считал, что «исходным пунктом для определения местоположения будинов может служить Неврида»,[271] та область невров, которая была известна Геродоту и где обитали невры, известные ему. Именно рядом с этой Невридой (которая, по мнению Артамонова, находилась между Днестром, истоками Зап. Буга и бассейном р. Припяти) и следовало искать область, заселенную многочисленным племенем будинов.

Исходя из локализации Невриды, М. И. Артамонов считал, что и область будинов не могла находиться нигде, кроме Среднего Поднепровья (в первую очередь в Киевщине, примыкающей непосредственно к Волыни, которая была заселена неврами). Стремясь как-то согласовать свои соображения со свидетельствами Геродота, который называет андрофагов восточными соседями невров (IV, 100, 102, 119, 125), а к Востоку от андрофагов помещает меланхлепов (IV, 107), М. И. Артамонов, отмечая родственность памятников днепровского Левобережья и Правобережья, признает в андрофагах и меланхленах локальные группы будинского племени, видя в их названиях не племенной, а нарицательный характер.[272] И. В. Фабрициус усматривала территорию будинов в широкой лесостепной полосе Среднего Поднепровья, примыкая в этом отношении к взглядам М. И. Артамонова (связав, однако, гелонов с тясминской группой археологических памятников).[273] Построения И. В. Фабрициус вызвали резкие возражения А. И. Тереножкина,[274] настаивавшего на лока-

[269] Тереножкин А. И. 1) К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. — СА, 1955, т. XXIV, с. 12; 2) Предскифский период..., с. 225.

[270] Смирнов А. П. Скифы, с. 98 сл.

[271] Артамонов М. И. 1) Этногеография Скифии, с. 160; 2) Венеды, невры, будины..., с. 70; 3) Этнический состав населения геродотовой Скифии, с. 132 сл.

[272] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 161.

[273] Фабрициус І. В. Указ. соч., с. 71 сл. Критику ее гипотезы о гелонах-эллинах см. ниже.

[274] Тереножкин А. И. Рец. на ст.: Фабрициус І. В. До питання про топографізацію племен Скіфії» (Археологія, 1951, т. V). — ВДИ, 1952, № 2, с. 147 сл.

лизации будинов в районе Среднего Подонья. Б. Н. Граков полагал, что кочевому, согласно указанию Геродота (IV, 109, 1), племени будинов принадлежала вся территория от воронежских до полтавских лесостепей, и связывал с ними археологические памятники, расположенные от устья р. Десны до р. Ворсклы и к югу от лесной полосы до Северного Донца в его лесостепной и степной части.[275] Б. А. Рыбаков, для того чтобы наглядно показать расхождения, существующие среди исследователей по поводу локализации будинов, составил специальную схему размещения этого племени, на которой обозначены области, отведенные будинам различными авторами.[276] И хотя при обосновании локализации будинов каждый автор исходил из одного и того же текста Геродота, разбросанность предполагаемых мест обитания будинов получается весьма впечатляющей. Сам Б. А. Рыбаков видит в будинах носителей юхновской культуры, памятники которой открыты в бассейне рек Десны, Сейма и верхней Оки, в лесистых районах днепровского левобережья. Эту культуру большинство скифологов склонно связывать с меланхленами.[277]

Что касается племени гелонов, о котором Геродот сообщает, что они жили на территории, занятой племенем будинов (IV, 108, 1), то сам Геродот говорил о них как об эллинах, выселившихся в страну будинов из греческих эмпориев и смешавшихся с местным населением.[278] Они жили в деревянном городе, носившем название Гелон, который Геродот описывает чрезвычайно подробно (IV, 108, 1).

Следует отметить, что некоторая часть исследователей пыталась уточнить местонахождение гелонов на территории, которая принадлежала будинам. Однако предложенные гипотезы были весьма разноречивыми. В свое время Н. И. Надеждин[279] локализовал гелонов в запад-

---

[275] Граков В. Н. Скифы, с. 131.

[276] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 11 сл. и 13 (схема).

[277] См. с. 134 настоящей работы.

[278] С. А. Жебелев (указ. соч., с. 344) усматривал в гелонах нечто вроде ольвийских миксэллинов, смешанное греко-будинское население.

[279] Надеждин Н. И. Геродотова Скифия..., с. 93; ср.: Potocki J. Histoire primitive..., p. 144 sq. Потоцкий отводил гелонам местность в районе современного Воронежа.

ной части Волыни. В. Н. Семенкович помещал их в верховьях Дона и Оки.[280] М. И. Артамонов, как уже говорилось выше, локализовал будинов в Среднем Поднепровье, куда, по его мнению, и переселились гелоны со своей основной территории, которая находилась в Побужье.[281] И. В. Фабрициус связывала с гелонами археологические памятники Тясминского бассейна, такие городища, как Пастерское, Шарповское, Будянское, Макеевское.[282]

П. Д. Либеров считал, что гелоны занимали область левобережья Среднего Дона (между реками Сосна и Тихая Сосна),[283] а Б. М. Шрамко помещал их в бассейне р. Ворсклы.[284] Совершенно иную позицию в локализации гелонов занимал Л. А. Ельницкий. Опираясь на перипл Скилака[285] и основываясь на том, что эллинизированные варвары были весьма многочисленны в Колхиде, Л. А. Ельницкий отводил гелонам и будинам области на территории Западного Кавказа или же Прикаспия.[286] Однако при этом он допускал, что переселение этих племен с Кавказа в области донской и приднепровской лесостепи вполне могло иметь место.

Следуя за Геродотом, значительная часть ученых считала гелонов эллинами.[287] Другие исследователи полагали,

---

[280] Семенкович В. Н. Гелоны и мордва. — В кн.: Матер. и исслед. по исторической географии верховий Дона и Оки. Вып. 1. Гелоны. М., 1923. В этой работе дан чрезвычайно серьезный анализ свидетельства Геродота относительно локализации племен гелонов и будинов. Одновременно В. Н. Семенкович подверг анализу также и свидетельства более поздних античных авторов по поводу этих двух племен. Всяческого внимания в работе В. Н. Семенковича заслуживает и высказанная им интересная гипотеза относительно существования «великого водного пути на восток», которым пользовались греческие купцы (там же, с. 136 сл.). Ценным дополнением к работе является также перевод статьи польского ученого Ст. Мароньского о гелонах Геродота: Maroński St. Herodots Gelonen keine preussisch-slavische Völkerschaft. 1883).

[281] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 161.

[282] Фабриціус І. В. Указ. соч., с. 71.

[283] Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов..., с. 21 сл.

[284] Шрамко Б. М. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема, с. 83.

[285] См.: Scyl., Peripl., 79 (упоминание гелонов, меланхленов и андрофагов в числе племен, обитающих на Кавказе).

[286] Ельницкий Л. А. Скифские легенды как культурно-исторический материал. — СА, 1970, № 2, с. 70 сл.

[287] Шафарик П. Славянские древности, 1, с. 37; Брун Ф. К. Опыт соглашения противуположных мнений..., с. 79 и 88; Фаб-

что это было смешанное эллино-скифское[288] или эллино-будинское население.[289] М. И. Артамонов, напротив, считал (вслед за В. Щербакивским) невероятным, чтобы греки могли поселиться в глубине такой дикой и неосвоенной страны, какой была Скифия в VII—VI вв. до н. э. Он полагал, что гелоны были местным этническим образованием, родственным фракийскому племени агафирсов и скифам.[290] Он допускал также смешение у эллинов представления о гелонах и будинах, которое в свою очередь могло свидетельствовать о тесной связи этих племен. И хотя, по мнению М. И. Артамонова, сближение обоих племен не исключало существования собственно гелонов, выделить местоположение этого племени и принадлежащие ему археологические памятники из общей среднеднепровской массы археологических материалов он не считал возможным. Б. А. Шрамко,[291] называя версию Геродота, что гелоны являются эллинами, абсолютно неправдоподобной, видел в гелонах вслед за М. И. Артамоновым местное племя, родственное как скифам, так и агафирсам.

Большая часть современных исследователей склонна связывать с гелоно-будинскими племенами археологические памятники в области Среднего Дона, где богатый материал погребений (курганы Частые, Мастюгинские, у с. Русская Тростянка), поселений и городищ дает картину синтеза местной и скифской культур — сочетание скифского оружия, украшений в скифском зверином стиле, импортной греческой керамики (амфоры, чернолаковые сосуды) и торевтики с грубой лепной керамикой, изделиями из кости и рога и т. п.[292] При этом П. Д. Либеров специально отмечает, что если комплекс археологи-

---

рицiус І. В. Указ. соч., с. 71; Либеров П. Л. 1) Памятники скифского времени на Дону. — САИ, 1965, вып. Д1—31, с. 34; 2) Проблема будинов и гелонов..., с. 13, 21; 3) Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время, с. 115.

[288] Забелин И. Е. Указ. соч., т. I, с. 242.

[289] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 344 (со ссылкой на мнение Кречмера).

[290] Артамонов М. И. 1) Этногеография Скифии, с. 162; 2) Киммерийцы и скифы, с. 43.

[291] Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища..., с. 83.

[292] Либеров П. Д. 1) Памятники скифского времени на Среднем Дону, с. 34; 2) Проблема будинов и гелонов..., с. 37 сл.;

ческих памятников правобережной части Среднего Дона представлен большим количеством городищ и открытых поселений с насыщенными культурными слоями и позволяет воспроизвести картину оседло-земледельческого уклада жизни местного населения, то памятники Левобережья явно свидетельствуют о том, что основным занятием его обитателей было кочевое скотоводство.[293] По мнению Б. А. Шрамко, область будинов распространялась от Среднего Дона на запад, включая лесостепную часть донского бассейна, верховья р. Оскол, весь бассейн р. Ворсклы и, возможно, р. Псла. На севере область будинов была ограничена р. Сеймом.[294] Опираясь на материалы Г. А. Ковпаненко, Б. А. Шрамко приписывал гелонам поселения на правобережье г. Ворсклы с особой чернолощеной керамикой,[295] полагая, что подтверждением обитания гелонов в этих местах может служить распространенность иранских гидронимов в области днепровского Левобережья.[296] Археологические материалы городищ и открытых поселений свидетельствуют о том, что местное население занималось земледелием (это подтверждается находками зернотерок, железных серпов, обугленных зерен злаков, семечек яблони, лесных орехов) и скотоводством (при раскопках обнаружены кости лошадей, крупного и мелкого домашнего скота, свиней, собак, домашней птицы). О развитии ремесел можно судить по остаткам ремесленных мастерских, связанных с обработкой металла (находки тиглей, льячек, форм для литья), дерева и кости.[297]

Таким образом, из всего изложенного явствует, что до настоящего времени единого мнения о локализации гелоно-будинских племен в науке не существует.

Что касается города Гелона, расположенного, по свидетельству Геродота (IV, 108, 1), в стране будинов, то

Смирнов А. П. Скифы, с. 98 сл.; Ильинская В. А. 1) О скифах-пахарях и будинах Геродота, с. 29 сл.; 2) Андрофаги, меланхлени..., с. 34 сл.

[293] Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов..., с. 16 сл.

[294] Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища..., с. 83.

[295] Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, с. 50 сл.

[296] Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища... (со ссылкой на работу: Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1968, карта 13).

[297] Там же, с. 78 сл.

вопрос о его местонахождении как ранее, так и до нашего времени служит предметом дискуссии среди исследователей. В свое время И. Е. Забелин[298] искал следы Гелона близ г. Саратова, на территории города Увека (Укека), следуя традиционной тогда локализации Гелона на Средней или Нижней Волге. Вслед за И. Е. Забелиным с Увеком отождествили местонахождение Гелона Л. Л. Голицын и С. С. Краснодубровский,[299] начавшие исследование городища Укек совместно с археологами П. А. Пономаревым и Г. С. Саблуковым. Однако при археологических раскопках материалов античного города обнаружено не было.[300]

Современные археологи склоняются к тому, чтобы искать Гелон среди городищ посульско-ворсклинского и среднедонского бассейнов, относящихся к скифскому времени. Больше всего внимания в плане возможного отождествления его с городом Гелоном привлекает огромное Бельское городище на р. Ворскле. Его исследование было начато еще В. А. Городцовым,[301] а затем в широких масштабах продолжено советскими археологами. М. И. Артамонов[302] и Б. Н. Граков[303] считали возможным отождествление Бельского городища с Гелоном Геродота. Б. А. Шрамко, основываясь на накопленном археологическом материале, пришел к выводу, что Бельское городище бесспорно является городом Гелоном, поскольку, по его мнению, оно полностью соответствует описанию, которое дано в Скифском рассказе Геродота.[304] Б. А. Шрамко видит серьезное подтверждение адекватности Бельского городища с Гелоном в том, что длина укреплений городища (оно состоит из трех отдельных городищ, окружен-

---

[298] Забелин И. Е. Указ. соч., т. I, с. 234 сл.

[299] Голицын Л. Л., Краснодубровский С. С. Укек. Саратов. 1891, с. 9 сл.

[300] Пономарев П. А. Древний Укек исчезает. Казань, 1891; Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях России, с. 111.

[301] Городцов В. А. Дневники археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. — Тр. XIV АС, т. III. М., 1911, с. 93 сл.

[302] Артамонов М. И. 1) Этногеография Скифии, с. 162; 2) Киммерийцы и скифы, с. 93.

[303] Граков Б. Н. Скифы, с. 163.

[304] Шрамко Б. А. 1) Некоторые итоги раскопок Бельского городища, с. 62; 2) Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 94 сл.

ных одним общим валом) почти совпадает с длиной стен Гелона, приведенной у Геродота (120 стадиев).[305] Комплекс укрепленных городищ, состоящий из Западного, Восточного и Куземинского, объединенных общим валом (его реконструкция сделана Б. А. Шрамко на основании разрезов валов и рвов),[306] дает интересный и разнообразный материал. Для Западного городища характерны жилища земляночного типа с двускатными перекрытиями, опирающимися на столбы и открытыми очагами, для Восточного — наземные бревенчатые или легкие каркасные жилые сооружения.[307] В процессе исследования было открыто большое количество хозяйственных построек, печей для выпечки хлеба и приготовления пищи. Чрезвычайный интерес представляют обнаруженные остатки святилищ с круглыми жертвенниками, украшенными сложным рельефным орнаментом, следы жертвоприношений (различные части туш жертвенных животных, зооморфные и антропоморфные статуэтки).[308] Кухонная керамика была представлена типами лепных грубых сосудов, одинаковых для всех городищ, столовая керамика (лощеная, орнаментированная) была весьма разнообразна.[309] Опорным материалом для датировки культурных слоев является античная керамика VII—III вв. до н. э.[310]

По мнению Б. А. Шрамко, Бельское городище (Гелон) являлось центром союза двух племен, различных этнически. Население его состояло из гелонов и будинов, причем гелонам принадлежало Западное городище, а будинам — Восточное.[311] Подтверждение этому Б. А. Шрам-

---

[305] В случае, если осведомитель Геродота пользовался понийским стадием (210 м), то общая длина стен Гелона составляла 25 200 м; длина же укреплений Бельского городища составляет 25 995 м. Относительно измерения расстояний у Геродота см. с. 156 настоящей работы.

[306] Шрамко Б. А. 1) Некоторые итоги раскопок Бельского городища..., с. 67 сл.; 2) Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон, с. 100 сл.

[307] Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища..., с. 87.

[308] Там же, с. 76; Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон, с. 126 сл., рис. 15, 16.

[309] Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища..., с. 75.

[310] Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон, с. 107.

[311] Там же, с. 128.

ко находит в могильниках Скоробор и Осняги, дающих два типа погребального обряда — трупосожжение и трупоположение, причем различны и типы могильных сооружений — ямы с деревянными перекрытиями и склепы со стенками, забранными деревом, и одновременные им срубные захоронения. Куземинское же городище не имело обычного культурного слоя. По мнению Б. А. Шрамко (возражающего Б. Н. Гракову,[312] который видел в Бельском городище, исходя из его трехчастного деления, поселение трех союзных племен), Куземинское городище, скорее всего, являлось стратегическим пунктом, защищавшим пристани и торговые склады, находившиеся на побережье р. Ворсклы.[313] Численность населения Гелона Б. А. Шрамко определил в 60—80 тыс. человек. Г. Т. Ковпаненко высказала предположение, что Бельское городище было не только укрепленным торговым пунктом, но представляло собой административный, культурный и ремесленный центр нескольких племен.[314]

Б. А. Рыбаков также без сомнения отождествляет Бельское городище с городом Гелоном, в котором он видит центр территории, занятой племенем гелонов в лесостепной левобережной части Днепра.[315] Разделяя гипотезу, высказанную В. А. Ильинской, что появление скифоидных племен в посульско-донецкой лесостепи сразу же после окончания скифских переднеазиатских походов связано с возвращением скифов,[316] он полагает, что эти племена, занимавшиеся садоводством и сеявшие хлеб, по свидетельству Геродота (IV, 109, 1), и были гелонами. Однако следует отметить, что, ратуя за строгое следование указаниям Геродота, Б. А. Рыбаков утверждает, что нахождение Гелона в земле левобережных скифов является неоспоримым доказательством принадлежности населения этой территории к племени гелонов,[317] и даже усматривает некую гегемонию пришельцев-гелонов в союзе бу-

---

[312] Граков Б. Н. Скифы, с. 107.

[313] Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища..., с. 67.

[314] Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі, с. 183.

[315] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 163 и схема.

[316] Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья, с. 174.

[317] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 163.

дино-борисфенитских племен,[318] в то время как Геродот ясно указывает на то обстоятельство, что город Гелон находится в области будинов (IV, 108, 1). Вряд ли правомерно делать на основании этого указания Геродота столь далеко идущие выводы. Во всяком случае ни текст Геродота, ни археологические материалы не дают никаких оснований для подобных предположений. Несмотря на, казалось бы, весьма убедительные аргументы, которыми оперируют сторонники идентификации Бельского городища с городом Гелоном, далеко не все исследователи видят Гелон в комплексе этого городища. П. Д. Либеров полагает, что Гелон, скорее всего, представлен системой городищ у с. Волошино.[319] И. В. Фабрициус,[320] как упоминалось выше, считает, что Гелон состоял из четырех городищ тясминской группы (Галущинского, Шарповского, Макеевского и Будянского). В Бельском городище она видела большую торговую факторию, через которую шли торговые пути, связывавшие Ольвию с северными областями Скифии. Большое количество возражений по поводу идентификации Бельского городища с Гелоном выдвигает и В. А. Ильинская.[321] Отмечая уникальную особенность этого городища (вал, объединяющий все его укрепления), В. А. Ильинская приводит возражения, которые, по ее мнению, свидетельствуют о несостоятельности аргументации Б. А. Шрамко в пользу идентификации Гелона с Бельским городищем. Прежде всего, треугольная форма Бельского городища,[322] с ее точки зрения, противоречит свидетельству Геродота, который явно имеет в виду квадрат (каждая из сторон стен Гелона была длиной в 30 стадиев). Кроме того, она указывает, что по характеру культурных пластов Бельское городище находится в полном соответствии с остальными памятниками посульско-донецкого и правобережно-ворсклинского типа. Носители этих культур являлись оседлыми земледельцами и пастухами. У них был одинаковый уклад жизни,

[318] Там же, примеч. 73.

[319] Либеров П. Д. 1) Памятники скифского времени, с. 71 сл.: 2) Проблема будинов и гелонов..., с. 23.

[320] Фабриціус І. В. Указ. соч., с. 71 сл.

[321] Ильинский В. А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном? — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 73 сл.

[322] Там же, с. 77. Правда, здесь сама В. А. Ильинская впадает в ошибку, поскольку точно указывает, каким стадием пользовался Геродот, ничем этого положения не доказывая.

они располагали одинаковыми техническими средствами во всех отраслях земледелия, скотоводства и домашних ремесел, пользовались предметами скифского типа (оружие, конское снаряжение, украшения, орудия труда). В. А. Ильинская возражает также против тенденции удревнения возраста этих городищ, поскольку, по ее мнению, это не соответствует тем археологическим материалам, на которые опирается сам Б. А. Шрамко, желая во что бы то ни стало доказать древность аборигенов-будинов по сравнению с пришельцами-гелонами.[323]

Кроме того, Ильинская считает, что нельзя не принимать во внимание сообщение Геродота о том, что гелоны — народ, родственный эллинам и пришедший с юга (по преданию, они — выходцы из припонтийских городов). Основываясь на этом и на характере археологических материалов среднедонской группы памятников (скифский тип основных предметов быта и вооружения и значительное количество вещей греческого происхождения), Ильинская предлагает гипотезу, что гелоны Геродота могли быть населением, которое продвинулось на Средний Дон из областей Нижнего Подонья. Она указывает, что совпадение ряда, казалось бы, несовместимых данных письменных источников и археологии позволяет вести поиски в области происхождения гелонов и их местоположения в предложенном ею направлении.[324]

Как уже упоминалось выше, некоторые исследователи считали, что названия «андрофаги» и «меланхлены» носят чисто нарицательный характер, что эти племена являлись частью будинских племен. Выделить из них андрофагов и меланхленов не представляется возможным.[325] Однако Геродот, говоря об андрофагах, называл их земли северной границей Скифии (IV, 18, 3). Восточными соседями андрофагов он назвал племя меланхленов (IV, 107). М. И. Артамонов, следуя составленной им карте обитания скифских племен, для того, по-видимому, чтобы его построения не противоречили явно указаниям Геродота, включил и андрофагов, и меланхленов в группу гелоно-будинских племен[326] и таким образом обошел тот факт, что именно земли андрофагов являлись северной,

[323] Там же, с. 81.
[324] Там же, с. 91 сл.
[325] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 160—161.
[326] Там же, с. 160.

по словам Геродота, границей Скифии. М. И. Артамонов локализовал андрофагов на правобережье Среднего Поднепровья, южнее р. Рось.[327]

Мнение М. И. Артамонова оспаривал П. Д. Либеров,[328] подчеркивавший то обстоятельство, что все археологические памятники Правобережья указывают на оседлый, земледельческий образ жизни обитателей этой территории, тогда как Геродот, рассказывая о быте андрофагов, прямо говорит о том, что они ведут кочевой образ жизни и отличаются дикими и жестокими нравами, не почитают справедливость и не имеют никаких законов (IV, 18, 3; IV, 106).

П. Д. Либеров полагает, что андрофаги населяли степные области нижнего течения рек Сулы, Псла и Ворсклы.[329] Частично с мнением П. Д. Либерова о локализации андрофагов совпадает точка зрения Б. А. Шрамко, который также видел андрофагов в обитателях степной части Посулья.[330] Однако эта точка зрения вызвала возражения В. А. Ильинский, которая считала, что археологический материал, происходящий из посульско-донецкого региона, не дает никаких оснований относить одну из частей памятника этого типа к андрофагам (Посулье),[331] другую же приписывать меланхленам (северодонецкие памятники). К тому же, по мнению В. А. Ильинской, единая по своему характеру, развитая посульско-донецкая культура никоим образом не могла принадлежать племени, дикость которого Геродот спе-

---

[327] Относительно локализации племени андрофагов среди русских и зарубежных исследователей не существовало (как не существует и теперь) единого мнения. В особености это касалось северной и юго-западной границ территории, отводимой андрофагам. Так, например, еще Т. Байер (Bayer Th. De Scythiae situ..., p. 420) и Э. Эйхвальд (Eichwald E. Alte Geographie..., S. 93) считали, что граница андрофагов доходила до Смоленской и Витебской областей. Ф. Г. Мищенко (см.: Известия Геродота о нескифских племенах, с. 116) считал, что андрофаги занимали территорию от Черниговской губ. через Орловскую вплоть до Московской, захватывая даже ее часть, а в Указателе к переводу Геродота локализовал андрофагов в Смоленской губ.

[328] Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов..., с. 15.

[329] Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья. — МИА, 1960, № 53, с. 149 сл.

[330] Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1964, с. 233 сл.

[331] Іллінська В. О. Андрофаги, меланхлени..., с. 34 сл.

циально отмечает.[332] О. Н. Мельниковская высказала предположение, что андрофагов следует искать среди носителей степной культуры днепровского Левобережья.[333] А. И. Тереножкин видел андрофагов в племенах культуры штрихованной керамики, селившихся в области, находившейся к северу от бассейна р. Припяти,[33] однако никакой аргументацией свою локализацию не подкрепил. Б. Н. Граков предположительно связывал с андрофагами археологические памятники урочища Кичкас, находящегося в степной части днепровского Надпорожья.[335] Из изложенных выше весьма противоречивых предположений о местонахождении племени андрофагов и связанных с ними памятников в настоящее время наиболее рациональной представляется точка зрения, высказанная А. П. Смирновым. Прежде всего, основываясь на сообщении Геродота о том, что андрофаги хотя и нескифское племя, но ведут кочевой образ жизни, А. П. Смирнов считает необходимым искать их территорию только в пределах степной полосы. Наиболее вероятным местом обитания андрофагов А. П. Смирнову представляется часть степи, идущая по восточному берегу Днепра, тянущаяся к северу от г. Днепропетровска широкой полосой примерно до параллели, на которой расположен Киев. Во всяком случае в настоящее время, по мнению А. П. Смирнова, археологическая наука не знает культуры, которую на этой территории можно было бы с уверенностью связать с андрофагами Геродота.[336]

Племя меланхленов, особое, не скифское, Геродот размещал таким образом, что их владения на западе граничили с землями андрофагов, на юге — скифов царских

---

[332] В. А. Ильинская приводит интересные материалы, обнаруженные при раскопках Басовского, Ширяевского и Кнышевского городищ, где были найдены человеческие кости с обломанными эпифизами, что свидетельствует об употреблении их в пищу, т. е. о каннибализме обитателей этих городищ (Памятники скифского времени в бассейне р. Псла.— СА, 1957, № XXVII, с. 232; Басівське городище. — Археологія, Київ, 1965, т. XVIII, с. 72; Андрофаги, меланхлени..., с. 35).

[333] Мельниковская О. Н. Племена южной Белоруссии, с. 170.

[334] Тереножкин А. И. Предскифский период..., с. 225 (карта).

[335] Граков Б. Н. Скифы, с. 72.

[336] Смирнов А. П. Скифы, с. 97; ср.: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 151.

и на востоке — гелонов и будинов (IV, 20, 100, 101, 102). Выше мест обитания меланхленов (т. е. к северу) находились озера и болота (IV, 101). В современной науке нет единого мнения об относительной локализации меланхленов, и исследователи даже пересматривают взгляды, высказанные ими ранее. Так, М. И. Артамонов сначала размещал меланхленов на территории между Днепром и Доном (на Донце),[337] а затем поместил их в бассейне рек Десны и Припяти с примыкающей к ним частью Поднепровья.[338] Области лесостепного Левобережья Днепра отводит меланхленам П. Н. Третьяков,[339] который усматривает вслед за И. Е. Забелиным[340] реминисценции племенного имени меланхленов в названиях городов Чернигов и Воронеж. В бассейне Верхнего Донца помещал меланхленов Б. А. Шрамко.[341] Хотя однозначной локализации меланхленов на основании данных археологии в науке пока еще не существует, часть исследователей связывает меланхленов с носителями юхновской культуры. Эта культура представлена городищами VI—V вв. до н. э., расположенными в верхнем и среднем течении р. Десны и по р. Сейму (Трубчевское, Кузина гора и ряд других).[342] Раскопками открыты остатки наземных жилищ разнообразных типов,[343] а в археологическом материале преобладают изделия из кости. Изделия из металла представлены в основном бронзовыми наконечниками стрел и булавками скифского типа. Однако А. Е. Алихова для поселений в бассейне р. Сейм как их характерную черту отмечает большее количество

---

[337] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 158.

[338] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 82.

[339] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 55 и 64.

[340] Забелин И. Е. Указ. соч., т. I, с. 230. Ф. Г. Мищенко в Указателе к переводу Геродота также связывал с мелапхленами Черниговскую и западную часть Воронежской губ. (см. также: Известия о нескифских землях, с. 116).

[341] Шрамко Б. А. 1) Древности Северского Донца, с. 233; 2) Некоторые итоги раскопок Бельского городища, с. 84.

[342] Левенок В. П. Городища юхновской культуры. — КСИА АН УССР, 1957, вып. 7; Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья. — МИА, 1962, № 113, с. 86 сл.; ср.: Іллінська В. О. Андрофаги, меланхлени..., с. 37; Мельниковская О. Н. Новые раскопки на Десне. — АО, 1966, М., 1967, с. 233 сл.

[343] Алихова А. Е. Особый вид сооружения на городище Кузина Гора. — СА, 1958, № 2, с. 3.

металлических изделий (главным образом серпов, железных ножей, наконечников стрел, браслетов, колец).[344] На основании данных памятников юхновской культуры исследователи усматривают в меланхленах оседлое племя, знакомое с мотыжным земледелием, домашним скотоводством и ремеслами.[345] Характер археологических памятников позволяет говорить о том, что в VI—V вв. до н. э. население этих городищ находилось в сфере влияния скифской культуры.[346] Основанием для датировки городищ юхновской культуры служат фрагменты греческой расписной керамики VI—V вв. до н. э. Отдельные скифологи, например П. Д. Либеров, возражают против отождествления племен, населявших области Посулья, Посеймья или верхнего течения Северского Донца, с меланхленами на том основании, что при современном состоянии археологических данных локализация эта недоказуема (П. Д. Либеров выделяет особую среднедонскую культуру, принадлежащую, по его мнению, населению, основным занятием которого было скотоводство).[347]

Ему возражал Б. А. Шрамко,[348] полагающий, что все же локализация меланхленов на Северском Донце возможна. Подобная же точка зрения была высказана Б. Н. Граковым, который, правда, специально отмечает, что локализация меланхленов особенно затруднительна.[349]

Некоторые исследователи, опираясь на сообщения античных авторов,[350] полагали, что меланхленов следует искать на Кавказе (рядом с колхами, между Диоскуриадой и Фасисом).[351] Л. А. Ельницкий, настаивая на том, что меланхлены Геродота и кавказские меланхлены — одно и то же племя, считает, что их локализация в евро-

---

[344] Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья, с. 92 сл.

[345] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 55; Смирнов А. П. Скифы, с. 97 сл.

[346] Там же, с. 98.

[347] Либеров П. Д. 1) Проблема будинов и гелонов..., с. 17; 2) Памятники скифского времени на Среднем Дону, с. 76; ср.: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 120 сл., 164.

[348] Шрамко Б. А. 1) Древности Северского Донца, с. 223 сл.; 2) Некоторые итоги раскопок Бельского городища, с. 84.

[349] Граков Б. Н. Скифы, с 131, 160.

[350] Scyl. Peripl. 79; Mela, 1, 110; 11, 14; Plin., NH, VI, 15; Amm. Marc., XXXI, 5.

[351] С. А. Жебелев (указ. соч., с. 342, примеч. 3) считал, что эти меланхлены не тождественны меланхленам Геродота.

пейской части России произошла в результате путаницы, связанной с неправильной идентификацией Рипейских гор (по мнению Л. А. Ельницкого, они отождествляются с Кавказом в источниках Геродота).[352] Л. А. Ельницкий полагает, что название этого племени бесспорно ассоциируется с черными бурками кавказских племен.[353] Ю. С. Гаглойти считает, что меланхлены населяли территорию современной Абхазии и, следуя за Ф. А. Брауном,[354] отождествляет их с племенем саударатов. По мнению Ю. С. Гаглойти, название племени меланхленов было просто переводом на греческий язык скифского наименования (по-осетински слово «саудар» означает «носящий черное платье»).[355] П. Н. Третьяков был склонен видеть в меланхленах праславян.[356]

Племя тиссагетов, согласно сведениям Геродота (IV, 22, 1), обитало за пустыней, простиравшейся выше местности, занятой будинскими племенами, протяженностью в 7 дней пути (IV, 123). Столь неопределенное указание породило весьма значительные расхождения в отношении локализации тиссагетов. Одни исследователи связывали их со средним течением р. Камы,[357] где, по мнению сторонников этой локализации, память о племени тиссагетов сохранилась в названии р. Чусовой. Другие размещали тиссагетов по обоим берегам р. Волги, главным образом в средней ее части.[358] Значительная часть археологов видит в тиссагетах носителей так называемой городецкой культуры, поселения и могильники которой распространены главным образом на правобережье Волги в районе Среднего Поволжья.[359] Для поселений племен

[352] Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, с. 71.

[353] Там же, с. 72.

[354] Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений, с. 90.

[355] Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 236 сл.; ср.: Граков Б. Н. Скифы, с. 130 сл., Б. Н. Граков также склоняется к отождествлению меланхленов с саударатами декрета в честь Протогена, хотя и с оговоркой, что во времена Геродота меланхлены обитали на левом берегу Борисфена.

[356] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 63.

[357] Шафарик П. Славянские древности, с. 47—48; Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель.

[358] Смирнов А. П. Скифы, с. 50 (карта).

[359] Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28, с. 67;

городецкой культуры характерны селища, окруженные валами, укрепленные городища с землянками и полуземлянками. Хозяйственная утварь представлена так называемой рогожной и сетчатой керамикой баночного типа, грузиками в виде цилиндров, блоков и конусов и пряслицами бипирамидальной формы. Среди орудий труда, сделанных главным образом из кости, встречаются мотыжки, гарпуны, скребки, ножи, проколки. Наконечники стрел также чаще всего костяные. Изделия из металла очень редки.[360] Могильники раннего периода городецкой культуры сохранились плохо, так как представляют собой неглубокие грунтовые захоронения с очень бедным сопроводительным инвентарем. Хотя памятники этой культуры в области Среднего Поволжья известны с VII в. до н. э. и продолжают существовать вплоть до IV—V вв. н. э., границы территории, занимаемой ими в скифский период, пока что не представляется возможным установить.[361] Правда, Н. В. Трубникова высказала предположение, что первоначальной территорией обитания племен городецкой культуры было среднее течение р. Оки, откуда эти племена продвинулись на юг и юго-восток, где смешались с племенами срубной культуры.[362] Однако предположение Н. В. Трубниковой вызвало возражения ученых, отрицавших связь между городецкой и срубной культурами.[363] Часть исследователей считает, что тиссагеты населяли территорию Западного Приуралья в бассейне рек Камы и Белой, и связывает с ними памятники ананьинской культуры, близкой к культуре савроматов.[364]

Трубникова Н. В. Племена городецкой культуры. — Тр. ГИМ, 1953, т. XXII, с. 69 сл.; Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. — САИ, 1965 Д—1—14, с. 5; Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 118.

[360] Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья, с. 42, 55; Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Указ. соч., с. 5, 11, 17.

[361] Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Указ. соч., с. 9.

[362] Трубникова Н. В. К вопросу о происхождении городецкой культуры. — КСИИМК, 1959, вып. 75, с. 168 сл.

[363] Шилов В. П. Ранний железный век Поволжья. Казань, 1956, с. 18; Степанов П. Д. Хвалынское городище. — Тр. Саратовск. обл. музея, 1960, вып. 3, с. 69.

[364] Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 270: ср.: Шмидт А. В. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества. — ИГАИМК, 1935, вып. 106, с. 19; Збруева А. В. Население берегов Камы в древнейшие времена. М., 1962, с. 127,

К востоку от тиссагетов Геродот размещал племя иирков (IV, 22, 2). Поскольку, как было показано выше, по поводу территории, принадлежавшей тиссагетам, однозначного мнения среди исследователей нет, то и местоположение иирков представляется спорным. Единственно, в чем ученые согласны, — это в размещении иирков за Волгой.[365] Распространена точка зрения об их нахождении в Приуралье[366] или даже за Уралом.[367] Большинство скифологов связывает иирков с племенами ананьинской культуры,[368] которая была распространена на обширной территории в бассейнах рек Камы, Вятки, Чусовой, Белой, Ветлуги, Волги (близ устья Камы) и Утки.[369] Исходя из способа охоты иирков, который описывает Геродот,[370] К. Бэр, а за ним и другие исследователи полагают, что земли иирков должны были находиться в переходной полосе между лесом и степью, т. е. в лесостепи, поскольку подобный метод охоты в густом лесу попросту невозможен.[371]

К востоку от иирков Геродот располагает племя скифов, отложившихся от скифов царских и переселившихся из причерноморских степей на восток (IV, 22, 2). Из-за неопределенности указаний Геродота относительно территории отложившихся скифов ее локализуют по обеим

---

[365] Один только Ф. Браун (Опыт соглашения противуположных мнений..., с. 90) размещал иирков между нижним течением р. Донца и Доном.

[366] Смирнов А. П. Скифы, с. 102.

[367] Baer K. Historische Fragen..., S. 108; Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях, с. 108; Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений, с. 87.

[368] Руденко С. И. 1) Алтай и его древние обитатели. — В кн.: Докл. на ежегодн. чтениях памяти Л. С. Берга, IV—VII, 1956—1959. М.; Л., 1960, с. 65; 2) Башкиры. М.; Л., 1955, с. 328; Смирнов А. П. 1) Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья, с. 62; 2) Скифы, с. 102; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 270. К. Ф. Смирнов связывает с иирками только северо-восточную часть памятников ананьинской культуры.

[369] Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, № 30, с. 19.

[370] «Иирк охотится следующим способом: охотник влезает на дерево и тем самым устраивает засаду (а деревьями изобилует вся страна их); у каждого охотника имеются наготове лошадь и собака... завидевши с дерева дичь, охотник стреляет из лука, потом садится на лошадь и пускается в погоню за добычей, собака следует за ним» (IV, 22, 2).

[371] Baer K. Historische Fragen..., S. 104.

сторонам Уральских гор или далее на восток. Ф. Г. Мищенко помещает их в Оренбуржье.[372] Другие исследователи видят в этих скифах ту часть скифов царских, которые остались в восточных областях после того, как исседоны потеснили скифов, ушедших в северопричерноморские степи.[373] Б. А. Рыбаков связывает с отделившимися скифами культуру воронежских курганов, считая, что воронежский район скифской культуры полностью соответствует свидетельствам Геродота о местонахождении области скифов, отложившихся от скифов царских (IV, 22, 3; 23, 1).[374] Подтверждение своему предположению Б. А. Рыбаков видит в бытовании генеалогической легенды, характерной для скифов царских Нижнего Днепра, среди населения Среднего Подонья. Он считает, что расшифровка изображений на серебряном воронежском сосуде, толкуемая Д. А. Раевским как иллюстрация к центральной части скифской легенды о состязании трех братьев в натягивании отцовского лука,[375] представляет собой серьезный аргумент для утверждения тождества отложившихся скифов со скифским населением Среднего Дона.[376] Однако нельзя не отметить, что толкование этих изображений, предложенное Д. А. Раевским, не является бесспорным и весьма уязвимо для критики, а потому не может служить достаточно серьезным аргументом в пользу гипотезы Б. А. Рыбакова.

Далее, за каменистой неровной страной у подножия высоких гор, согласно Геродоту, обитает племя аргиппеев (IV, 23, 2—4), которых исследователи локализовали большей частью в южных районах Уральского хребта или у его западного края.[377] Были сторонники размеще-

---

[372] Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель.

[373] Neumann K. Die Hellenen in Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelgeschichte, 1, Berlin, 1855, S. 128. Такого же мнения придерживались Ф. Миллер (Осетинские этюды, III. М., 1887, с. 122) и Б. Н. Граков (Grakov B. Monuments de la culture skythique entre la Volga et les Monts Oural. — ESA. Helsinki, III, 1928).

[374] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 118 сл.

[375] Раевский Д. А. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. — СА, 1970, № 3, с. 91 сл.; Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 31 сл.

[376] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 122.

[377] Браун Ф. А. Опыт соглашения противуположных мнений..., с. 87; Жебелев С. А. Указ. соч., с. 346; Руденко С. И. Башкиры, с. 331; Пьянков И. В. Рец. на кн.: Bolton J. D. P.

ния аргиппеев между Уралом и Алтаем и даже непосредственно на Алтае.[378] Некоторые археологи считают, что аргиппеев следует связывать с носителями тасмолинской культуры, и локализуют их в Приуралье и северо-западной части Казахстана.[379] Существует предположение, что аргиппеи — скифское название, данное чужому народу, который у скифов считался связанным с культом их богини Аргимпасы.[380]

Племя исседонов (IV, 25, 2) жило к востоку от области, населенной аргиппеями. С. А. Жебелев полагает, что места обитания их находились в Зауралье, на территории Западной Сибири.[381] Большая часть исследователей отводила исседонам земли к востоку от Уральского хребта, чаще всего по р. Исеть (притока р. Тобола), в названии которой усматривалась связь с наименованием племени.[382] С. П. Толстов размещал исседонов на территории между Аральским морем и оз. Балхаш.[383] С. И. Руденко считал, что исседонов следует искать южнее озера Иссык-Куль, а также на правобережье р. Или.[384] Однако ни С. П. Толстов, ни С. И. Руденко не подкрепляли свою локализацию исседонов никакой аргументацией. Л. А. Ельницкий и вовсе отрицал существование племени исседонов, считая их легендарным народом, таким же, как фантасти-

---

Aristeas of Proconnesus (Oxford, 1962). — ВДИ, 1967, № 4, с. 176; Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1957, с. 116.

[378] Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях, с. 116 сл.; Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений, с. 87; ср.: Minns E. Skythian and Greeks, p. 108 sq.

[379] Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 406.

[380] Ельницкий Л. А. 1) Из истории древнескифских культов. — СА, 1960, № 4, с. 49; 2) Знания древних о северных странах, с. 97.

[381] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 346.

[382] См.: Bayer Th. De Scythiae situ..., p. 423); Эйхвальд Э. О древнейших обиталищах всех племен Славенских, Финских, Турецких и Монгольских в Южной России по Геродоту. — Библ. для чтения, 1838, т. XXVII, с. 92; Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель.

[383] Толстов С. П. По следам древнехорезмской цивилизации. М.; Л., 1948, с. 102 (карта).

[384] Руденко С. И. 1) Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952, с. 19 (карта); 2) Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., 1960, с. 175 (карта).

ческие аримаспы, грифоны и гиперборси Геродота.[385] Однако многие исследователи связывают с исседонами археологические памятники па территории Зауралья и Казахстана. Большое количество поселений, связываемых с исседонами, находится в бассейне рек Исеть и Миасс.[386] Жители этих поселений занимались скотоводством, мелким и крупным, главным образом коневодством. Могильники интересны своим инвентарем, свидетельствующим о переходе скотоводческого населения к оседлому образу жизни.[387] В погребениях было обнаружено большое количество инструментов мастеров по металлу — кузнецов и литейщиков. В исседонах ученые усматривают носителей поздней западной ветви андроновской культуры, памятники которой представлены также в Центральном Казахстане в виде тасмолинской культуры.[388] Характерные погребения в каменных курганах «с усами» казахские ученые связывают с исседонами.[389] Однако А. Н. Бернштам видел исседонов в усунях, обитавших в Семиречье и на Тянь-Шане (в его центральной части[390]), и связывал с ними погребения в грунтовых ямах Джергетальского, Джаркимбаевского, Аламышикского и ряда других могильников. Против отождествления исседонов с усунями выступали И. И. Умняков,[391] М. П. Зуев,[392] А. Х. Маргулан,[393] считавшие построения А. Н. Бернштама недостаточно обоснованными.

Выше исседонов, как сообщает Геродот со слов исседонов, которые передают скифы, а от скифов знают и эллины (IV, 27), обитают аримаспы и стерегущие золото грифы, в реальное существование которых не верил

---

[385] Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, с. 38 сл., 41, 61.

[386] Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала, с. 116; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 275.

[387] Там же, с. 273 сл.

[388] Маргулан А. Х. и др. Указ. соч., с. 402, 406 сл.

[389] Там же, с. 447 сл., 430 сл.

[390] Бернштам А. Н. 1) Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА, 1949, т. XI, с. 319; 2) Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26, с. 135.

[391] Умняков И. И. Тохарская проблема. — ВДИ, 1940, № 34, 186.

[392] Зуев М. П. К этнической истории усуней. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1969, т. 8, с. 29.

[393] Маргулан А. Х. и др. Указ. соч., с. 407 сл.

и сам Геродот (IV, 116). Ряд современных исследователей, следуя Геродоту, высказывал сомнение в реальности аримаспов, видя в легенде об аримаспах и стерегущих золото грифах один из вариантов фольклорного сюжета, широко распространенного в Центральной Азии и Индии.[394] Тем не менее некоторые ученые полагали, что аримаспы являлись реальным народом, занимавшим территорию в пределах от Уральских гор до Алтая, в мифологии которого играли большую роль одноглазые демоны. По-видимому, это племя было связано с разработкой золотых и серебряных руд. Исходя из этих соображений, археологи связывают с аримаспами археологические памятники Восточного Казахстана, считая, что они входят в ареал тасмолинской культуры, в основе которой лежит культура андроновских племен. С. Н. Черников видел центр добычи золота в эпоху раннего железа в восточной части Северного Казахстана и полагал, что племя аримаспов, непосредственно связанное с богатой золотом местностью, можно с большой долей вероятности отождествить с обитателями этой области.[395] Эту точку зрения поддерживают и казахские археологи.[396]

Нескифское племя савроматов (говоривших, однако, на искаженном скифском языке) [397] Геродот (IV, 117) помещал в местности за р. Танаисом (которая была границей их с территорией скифов царских), к северу от угла Меотийского озера на пятнадцать дней пути (IV, 21). Вопрос о локализации савроматов в степях Задонья, Поволжья и Приуралья не вызывает среди исследователей серьезных разногласий.[398] Это столь редкое для скифологии явление нельзя не отметить. По-видимому, в этом случае сыграли решающую роль такие факторы, как достаточно точные указания Геродота и общепринятая

---

[394] Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, с. 37 сл.

[395] Черников С. Н. Поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане. — КСИИМК. 1954, вып. III, с. 49 сл.

[396] Маргулан А. Х. и др. Указ. соч., с. 408.

[397] С. А. Жебелев (указ. соч., с. 344) вслед за Кречмером (RE, I, A, col. 2543) усматривал в языке савроматов просто один из диалектов скифского языка.

[398] Один лишь Ф. К. Брун, исходя из отождествления им. р. Танаис с р. Молочной, размещал савроматов на территории между р. Молочной и Кальмиусом и до р. Днепра (см.: Опыт соглашения противуположных мнений..., с. 78).

идентификация р. Танаиса с Доном. В уже упоминавшейся научно-популярной работе о скифах Б. Н. Граков, рассматривая культуру савроматов, подчеркивал ее близость скифской культуре. Он показал, оперируя широким археологическим материалом, что эта близость основывается не только на этнической общности, но и на постоянных торговых взаимосвязях межплеменных союзов скифов и савроматов.[399] На основании данных археологии Б. Н. Гракову удалось проследить и конкретный торговый путь, ведший через Скифию в земли савроматов и далее к исседонам, который описывается у Геродота (V, 17—27), но с недостаточной ясностью. Находки несомненно импортных предметов скифо-ольвийского производства (в особенности зеркал) позволили Б. Н. Гракову уточнить итинерарий Геродота от Ольвии до области аргиппеев.[400] По существу эта работа явилась первым исследованием в скифологии по вопросу торговых взаимоотношений савроматов с другими племенами. В другой работе, вышедшей одновременно, посвященной исследованию пережитков матриархата у савроматов,[401] Б. Н. Граков изложил свои взгляды на территорию обитания и археологические памятники савроматов, согласовав их с античной традицией. Он предложил хронологическую схему этих памятников с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Анализируя погребальный ритуал савроматов, Б. Н. Граков доказал реальность длительного сохранения пережитков матриархата у савроматских племен, засвидетельствованного античной традицией. До появления работ К. Ф. Смирнова в советской скифологии лишь в исследованиях Б. Н. Гракова освещались вопросы, связанные с изучением общественно-социальной структуры савроматов и их торгово-экономических связей.

Обобщающий труд, в котором был собран, исследован и осмыслен весь материал по савроматам, находящийся в распоряжении современной скифологии, был выпущен К. Ф. Смирновым в 1969 г.[402] Все его основные положе-

---

[399] Граков Б. Н. Скіфи, с. 17 сл.

[400] Граков Б. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям і Приуралльм в архаічну та класичну епохи? — Археологія, Київ, 1947, т. VI, с. 23 сл.

[401] Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ — ВДИ, 1947, № 3, с. 100 сл.

[402] Смирнов К. Ф. Савроматы.

ния и выводы остаются в силе до настоящего времени. К. Ф. Смирнову удалось очертить достаточно четкую границу территории, занятой савроматскими элементами, опираясь на данные археологических памятников.[403] На западе она ограничена Нижним Доном, на юго-западе — р. Маныч и междуречьем Кумы и Терека. К северу, вверх по течению Дона, памятники, связанные с савроматами, прослеживаются до р. Битюг, на правобережье Волги идут сплошной массой до г. Саратова, на северо-востоке доходят до г. Челябинска и спускаются в область Южного Приуралья. Что касается восточных и юго-восточных границ распространения археологических памятников, принадлежащих савроматам, то пока что исследователь твердо их не устанавливает. Он отмечает несомненную генетическую связь савроматской культуры с предшествующими ей культурами эпохи бронзы — андроновской и срубно-хвалынской.[404]

Особую роль К. Ф. Смирнов отводил савроматам как связующему звену между двумя родственными, но самостоятельными мирами древности — скифским и сако-массагетским.[405] Существование связующих элементов в культуре савроматов с сако-массагетской культурой на востоке и с культурой скифских, меотских и северокавказских племен породили различные гипотезы о происхождении савроматов. Одни считали, что савроматы произошли в результате смешанных браков скифских и меотских племен.[406] Некоторые выводили культуру савроматов из Закавказья.[407] Несостоятельность этой точки зрения была доказана не только по линии лингвистики,[408]

[403] Там же, с. 191 сл.

[404] Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала, с. 18; Смирнов А. П. Скифы, с. 87; Смирнов К. Ф. Савроматы.

[405] Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 4.

[406] Мищенко Ф. Г. К вопросу об этнографии Скифии, с. 477; Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России, с. 33 сл.; Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях, с. 92; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 14; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 193.

[407] Джавахишвили И. А. Основные историко-археологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. — ВДИ, 1939, № 4, с. 30 сл.; Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. — СЭ, 1947, VI—VII, с. 130 сл.

[408] Абаев В. И. Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор, т. 1, М.; Л., 1949, с. 241.

но и в отношении археологических данных. К. Ф. Смирнов указал на несоответствие погребального обряда в памятниках Прикубанья в эпоху железа тому способу погребения, который был распространен в степях Запорожья и северной части Каспийского побережья, связанных с территорией савроматов Геродота.[409] Для савроматских племен чрезвычайно характерен обряд погребения, однотипный по устройству погребальных сооружений и обычаю захоронения. Эти погребения в деревянных срубах, перекрытых накатом из дерева, камыша или коры, обычно сопровождаются полным или частичным сожжением надмогильного сооружения или же обычаем засыпать могилу углями и пеплом погребального кострища.[410] В этом обряде был отчетливо отражен существовавший у савроматов культ огня. Для этого культа характерен также обычай посыпать погребенного и положенные с ним в могилу вещи мелом, класть умершего на меловую подсыпку, засыпать его кусками охры, мела или реальгара.[411] Такое разнообразие в использовании огня в погребальном обряде, как отмечено исследователями, характерно также и для погребений племен ананьинской культуры.[412] Основную часть инвентаря в мужских погребениях занимало оружие. Это были лук, стрелы в колчанах, мечи, копья, кинжалы.[413] Кроме того, возле погребенных были обнаружены орудия труда, такие предметы, как ножи, шилья, проколки. Захоронение воина обычно сопровождалось принадлежностями из набора для конской сбруи — удил с псалиями, бляшек, амулетов, подпружных пряжек. Это являлось символом погребения коня.[414]

Следует отметить, что у савроматов женские погребения также сопровождались оружием и уздечным набором (а иногда даже конскими захоронениями). Особый интерес представляют погребения жриц со специфическим

---

[409] Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 20.
[410] Смирнов А. П. Скифы, с. 87; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 94 сл.
[411] Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 94 сл.
[412] Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, с. 111 сл.
[413] Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101, с. 31 сл.
[414] Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 404.

набором сопровождающих их вещей. Обычны переносные каменные или глиняные алтарики — жертвенники, наборы красок и средств для притираний, значительное количество золотых украшений — колец, браслетов, серег, подвесок, бус.[415] Посуда широко представлена лощеной и лепной керамикой, деревянными плошками, бронзовыми и серебряными сосудами. В могилах часто находят сопроводительную заупокойную пищу (в большинстве случаев встречаются разрубленные на части и обезглавленные туши лошадей и овец).[416] Для савроматского погребального обряда характерен также обычай класть в могилу бронзовые зеркала (специально сломанные или деформированные) для сопровождения умершего. По поводу происхождения этих зеркал среди археологов возникли разногласия, поскольку некоторые из них были склонны обнаруженные в савроматских погребениях зеркала связывать по происхождению с греческими или греко-скифскими зеркалами из северопричерноморских городов или курганов Скифии.[417] К. Ф. Смирнов, уделяя в своем труде вопросу о савроматских зеркалах особый раздел,[418] дает их классификацию и специально указывает, что нет ни малейших оснований рассматривать их как результат заимствования у греков. Зеркала савроматского типа были обнаружены в кладах начала I тыс. до н. э. на территории Киргизии, где ни о каком греческом влиянии не приходится думать.

Весь собранный с максимальной полнотой археологический материал, относящийся к савроматам, был проанализирован К. Ф. Смирновым как исторический источник на фоне свидетельств античных авторов и главным образом Геродота. К. Ф. Смирнов, уделив большое внимание вопросам источниковедения и историографии, связанным с савроматами, кроме классификации и анализа археологических памятников, дал широкое исследование истории и культуры ранних сарматов (савроматов), исключив лишь подробную характеристику их вооружения и ограничившись кратким описанием хозяйственного об-

---

[415] Там же, с. 202.

[416] Там же, с. 108 сл., 127 сл.

[417] Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, S. 91; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, с. 434.

[418] Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 152 сл.

раза жизни,[419] характеризуя его как кочевой и полукочевой.[420]

В заключительной части труда К. Ф. Смирнова рассматривается чрезвычайно важный вопрос о складывании новых союзов племен савроматского мира, обусловивших их продвижение на юго-запад из областей Приуралья и Поволжья в IV—III вв. до н. э. Савроматы Геродота — западная часть савроматских племен — были тесно связаны со скифами и постепенно продвигались в степи к западу от р. Танаиса, одновременно подготавливая процесс заселения предкавказских равнин сарматами,[421] ставшими известными уже в III в. до н. э. Теофрасту,[422] впервые употребившему термин «Сарматия». В связи с этим термином нельзя не вспомнить, что именно савроматам — сарматам отводилась многими исследователями значительная, а иногда и решающая роль в изысканиях о происхождении славян. Еще М. В. Ломоносов высказал уверенность в том, что именно от сарматов произошли славяне. Само слово «Русь» он по созвучию выводил из названия одного из сарматских племен — роксоланов.[423] И. Е. Забелин вслед за М. В. Ломоносовым также видел в сарматах автохтонов и их самих считал славянами, давшими название стране, в которой они обитали.[424] Того же мнения придерживался и Д. И. Иловайский, связывавший славян с сарматским племенем роксоланов — россоланов.[425] Эту же точку зрения в современной науке высказывал С. П. Толстов с оговоркой, что роксоланы — не славяне, но одни из предков славян, один из компонентов их предшественников.[426]

На юге соседями скифов Геродот называет тавров (IV, 103, 1). Он размещал их в гористой, выступающей

[419] Эти вопросы освещены в отдельных работах К. Ф. Смирнова (Вооружение савроматов; Производство и характер хозяйства ранних сарматов. — СА, 1964, № 3).

[420] Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 209.

[421] Там же.

[422] Theofr., fr. 172.

[423] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VI, с. 29; подробнее о вопросах, связанных с происхождением славян от скифо-сарматских племен, см. с. 17 настоящей работы.

[424] Забелин И. Е. Указ соч., т. 1, с. 237.

[425] Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. СПб., 1882, с. 74.

[426] Толстов С. П. Из предыстории Руси. — СЭ, 1947, т. VI—VII, с. 42 сл.

в Понт стране (Геродоту было неизвестно полуостровное положение Крыма). Нельзя не отметить, что в локализации тавров благодаря четкому указанию Геродота среди исследователей почти нет разногласий. Им отводятся горные и предгорные районы юго-восточного Крыма и область Херсонеса Таврического, а также и часть степи (от Евпатории до Феодосии).[427] Правда, Б. Н. Граков, опираясь на материалы, полученные при раскопках древнего Нимфея, проведенных В. М. Скудновой,[428] был склонен продвигать границу таврских селищ восточнее Феодосии (до Нимфея включительно, где был открыт ранний кизил-кобинский слой таврского времени), будучи сторонником гипотезы, что носителями кизил-кобинской культуры являются тавры. Археологические исследования ранних слоев Херсонеса и Керкинитиды показали, что эти города возникли на месте таврских поселений.[429] При раскопках Херсонеса еще в начале века К. К. Косцюшко-Валюжиничем были обнаружены два интереснейших памятника, которые исследователи считают изображением внешнего облика тавра.[430] Первый — обломок известняковой плиты с примитивно прочерченной на ней фигуркой воина с копьем и круглым щитом в руке, второй — фрагмент ручки лощеного сосуда, украшенного рельефным изображением человеческого лица. Однако среди советских археологов существует мнение, что кизил-кобинская культура с таврами не связана.[431] Хотя

---

[427] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров, с. 235 сл.; Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, с. 3 сл.

[428] Скуднова В. М. Скифские памятники из Нимфея. — СА, 1954, т. XXI, с. 314 сл.

[429] Белов Г. Д., Стрежелецкий С. Ф. Квартал XV и XVI. — МИА, 1953, № 34, с. 47; Белов Г. Д., Стрежелецкий С. Ф. и Якобсон А. Л. Квартал XVIII. Там же, с. 164 сл.; Стрежелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса. — Херсонесский сборник. Симферополь, 1948, с. 85; Наливкина М. А. 1) Раскопки в Евпатории. — КСИИМК, 1965, вып. 58, с. 65 сл.; 2) Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. — В кн.: История и археол. древнего Крыма. Киев, 1957, с. 267.

[430] Пятышева Н. В. Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья. — ВДИ, 1946, № 3, 177, рис. 1, 2.

[431] Крис Х. И. О таврах и кизил-кобинской культуре, 156. Автор отличает таврскую культуру от кизил-кобинской и связывает последнюю с культурой племен крымского предгорья, в то время как таврскую считает характерной лишь для племен горного Крыма.

Геродот и другие античные авторы считали тавров диким горным племенем скотоводов и пиратов, археологические памятники свидетельствуют об оседлом в основном характере жизни таврских племен. Об этом говорят как значительный культурный слой на месте таврских поселений, так и характер жилищ с очагами и очажными ямами, хозяйственные ямы, находки мотыг для обработки земли, серпов, зернотерок, костей и домашних животных. Охотничий и рыболовный промыслы имели подсобное значение в хозяйственной жизни тавров.[432] Впрочем, другие исследователи усматривали в охоте и морском промысле основные занятия тавров.[433] Для таврских поселений было зафиксировано наличие домашних ремесел — гончарного дела, обработки металла, дерева, камня, кости, следы ткачества.[434] Для погребального обряда тавров характерны захоронения в каменных ящиках под неглубокой земляной насыпью, причем захоронения бывают повторные и коллективные (до 30—45 костяков в одном ящике) в одном могильном сооружении.[435] Они сопровождаются весьма скудным погребальным инвентарем — небольшие лощеные кубки, бронзовые украшения, части конского убора и небольшое количество оружия скифского образца.[436] Однако начиная с конца V в. до н. э. в сопроводительном инвентаре отмечается более широкое использование предметов вооружения (акинаки, ножи и железные удила) и конского снаряжения скифского типа, что свидетельствует о развитии связей с соседними скифскими племенами.[437]

В отношении происхождения тавров исследователи далеко не так единодушны, как в вопросе их локализации. Так, многие исследователи видели в таврах удержав-

[432] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров, с. 264.

[433] Дьяков В. Н. Древняя Таврика до римской оккупации. — ВДИ, 1939, № 3, с. 78.

[434] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров, с. 244 сл.; Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э., с. 71.

[435] Граков Б. Н. Скифы, с. 77.

[436] Шульц П. Н., Столяр А. Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. — КСИИМК, 1958, вып. 71, с. 67 сл.

[437] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров, с. 249 сл.; ср.: Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э., с. 50 сл. (общая сводка материала по таврским могильникам).

шуюся в горном Крыму часть киммерийцев, вытесненных из степей Северного Причерноморья скифами, согласно Геродоту (IV, 11, 12). Этого взгляда придерживался С. А. Жебелев и разделявшие его точку зрения ученые.[438] По мнению П. Н. Шульца, специально занимавшегося археологическими памятниками тавров, ни письменные источники, ни археологические и антропологические материалы не дают прямого подтверждения этнической связи тавров и киммерийцев.[439] С этой точкой зрения согласились А. М. Лесков и М. И. Артамонов,[440] а также Х. И. Крис,[441] не видевшая оснований связывать археологические культуры племен горного Крыма с киммерийцами. Однако И. М. Дьяконов не исключал возможности того, что в горных областях Крыма могли в течение какого-то периода совместно обитать племена тавров и остатки киммерийцев, которых греки в период колонизации ими крымских областей уже не застали.[442] Многие ученые видели в таврах аборигенов Таврического полуострова.[443] Более осторожное предположение высказал П. Н. Шульц, считавший, что таврские племена, скорее всего, сформировались в результате смешения разных этнических групп — как пришлых, так и местных.[444]

Всю территорию между Таврикой и восточным берегом р. Истр Геродот называет ἀρχαίη Σκυθίη (IV, 99, 2). Толкование прилагательного ἀρχαίη различными иссле-

---

[438] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 256; Дьяконов И. М. Древняя Таврика до римской оккупации, с. 78; Болов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 27; Смирнов А. П. Скифы, с. 38.

[439] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров, с. 260.

[440] Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э., с. 162 сл.; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 20.

[441] Крис Х. И. О таврах и кизил-кобинской культуре, с. 156 сл.

[442] Дьяконов И. М. История Мидии, с. 232.

[443] Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Т. I. Л., 1925, с. 232; Стрежелецкий С. Ф. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1954, с. 10 сл.; Формозов А. А. Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. — КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 69 сл.; Щепинский А. А. Новые памятники кизил-кобинской культуры в Крыму. — КСИИМК, вып. 67, 1957, с. 93.

[444] Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров, с. 261 сл.

дователями было неоднозначным, равно как и локализация ἀρχαίη Σκυθίη.[445]

С. А. Жебелев полагал, что ἀρχαίη — древняя, т. е. «исконная», Скифия была так названа потому, что прибрежная часть от Истра до Каркинитского залива была известна Геродоту и ионийским логографам много лучше, чем Скифия степная.[446] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова высказали предположение, что термином ἀρχαίη Σκυθίη определялась территория племен, зависимых от скифов царских.[447] По мнению части исследователей, ἀρχαίη Σκυθίη следует искать в северо-западной части Причерноморья.[448] Некоторые ученые, следуя в принципе за С. А. Жебелевым, расходились лишь в протяженности территории древней Скифии. Так, В. Ф. Гайдукевич придерживался указаний, данных Геродотом, — от Истра до Каркинитиды,[449] а Б. Н. Граков считал, что под ἀρχαίη Σκυθίη можно понимать всю территорию от Истра до Меотиды.[450] Совершенно иначе решал вопрос об ἀρχαίη Σκυθίη Л. А. Ельницкий, усматривавший в этом названии Геродота значительный анахронизм, который мог быть оправдан лишь в том случае, если территория ἀρχαίη Σκυθίη (Л. А. Ельницкий считал, что она локализуется в областях Подолии и Венгрии) была занята кочевыми племенами еще в киммерийскую эпоху.[451]

Непосредственным соседом скифов на западе являлось племя агафирсов (IV, 100, 2). Геродот отводил им область, через которую течет р. Марий (IV, 48, 4). Именно это указание Геродота дало возможность иссле-

---

[445] Свод древнейших иноязычных источников по истории народов СССР. Вып. «Геродот» (далее: Вып. «Геродот»), комм. к IV, 92, 2.

[446] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 343. Ср.: Bayer Th. De origine..., p. 393.

[447] Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время, с. 46.

[448] Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии. — Докл. VI науч. конфер. Инст. археол. АН УССР. Киев, 1953, с. 189; Виноградов В. Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). — Тр. ЧНИИ, 1964, IX, с. 30.

[449] Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понто Евксинском. — КСИА, 1969, 116, с. 16 сл.

[450] Граков Б. Н. Скифы, с. 21.

[451] Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей, с. 36.

дователям[452] без особых разногласий поместить места обитания агафирсов в Трансильвании (область Семиградья).[453] Правомерность подобной локализации подтверждается еще и тем, что этот район и в древности был известен богатейшими рудниками золотоносных Семиградских гор и в результате археологических исследований в его памятниках обнаружено большое количество изделий из золота.[454] Агафирсы же, согласно Геродоту (IV, 104), носили многочисленные золотые украшения.

Большая часть современных археологов отводит агафирсам территорию Трансильвании и часть Валахии, т. е. область между Дунаем и Днестром.[455] Однако в своей последней работе «Киммерийцы и скифы» М. И. Артамонов счел возможным распространить область обитания агафирсов на северо-восточную часть Румынии, Молдавию и лесостепную область Прикарпатья.[456] Из советских археологов наиболее четкие границы территории, занятой памятниками, связываемыми с агафирсами, предложила А. И. Мелюкова.[457] По ее данным, западная и юго-западная границы проходят по припрутской части Румынии, северная и северо-восточная — в районе г. Могилева Подольского и южной Подолии. Восточная же граница не может быть точно определена из-за недостаточной археологической изученности левобережного Поднестровья. Согласно мнению археологов, памятники, относимые к агафирсам па территории Молдавии, представлены городищами, селищами и могильниками, датируемыми VII—III вв. до н. э. В поселениях были от-

---

[452] Bayer Th. De Scythiae situ..., p. 415; Мищенко Ф. Г. Геродот. Указатель; Брун Ф. К. Опыт соглашения противуположных мнений..., с. 32; Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 158; Манцевич А. П. Золотой венец из кургана на р. Калитве (к вопросу об агафирсах). — Изв. на Археол. ин-т Болг. Акад. па науките, София, 1959, XXII, с. 67 сл.

[453] Река Марий идентифицируется с современной р. Муреш (или Марош), впадающей в р. Тиссу, приток Дуная.

[454] Манцевич А. П. Указ. соч., с. 66 (со ссылкой па работу: Patsch C. Die Völkerschaft der Agathyrsen. — Anzeig. der Wien. Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Klasse, 1925, S. 177).

[455] Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 158; Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья, с. 102; Смирнов А. П. Скифы, с. 52.

[456] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 128, 131.

[457] Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья, с. 100 сл.

крыты остатки наземных жилищ с глинобитными стенами, очагами и хозяйственными ямами.[458] Для этой культуры характерно сочетание грубой лепной керамики с тонкой лощеной и орнаментированной посудой, также местного изготовления. При раскопках были найдены костяные и глиняные штампы для нанесения геометрического орнамента и изготовленные из кости лощила. Обнаружены также статуэтки людей и животных.[459] Об оседлости населения и земледельческо-скотоводческом характере хозяйства свидетельствуют находки серпов с кремневыми вкладышами, зернотерок, сосудов с отпечатками зерен хлебных злаков, костей домашних животных. Могильники представлены каменными или земляными насыпями над неглубокими грунтовыми погребениями. Погребальный инвентарь, однако, небогат, весьма однообразен по содержанию. Он представлен набором сосудов, украшений, костяных и роговых псалий, наконечников стрел (наибольшая часть из них — скифского типа). Исследователи отмечают, что для лесостепной Молдавии раннескифского времени характерно отсутствие предметов скифского вооружения.[460] Большая часть исследователей считает агафирсов фракийским племенем, следуя за Геродотом, указавшим на то, что нравы агафирсов схожи с фракийскими (IV, 104). Это как будто получило подтверждение в данных антропологов, исследовавших черепа скифского времени, происходящие из могильников Поднестровья. Ими было установлено смешанное скифо-фракийское происхождение населения этого района.[461]

Рассматривая историю изучения расселения племен на территории Скифии в хронологической последовательности, нельзя не остановиться на книге Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия», не раз упоминавшейся на страницах настоящей работы, поскольку суждения ее автора, касающиеся локализации того или иного племени, уже

[458] Смирнов Г. Д. Скифское городище и селище Большая Сахарна. — КСИИМК, 1959, вып. XXVI, с. 93 сл.

[459] Мельниковская О. А. Археологические разведки у с. Цахнауцы. — КСИИМК, 1954, вып. 56, с. 69 сл.

[460] Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. — СА, 1972, № 1, с. 71 сл.

[461] Великанова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975, с. 52 сл.

привлекались при изложении тех гипотез, которые в настоящее время имеют место в советской скифологии.

Б. Л. Рыбаков поставил перед собой совершенно определенную задачу — сопоставить свидетельства Геродота с археологической картой Скифии и произвести анализ Скифского логоса по исторической и этногеографической линии. Подобные попытки предпринимались в отечественной науке и ранее с бóльшим или меньшим успехом. Наиболее цельной по постановке проблемы была рассмотренная выше работа М. И. Артамонова, посвященная специально этногеографии Скифии, которую Б. А. Рыбаков подверг критике, указав, что М. И. Артамонов, как и прочие скифологи, прекрасно владея археологическим материалом, не предпринял полного «нового пересмотра геродотовского текста, выявления противоречий в этом тексте и объяснения этих противоречий».[462] Упрекая скифологов, составлявших карты расселения племен, в отсутствии единого принципа, в результате чего выявляются серьезные расхождения в локализации одних и тех же племен, Б. А. Рыбаков совершенно справедливо полагает, что назрела необходимость создавать заново карту геродотовой Скифии.[463] Критически рассмотрев основные существующие в современной скифологии карты и схемы, Б. А. Рыбаков предложил свою, в основу которой положил схему археологических культур, составленную А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской для территории геродотовой Скифии.[464] Но и в его схеме часть племен либо не связана с какой-либо археологической культурой, либо перекрывает несколько археологических культур (т. е. практически автором повторяются те упущения, за которые он неоднократно на страницах своей книги упрекал своих предшественников). Как известно каждому, кто когда-либо занимался «Историей» Геродота, уже со времен появления его труда возникло и критическое отношение к рассказам «отца истории», а с легкой руки Плутарха, написавшего специальное сочинение «О злокозненности Геродота», не прекращается спор о том, заслуживают ли вообще доверия сообщения Геродота, и если заслуживают, то

---

[462] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 15.
[463] Там же, с. 16.
[464] Там же, с. 191.

в какой степени. Б. А. Рыбаков безоговорочно придерживается позиции, противоположной гиперкритицизму Плутарха и его последователей. Однако увлеченный заслуживающим всяческого сочувствия намерением реабилитировать свидетельства Геродота с точки зрения их исторической достоверности, Б. А. Рыбаков порой не избегает другой опасности — избыточного доверия к источнику. Между тем сформулированное им же самим требование — «прежде чем упрекнуть Геродота, постарайся понять его»[465] — предусматривает введение в исследование необходимого элемента рациональной и исторической критики. Эта увлеченность идеей полной реабилитации Геродота весьма заметно сказалась при решении вопроса о скифском четырехугольнике Геродота. Интерпретация этой проблемы, как представляется, уязвима для критики прежде всего потому, что рационалистическое, в очень значительной степени умозрительное и теоретическое построение Геродота в полемическом воодушевлении принимается автором за плод собственных эмпирических разысканий «отца истории». Между тем здесь следовало бы делать серьезную поправку и на саму систему географических представлений Геродота и его предшественников, систему географического мышления времени создания «Истории», на все то, что и послужило базой для создания упомянутого геометрического построения. Как известно, вопрос о скифском четырехугольнике породил огромную полемическую литературу, в которой одни исследователи вообще не принимали во внимание указание Геродота на то, что Скифия по форме представляет четырехугольник, другие же, сторонники четырехугольной формы территории геродотовой Скифии, предлагали различные толкования по поводу ее расположения на современной карте Северного Причерноморья. Достаточно обстоятельная сводка этих взглядов приведена в статье И. А. Шишовой[466] и в комментарии к IV, 101, 1 в выпуске «Геродот».[467] Б. Н. Граков в посмертно вышедшей работе «Скифы» еще раз подчеркнул, что «указанное Геродотом строго геометрическое построение

[465] Там же, с. 10.

[466] Шишова И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1981, с. 204.

[467] Вып. «Геродот».

страны и равенство всех ее границ не позволяет серьезно оперировать с таким представлением».[468] Ярым сторонником реальности скифского квадрата являлась в советской скифологии И. В. Фабрициус, считавшая, что, с некоторыми уточнениями, он укладывается в рамки площади, занимаемой современной Украинской ССР.[469] Б. А. Рыбаков, принимая скифский тетрагон Геродота за реальную конфигурацию территории Скифии, расширяет и уточняет на основании перевода дней пути в современные километры длину сторон скифского четырехугольника. Если обратиться к Геродоту, то дни пути он определяет в стадиях. Что же касается стадия, то не представляется возможным определить, каким именно стадием пользовался Геродот при своих расчетах продолжительности «дня пути» для территории Скифии. Установлено, что при описании различных стран он пользовался для указания расстояния различными стадиями.[470] Более того, О. Видебант отмечал, что, описывая дорогу от Эфеса до Суз, Геродот сначала дает расстояние от Эфеса до Сард в ионийских стадиях (на основании данных Гекатея), а от Сард до Суз — в стадиях, соответствовавших персидской мере длины.[471] Из всего сказанного выше безусловно следует, что такие меры протяженности, как «день пути» или «день плавания», носят достаточно условный характер и производить на их основании более или менее точные вычисления расстояний и размеров реальной географической территории не представляется возможным. Скептицизм в отношении числовых данных Геродота тем более оправдан, что исследователями текста Геродота установлена одна характерная для «отца истории» черта — условность приводимых им цифр и чисел (особенно это касается излюбленной им цифры 40, когда он, по-видимому, хочет указать просто большое число).[472] Однако даже высказанные выше сооб-

---

[468] Граков Б. Н. Скифы, с. 15; см. также: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях..., с. 63.

[469] Фабриціус І. В. Указ. соч., с. 51 сл.

[470] Шишова И. А. Указ. соч., с. 25.

[471] Viedebannt O. Eratosthenes, Hypparchos, Posidonios. — Klio, 1920, 14, H. 2, S. 255 folg.

[472] Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seine Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 47, 84, 149, 240; см. также: Шишова И. А. Указ. соч., с. 25, примеч. 48.

ражения о возможности вычисления сторон скифского четырехугольника в силу неясности, о каком стадии может идти речь, не являются решающими. Всего важнее учет того обстоятельства, что сама форма четырехугольника имела, скорее всего, чисто условный характер. По наблюдениям Дж. Л. Майреса, для картографических приемов Геродота при описании географических площадей характерной чертой было изображение их в виде прямоугольных фигур, по-видимому, для большей наглядности.[473] Л. А. Ельницкий также отмечает, что квадрат, положенный в основу представления о территории, занимаемой Скифией, достаточно условен и восходит к Гекатею Милетскому, у которого наблюдается тенденция к условной геометризации земель ойкумены.[474] Справедливым представляется мнение И. А. Шишовой, полагающей, что то большое значение, которое Геродот придавал географии Скифии, столь изумившей его своими открытыми пространствами и полноводными реками, вызвало у него стремление изложить свои впечатления в строгой последовательности (с юга на север и с запада на восток) и заключить территорию Скифии в рамки строгой геометрической фигуры (для большей наглядности, поскольку, по мнению исследователей, труд Геродота не был снабжен картой).[475] Условный характер скифского четырехугольника явствует еще и из того, что по существу Геродот имел представление лишь о южной и частично восточной и западной границах Скифии.[476] Суммируя высказанные выше соображения, следует признать, что предложенные Б. А. Рыбаковым размеры территории скифского четырехугольника, вычисленные на основании не поддающихся точному измерению «дней пути» и «дней плавания», выглядят куда более убедительно, когда он очерчивает границы геродотовой Скифии, основываясь на территории, занимаемой культурами скифского ареала.[477] На основе тех же неопределенных величин («дней пути»), условность которых не отрицает

---

[473] Myres J. L. An Attempt to Reconstruct the Maps used by Herodotus. — Geogr. j., 1896, VIII, p. 605 sq.

[474] Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, 56.

[475] Шишова И. А. Указ. соч., с. 21, примеч. 33.

[476] Stein H., комм. к IV, 101.

[477] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 191.

и сам Б. А. Рыбаков, строится и схема похода Дария. Автор считает, что рассказ Геродота полностью отражает реальные события и «выдерживает историко-географическую проверку».[478] Но при этом в построениях Б. А. Рыбакова р. Оар, на которой, согласно Геродоту, Дарий разбил свой лагерь, возведя 8 укреплений (IV, 124), отождествляется с р. Корсак, незначительность которой противоречит свидетельству Геродота (IV, 123, 3), причислявшего р. Оар к большим рекам (что дало повод многим исследователям увидеть в Оаре Геродота Волгу). Б. А. Рыбаков отмечает это противоречие,[479] но, к сожалению, не приводит своих объяснений, хотя они были бы весьма существенными для определения протяженности и поворотного пункта в походе Дария. Как представляется, осторожнее было бы, основываясь на словах Геродота о величине р. Оар (которую он называет наряду с Танаисом), сделать вывод, что сведения о восточной части похода Дария он записал со слов жителей Ольвии, изложивших ему версию, бытовавшую у северопричерноморских греков. Сам же Геродот, если не преувеличивать автопсию «отца истории» в Северном Причерноморье, вряд ли видел р. Оар. Именно потому, что все реки Скифии отличались величиной и полноводностью (это он специально отмечал в своем труде как τὰ θώματα), то и Оар он охарактеризовал таким же образом. Это тем более вероятно, что для Геродота характерен принцип судить о неизвестном на основании уже известного ему (II, 33). Сведения Геродота о скифском походе Дария еще в XIX в. были подвергнуты критическому анализу в источниковедческом плане. Большинство исследователей остановилось на той точке зрения, что персидское войско не могло столь далеко продвинуться на восток, как об этом сообщает Геродот.[480] Весьма показательно, что Геродот не упоминает о форсировании крупных водных рубежей, которые неизбежно должны были бы преодолеть персы, если бы дошли хотя бы до Меотиды. Это обстоятельство может служить серьезным аргументом в пользу того, что Геродот записал уже сложившуюся версию в готовом виде, даже особенно не уточняя ее,

[478] Там же, с. 180 сл.
[479] Там же, с. 62.
[480] Вып. «Геродот», комм. к IV, 118—142 (основная литература вопроса).

ибо для такого обстоятельного рассказчика, каким он был, переправа через поразившие его своим многоводьем реки Скифии не могла бы не занять в его повествовании подобающего места. Возведение Дарием крепостей на берегу Оара подвергали сомнению даже те исследователи, которые полагали, что рассказ о походе Дария в глубь Скифии соответствует исторической действительности. Многие считают, что с именем Дария предания связывали древнейшие холмы и курганы, подобно тому как на р. Тирасе древние курганы считались могилами киммерийских царей, истребивших друг друга, о чем рассказывает Геродот (IV, 11, 4). О существовании укреплений Дария на р. Оар Геродот, скорее всего, услышал в Ольвии. Из текста никак не следует, что он видел их собственными глазами. Как отмечал еще Ф. Якоби,[481] такие выражения, как μέχρι ἐμεῦ, ἔτι καὶ νῦν, ἔτι καί ἐς ἐμέ, не являются свидетельством автопсии Геродота. С. А. Жебелев полностью разделял мнение, высказанное Якоби,[482] считая, что слова Геродота ἔτι ἐς ἐμὲ τὰ ἐρείπια σόα ἦν (IV, 124, 2) не заключают в себе утверждения, что он видел остатки этих крепостей лично, а просто сообщал, что они сохранились до его времени. Каждый из исследователей, стремившихся устранить противоречивые свидетельства в рассказе Геродота о скифском походе Дария путем изменения направления похода персов, в соответствии со своим вариантом маршрута персидского войска предлагал свою идентификацию р. Оар.[483] По этому пути пошел и Б. А. Рыбаков, считая р. Корсак наиболее отвечающей условиям для отождествления с Оаром по всей совокупности произведенных им расчетов.[484]

Рассматривая реки, перечисленные Геродотом, служащие у него основными ориентирами при определении местоположения как скифских, так и нескифских племен, Б. А. Рыбаков в отношении больших рек придерживается общепринятой их идентификации. Для рек, отождествление которых является предметом дискуссии исследователей, автор предлагает свою идентификацию, в ряде случаев интересную, но не всегда бесспорную. Так, вопрос о р. Пантикап он решает с помощью пред-

[481] Jakoby F. Herodotos. — RE, Spbd. 2, col. 249.
[482] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 318.
[483] Вып. «Геродот», комм. к IV, 123, 3.
[484] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 59, 177.

ложенной им системы «опережающих доказательств».[485] В Гилее, шесть раз упоминаемой Геродотом на протяжении Скифского рассказа, Б. А. Рыбаков предлагает видеть имя нарицательное, относящееся к двум различным областям на территории Скифии. Одну из них он локализует в низовьях Днепра, вторую — в лесистом левобережье, где в Днепр впадает р. Ворскла, которую автор и считает р. Пантикап.[486] Борисфенитов (скифские земледельческие племена, в состав которых Б. А. Рыбаков включает как скифов-пахарей, так и скифов-земледельцев) он локализует на основании тезиса о существовании двух лесных массивов — двух Гилей — по обоим берегам Борисфена, в его лесостепной полосе. Если принять эту гипотезу, то она действительно снимает ряд вопросов, которые вызывали серьезные разногласия и недоумения среди исследователей, поскольку при таком решении термин «борисфениты» включает все земледельческие племена и исчезает дискуссия, связанная с локализацией скифов-земледельцев и скифов-пахарей. Снимается вопрос о том, что имел в виду Геродот, именуя одних земледельцев ἀροτῆρες, а других — γεωργοί.[487] Борисфениты обретают географическую и тем самым историческую конкретность.[488] Это действительно весьма заманчивая гипотеза, но, к сожалению, анализ текста Геродота не дает оснований для категорического вывода о существовании двух Гилей. Еще одну спорную реку геродотовой Скифии — Гипакирис — Б. А. Рыбаков предлагает отождествить с р. Конкой, текущей параллельно Днепру в его нижней части, а при впадении в него образующей целую систему протоков. Автор считает, что Герром называлась

---

[485] Там же, с. 41.

[486] Там же, с. 44, 128 сл.; ср.: Гордиенко И. И. Олешские пески и биогеоценотические связи в процессе их зарастания. Киев, 1969, с. 35, 75 сл. И. И. Гордиенко также говорит о существовании двух Гилей во времена Геродота, но вторую помещает на берегах р. Ингулец, которую он отождествляет с р. Пантикап.

[487] Ср. с. 111 настоящей работы, где приведена гипотеза В. И. Абаева, предлагающего остроумное объяснение мнимой синонимичности геродотовых ἀροτῆρες и γεωργοί.

[488] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 144. Вызывает, однако, возражение не имеющее достаточных оснований определение греческого полиса Ольвии как морского порта праславян-борисфенитов (с. 226). В рецензии И. Т. Кругликовой и З. В. Удальцовой (ВИ, 1980, № 4, с. 140) приведены соображения, которые представляются совершенно справедливыми.

как местность по сторонам этой полосы протоков (жерел), так и сами протоки. Предположение, высказанное Б. А. Рыбаковым относительно герров—гирл—жерел, представляется весьма остроумным и достаточно убедительным,[489] хотя, безусловно, нуждается в лингвистической аргументации (что отмечает сам исследователь). Реку Герр он отождествляет с р. Молочной на том основании, что она вытекает из местности Герр и имеет широкое и длинное жерло. Река Гипакирис — Конка в древности протоком соединялась с р. Каланчак и впадала в Каркинитский залив.[490] Такая реконструкция сложного течения загадочного Гипакириса вполне возможна, тем более что мысль о том, что в геродотовом Гипакирисе следует видеть систему озер, болот, пересыхающих речек, их старых русел и даже сам Каркинитский залив, уже высказывалась ранее (например, в трудах Ф. К. Бруна, Ф. А. Брауна).[491] Говоря о бесспорной локализации местности Герр в районе днепровских плавней ниже порогов,[492] где к западу и востоку от излучины Днепра сосредоточено большое количество богатых курганов, было бы уместно поставить вопрос, почему именно в этих курганах обряд погребения абсолютно не соответствует красочному описанию захоронения скифского царя, данному Геродотом (IV, 71). Всех сторонников локализации области герров в Припорожье (а их среди скифологов подавляющее большинство) это обстоятельство весьма смущает, поскольку удовлетворительного объяснения ему пока что не найдено.[493]

Безусловно, книга Б. А. Рыбакова появилась весьма своевременно и представляет значительный интерес, поскольку автор ищет новые пути для разрешения тех неясностей и противоречий, которыми столь богат Скифский логос Геродота. Однако почти все предложенные исследователем решения носят гипотетический, предварительный характер и нуждаются в дальнейшей разработке. По-видимому, чрезмерное доверие к свидетельствам Геродота (особенно в отношении его данных о расстояниях, преувеличенное представление о его ав-

[489] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 48.
[490] Там же, с. 46.
[491] Вып. «Геродот», комм. к IV, 55.
[492] «Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 32, 112.
[493] См. с. 115 настоящей работы.

топсии [494]) и составленные на этом основании заключения чреваты не меньшими опасностями, нежели гиперкритицизм в отношении добросовестности свидетельств «отца истории». Дискуссионность основных проблем скифологии на современном этапе ее развития получила яркое выражение в процессе обсуждения обзорной статьи И. В. Яценко и Д. С. Раевского «Некоторые аспекты состояния скифской проблемы», опубликованной на страницах журнала «Народы Африки и Азии», вместе с высказываниями ведущих исследователей — лингвистов, археологов, этнографов, соприкасавшихся в ходе своих исследований с этими проблемами.[495] Для настоящего времени можно констатировать вместе с авторами названной статьи, что «скифологи пока что еще далеки от выработки общих позиций даже по коренным вопросам».[496]

---

[494] См. об этом ниже, с. 228.
[495] НАА, 1980, № 5, 6.
[496] Там же, с. 95.

Глава 2

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ПРОБЛЕМА СКИФСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Проблема общественного строя скифов и Скифии как социального образования имеет свою историю. В вопросах, связанных с формами общественной и политической организации, существовавшей у скифов, ученые еще не пришли к окончательному решению.

Как известно, одна из первых попыток исследования этой проблемы была осуществлена в конце XIX в. А. С. Лаппо-Данилевским,[1] который, следуя за Л. Морганом, склонялся к тому, что скифы при господстве у них племенного строя достигли в своем развитии рубежа между варварством и цивилизацией, т. е., говоря языком современной науки, находились в переходном состоянии от доклассового общества к классовому.

Согласно концепции, предложенной М. И. Ростовцевым,[2] скифское общество было военно-феодальной государственной системой, сходной по своему устройству с Хозарским каганатом или Золотой Ордой, где господство принадлежало царям, рыцарям и дружинникам, владельцам стад и табунов, которых обслуживали крепостные и рабы. Присущая буржуазной науке тех лет склонность к модернизации древних обществ привела М. И. Ростовцева к чрезвычайно категорическим и гипертрофированным выводам в отношении скифской государственной системы. Две эти резко противоположные точки зрения, бытовавшие в русской дореволюционной науке о скифах, послужили теми опорными пунктами, от которых отталкивались (или которым возражали) в дальнейшем в своих построениях исследователи этой проблемы.

Так, в исследованиях 30—40-х годов XX в. взгляды А. С. Лаппо-Данилевского на скифское общество как на первобытнообщинный строй на стадии его разложения были разработаны уже на марксистско-ленинской осно-

---

[1] Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности. — Зап. Отд-ния русской и славянской археол. Русского археол. о-ва, 1887, т. IV. Подробнее см. с. 40 настоящей работы.

[2] Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пгр., 1918, с. 35 сл.

ве советскими учеными — С. А. Семеновым-Зусером,[3] В. И. Равдоникасом,[4] С. А. Жебелевым,[5] М. И. Артамоновым.[6] Обнаружив у скифов глубокую социально-экономическую дифференциацию, эти исследователи пришли к выводу, что скифское общество было по своему характеру родо-племенным и находилось на высшем уровне развития этой ступени состояния человеческого общества, соответствующей военной демократии, которой Ф. Энгельс дал развернутое определение как общественному строю. Согласно мысли Ф. Энгельса, возникновению классового общества предшествовал длительный период складывания и развития класса непосредственных производителей и форм его эксплуатации. Этот процесс и экспроприация производителей (ее первой формой является рабство) стимулировали в свою очередь развитие классовых противоречий, неизбежно приводящих к возникновению государства.[7] Возникновение рабства являлось закономерным началом этого процесса. Военная демократия и представляла собой именно этот период, когда уже существуют классы и эксплуатация, но еще нет государства. Для этого периода является характерным наличие патриархального рабства, того состояния общества, при котором основным производителем и основным объектом эксплуатации является еще не раб, а свободный общинник.[8] Благодаря этому и только в период разложения и упадка рабовладельческого строя в развитых государствах с развитой рабовладельческой формацией и был возможен иной путь развития — переход отдельных племен (как было у славян и германцев) от военно-демократического строя к феодальному, минуя собственно рабовладельческий строй.

---

[3] Семенов-Зусер С. А. Родовая организация у скифов Геродота. — ИГАИМК, 1931, т. IX, вып. 1.

[4] Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. — ИГЛИМК, 1932, т. XII, вып. 1—8, с. 5 сл.

[5] Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 87 сл.

[6] Артамонов М. И. 1) Общественный строй скифов. — Вестн. ЛГУ, 1947, № 9, с. 31 сл.; 2) Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, № 3, с. 24 сл.

[7] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163 сл.

[8] Šišova Irina A. Zum Übergang von der patriarchalischen zur entwickelten antiken Sklaverei. — Klio, 1980, Bd 62, H. 1, S. 160.

Поэтому как ступень в развитии общества военная демократия являлась закономерной и одновременно универсальной, и формы ее были чрезвычайно разнообразными.

Исходя из этих положений Ф. Энгельса, многие исследователи отрицали широкое распространение рабовладения у скифов. Работа С. А. Семенова-Зусера,[9] посвященная рассмотрению родовой организации у скифов, представляла собой по существу попытку модернизировать концепцию А. С. Лаппо-Данилевского. Она вызвала справедливую критику В. И. Равдоникаса, указавшего на то, что С. А. Семенов-Зусер просто «переводит» «Скифские древности» А. С. Лаппо-Данилевского на язык марксистской терминологии, причем с большими погрешностями.[10] Сам В. И. Равдоникас, будучи наиболее последовательным представителем учения Н. Я. Марра о стадиальности в области изучения особенностей исторической жизни Северного Причерноморья, все же правильно отметил те элементы разложения первобытнообщинных отношений, которые были присущи скифскому обществу (социальное и экономическое неравенство, выделение родо-племенной знати). Он категорически отвергал существование у скифов рабовладельческого строя и усматривал во взаимоотношениях степных кочевников и земледельческого населения лесостепной полосы наличие либо даннических, либо меновых связей.[11] Однако эти интересные наблюдения сочетались у него с полным отрицанием исторической роли миграций. В. И. Равдоникас представлял себе исторический процесс развития Северного Причерноморья в форме чисто стадиальной. Киммерийскую стадию, для которой были характерны матриархат, мотыжное земледелие, пастушеское скотоводство и охота, сменяла стадия скифская, характеризовавшаяся развитым родо-племенным строем, кочевым скотоводством, плужным земледелием. Затем шла сарматская стадия, поскольку у сарматов процесс социально-имущественной дифференциации зашел еще более глубоко. Готская стадия представляла собой высшую ступень этого процесса.[12]

---

[9] Семенов-Зусер С. А. Указ. соч.
[10] Равдоникас В. И. Указ. соч., с. 73.
[11] Равдоникас В. И. Указ. соч., с. 68 сл.
[12] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 49, 62, 78, 86.

В исследовании В. И. Равдоникаса ярко отразились те неверные положения, которые породила искусственная и непоследовательная концепция Н. Я. Марра [13] в приложении к процессу развития общества. Однако ценные наблюдения В. И. Равдоникаса нашли свое развитие в работах сторонников родо-племенного строя у скифов. С. А. Жебелев, подвергнувший всестороннему историко-филологическому анализу свидетельства Геродота, считал, что в эпоху Геродота скифское общество еще не изжило родо-племенного строя и что первые бесспорные признаки государственности появляются у скифов не ранее II в. до н. э., когда в Крыму возникло скифское царство Скилура и Палака. С. А. Жебелев полагал, что только в этот период скифы, до тех пор «жившие и действовавшие вразброд, начали постепенно объединяться».[14] Б. Д. Греков, опираясь на выводы, сделанные С. А. Жебелевым, развил положение об исторической миссии варваров в период формирования феодальных отношений в Восточной Европе в своем труде, посвященном Киевской Руси.[15] Он специально отметил ту важную роль, которую имело исследование С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» [16] для историков славянства, и посвятил этой работе статью, само название которой свидетельствовало о важности исследования С. А. Жебелева.[17] Б. Д. Греков подчеркнул, что самым значительным достижением этой работы было то, что ученый «раскрыл, как подготовлялось наступление „варваров“ с их общинным строем на рабовладельческие общества европейского и ближнеазиатского Востока задолго до появления на сцену славян..., подчеркнул важность изучения „варварского“ мира южнорусских степей, несших в себе молодые силы на смену зашедшей в тупик рабовладельческой цивилизации».[18] Взгляды, высказанные С. А. Жебелевым

---

[13] Марр Н. Я. Избранные работы. М.; Л., 1935, т. V (см. статьи: Термин «скиф»; Скифский язык).

[14] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 88.

[15] Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.

[16] ИГАИМК, 1933, вып. 70, с. 36 сл.; то же: Жебелев С. А. Указ. соч., с. 82 сл.

[17] Греков Б. Д. Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны. — ВДИ, 1940, № 1, с. 175 сл.

[18] Там же, с. 176. Широко были использованы свидетельства Геродота и в тех главах, где рассматривались вопросы, связан-

по поводу общественного строя скифов, были поддержаны таким авторитетным скифологом, как М. И. Артамонов.[19] Он также считал, что скифское общество находилось на стадии того развития родо-племенных отношений, когда уже появилась определенная дифференциация членов общины с выделением знати. Базируясь на сообщениях, имеющихся в Скифском рассказе Геродота, М. И. Артамонов считал, что рабство носило патриархальный характер и не имело производственного значения. Скифское кочевое общество состояло из патриархальных семей, объединявшихся в родовую общину. С течением времени взгляды М. И. Артамонова на общественный строй скифов претерпели некоторую эволюцию, о которой речь пойдет ниже в связи с рассмотрением вопроса о скифской государственности.

Нельзя не отметить, что еще в 30-е годы был выдвинут тезис о существовании у скифов достаточно развитого рабовладельческого строя, о наличии классовых отношений. С этим тезисом выступил А. П. Смирнов, отстаивавший наличие рабовладельческого строя у кочевых скифов. По его мнению, патриархально-родовой уклад сохранялся лишь у земледельческих скифских племен.[20] Близких А. П. Смирнову взглядов придерживался С. П. Толстов.[21] Много внимания изучению социально-экономического строя Скифии было уделено таким крупным ученым, как Б. Н. Граков.[22] В вопросе о структуре скифского общества он занял достаточно гибкую позицию. По

ные с сельским хозяйством, и доказывалось развитие земледелия на территории, заселенной славянами в предкиевское и киевское время (с. 24 сл. и с. 35 сл.).

[19] Артамонов М. И. 1) Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, № 3, с. 68 сл.; 2) Общественный строй у скифов. — Вестн. ЛГУ, 1947, № 9, с. 70 сл.; 3) О землевладении и земледельческом празднике у скифов (Геродот, кн. IV, гл. 7). — Учен. зап. ЛГУ, 1948, № 95, вып. 15, с. 3 сл.; 4) Скифское царство в Крыму. — Вестн. ЛГУ, 1948, № 8, с. 56 сл.

[20] Смирнов А. П. 1) Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934, с. 30 сл.; 2) Скифы. М., 1966, с. 59.

[21] Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — ИГАИМК, 1934, вып. 103, с. 167 сл.

[22] Граков Б. Н. Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 7 сл.; ср.: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. — ВССА, с. 39 сл.

его мнению, Скифия в эпоху Геродота представляла собой социальную организацию, переживавшую последний этап развития первобытнообщинных отношений, стадию их разложения. Не отрицая того факта, что в V в. до н. э. скифы еще не изжили родо-племенных порядков, Б. Н. Граков в статье «Скифский Геракл» выдвинул тезис о резком и быстром переходе скифского общества в конце V и IV в. до н. э. к классовой структуре и государственным формам объединения.[23] По мнению Б. Н. Гракова, у скифов в течение VI—V вв. до н. э. продолжал сохраняться родовой строй, но весьма значительную роль играло патриархальное рабство, основанное на порабощении военнопленных и на эксплуатации рабов (типа спартанской илотии или фессалийских пенестов), возникшее в связи с порабощением кочевниками земледельческого населения страны.[24] Постепенное развитие классовых отношений и привело к созданию в конце V в. до н. э. скифского рабовладельческого государства. Этому способствовала также и объединительная политика, проводимая царем Атеем. Тезис, выдвинутый Б. Н. Граковым, в дальнейшем был им подтвержден в докладе на конференции по скифо-сарматской археологии 1952 г. и развит в «Кратком очерке истории Скифии по данным письменных источников».[25] Вместе с тем Б. Н. Граков пытался все же согласовать между собой «родовую» и «классовую» гипотезы, всячески подчеркивая примитивный характер государственного образования скифов, созданного царем Атеем,[26] сохранение в нем племенного деления и других характерных черт родо-племенного строя. Мнение Б. Н. Гракова было принято целым рядом исследователей, занимавшихся этим вопросом.[27] Однако выдвинутый

---

[23] Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 10.

[24] Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 22.

[25] Там же, с. 9 сл.

[26] Граков Б. Н. 1) Скифский Геракл, с. 12; 2) Скифы. М., 1971, с. 41 сл.

[27] Соломоник Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. — В кн.: Археология и история Боспора. Т. 1. Симферополь, 1952, с. 103 сл.; Шелов Д. Б. 1) Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, с. 91 сл.; 2) Царь Атей. — В кн.: Нумизматика и сфрагистика. Т. 2. Киев, 1965, с. 16 сл.; 3) Античные государства Северного Причерноморья и их место в истории народов СССР. —

Б. Н. Граковым тезис о существовании государства у скифов уже в V—IV вв. до н. э. не может считаться окончательно доказанным, поскольку выдвинутое им положение о рабстве у скифов, основанном на зависимости земледельческих племен, стало предметом острой дискуссии среди скифологов. Оно нашло как сторонников, так и противников.[28]

Так, М. И. Артамонов, исходя из своих представлений о Скифии как родо-племенном объединении с военно-демократическим строем, полагал, что государственным образованием скифов могло считаться лишь скифское царство, сложившееся в Крыму, созданное царями Скилуром и его сыном Палаком в конце III—начале II в. до н. э. При этом он определял его как государство варварского типа, в котором сохранялись в значительной мере черты родо-племенной организации. Согласно определению М. И. Артамонова, в этом государстве преобладала экономическая кабала «под маской патриархальности, граничащая с рабством, а в значительной мере и ничем не прикрытое рабство».[29] Однако позднее его взгляды претерпели значительные изменения. Рассматривая обстановку, сложившуюся в Северном Причерноморье после возвращения скифов из походов в Переднюю Азию, М. И. Артамонов пришел к выводу, что благодаря уже сложившейся централизованной организации[30] скифам удалось покорить степные и лесостепные племена, населявшие территорию Северного Причерноморья. В конце

ВИ, 1965, № 11, с. 41 сл.; 4) Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. — ПСА, с. 54 сл.; 5) Социальное развитие скифского общества. — ВИ, 1972, № 3, с. 73 сл.; Мелюкова А. И. 1) Войско и военное искусство скифов. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 31 сл.; 2) Вооружение скифов. — САИ, вып. Д1-4, М., 1964, с. 18; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э.; Елагина Н. Г. 1) Письменные источники о социальных категориях в Скифии VI—V вв. до н. э. — Историко-филологический сборник. М., 1962, с. 38; 2) О родо-племенной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота. — СЭ, 1963, № 3, с. 82.

[28] Погребова Н. Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР, 1952. — ВССА, с. 13 сл.

[29] Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму, с. 68 сл.

[30] Ср.: Граков Б. Н. 1) Скифский Геракл, с. 10 (автор отмечает, что вторгшиеся в Малую Азию скифы не образовывали никакой прочной организации); 2) Скифы, с. 20.

V в. до н. э. здесь сложилось царство, возглавленное племенем скифов царских.[31] Но все же, по мнению М. И. Артамонова, было бы неправомерным считать скифское царство рабовладельческим государственным образованием. Оно продолжало оставаться на стадии «военной демократии», стоящей на грани превращения в государство.[32]

Точку зрения С. А. Жебелева и М. И. Артамонова на возникновение скифского государственного строя в III—II вв. до н. э. разделяли такие исследователи, как В. Ф. Гайдукевич[33] и Д. П. Каллистов.[34] Но если В. Ф. Гайдукевич просто присоединился к позиции, занимаемой С. А. Жебелевым и М. И. Артамоновым, то Д. П. Каллистов, отрицая появление государства у причерноморских скифов ранее III—II вв. до н. э., подверг критическому пересмотру все те источники, на которых строили свои доказательства сторонники раннего появления государственного строя в скифском обществе.[35] На основании произведенного им анализа сообщений о скифском царе Атее, чье имя встречается семь раз у различных писателей (Страбона, Юстина, Полиена, Фронтина, Павла Оросия, Плутарха и Климента Александрийского), Д. П. Каллистов пришел к выводу, что эти свидетельства не дают никаких оснований для тех широких выводов о существовании обширного скифского государства на территории от Меотиды до Истра, на которых настаивали Б. Н. Граков и сторонники его точки зрения. Столь же

[31] Артамонов М. И. 1) Роль климатических изменений VIII—VI веков в переселении киммерийцев и скифов в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э. — В кн.: Этнография народов СССР. Геогр. о-во. Отделение этнографии. Л., 1971, с. 62; 2) Скифское царство в Крыму. — СА, 1972, № 3, с. 62.

[32] Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму, с. 66; 2) Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 143.

[33] Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 5.

[34] Каллистов Д. П. 1) Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949; с. 101 сл.; 2) Северное Причерноморье в античную эпоху. Л., 1952, с. 25 сл.; 3) Рабство в Северном Причерноморье в V—III вв. до н. э. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 202, 219; 4) Свидетельство Страбона о скифском царе Атее. — ВДИ, 1969, № 1, с. 124 сл.

[35] Каллистов Д. П. 1) Рабство в Северном Причерноморье в V—III вв. до н. э., с. 204 сл.; 2) Свидетельство Страбона о скифском царе Атее, с. 126.

решительно Д. П. Каллистов высказался против мнения о существовании развитого рабовладения у скифов. Он отмечал, что для Геродота было настолько необычным отсутствие покупных рабов у скифского царя, что историк специально остановился на этом факте, удивительном не только для него самого, но и для его читателей.[36] Исходя из свидетельств Геродота в V в. до н. э. и Диодора (II, 43) в III в. до н. э., Д. П. Каллистов пришел к выводу, что эксплуатация рабского труда у северопричерноморских кочевников носила весьма ограниченный характер, а рабовладельческие отношения вряд ли вышли в своем развитии за пределы патриархального рабовладения.[37] Сторонники точки зрения Б. Н. Гракова считали, что у Д. П. Каллистова в его построении господствует тенденция к архаизации социальной жизни Скифии и что в свою очередь он ничем не аргументирует тезис о появлении бесспорных признаков государственности, которые, по его мнению, возникают у скифов лишь в III в. до н. э. Как представляется, ответ на этот упрек содержится еще на страницах книги С. А. Жебелева, где он пишет о создании государства скифов в Крыму в III—II вв. до н. э.[38] (к этой работе и дана отсылка у Д. П. Каллистова). Существование скифского царства в Крыму подтверждается археологическими материалами, чего нельзя сказать о царстве Атея. Хотя Б. Н. Граков,[39] производивший раскопки грандиозного Каменского городища на Днепре, склонен усматривать в нем центр скифского царства, возникший в конце V—начале IV в. до н. э., материалы Каменского городища дают возможность судить лишь о степени развития хозяйственной жизни скифского общества. О времени же появления, структурных особенностях и территориальной протяженности скифского государства можно судить с известной долей достоверности, лишь опираясь на свидетельства античных авторов, эпиграфиче-

[36] Каллистов Д. П. Рабство в Северном Причерноморье в V—III вв. до н. э., с. 197.

[37] Там же, с. 198.

[38] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 88; ср.: Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 29.

[39] Граков Б. Н. 1) Скифы, с. 38; 2) Скифский Геракл, с. 10. Автор весьма справедливо отмечает, что «едва ли мы когда-нибудь точно узнаем, как проходил внутренний переход от военной демократии к рабовладельческому обществу степного царства Атея и когда точно произошел этот переход».

ские или нумизматические[40] данные. Без подкрепления этой аргументацией все даже самые остроумные построения неизбежно будут носить лишь гипотетический характер.

Несмотря на отмеченную скудость источников, скифологи не оставили надежды прийти к решению столь сложных вопросов, как уровень общественного развития скифов и формы их общественной и политической организации. Так, А. И. Тереножкин, присоединившись к определению скифского общества как рабовладельческого, привлек в своей работе, посвященной общественному строю скифов,[41] обширный сравнительный материал из этнографии современных кочевых народов — киргизов, калмыков, казахов, бурятов и др. Собранные им данные позволили автору высказать мнение о том, что у кочевых скифов была не патриархальная семейная община, как утверждают сторонники строя «военной демократии», а малая индивидуальная семья с обособленным хозяйством.[42] Согласно наблюдениям А. И. Тереножкина, «родственные узы» у скифов были уже во времена Геродота значительно ослаблены, имущественная дифференциация зашла достаточно далеко, а рабство находило себе применение не только в домашнем, но и в скотоводческом хозяйстве, т. е. имело производственное значение.[43] Отмечая стойкость родовой структуры у скифов, автор находил объяснение этому обстоятельству в том, что род у скифов, утратив первоначальные социальные и производственные функции, сохранился лишь в качестве готовой формы военной организации общества, необходимой для постоян-

---

[40] О монетах с именем Ἀταΐας, Ἀτέας, Ἀτοΐας см.: Анохин А. М. Монеты скифского царя Атея. — В кн.: Нумизматика и сфрагистика. Т. 2. Киев, 1965, с. 3 сл. Три из пяти известных монет, по-видимому, были вычеканены с Каллатии (т. е. на западном берегу Понта), а две — в Гераклее Понтийской. Таким образом, все монеты были изготовлены за пределами Северного Причерноморья. Это обстоятельство делает весьма убедительным предположение Д. П. Каллистова о том, что царь Атей, скорее всего, был вождем какой-либо группы племен, обитавших в области Нижнего Дуная. На основании имеющихся данных ни о чем большем говорить пока что не приходится.

[41] Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов. — СА, 1966, № 2, с. 33 сл.

[42] Там же, с. 38.

[43] Там же, с. 44.

ной защиты пастбищ, охраны стад и для походов против соседних племен.[44] У сторонников же родо-племенного характера скифского общества это использование племенной структуры в качестве основы военной организации служило доказательством патриархально-общинного строя. А. И. Тереножкин резко возражал против подобного представления. Однако в следующей своей работе, посвященной этой же проблеме, А. И. Тереножкин признал ошибочность сделанных им категорических выводов в пользу господства у скифов рабовладельческой формации.[45] Он принял предложенную Д. Б. Шеловым гипотезу,[46] согласно которой скифская государственность носила примитивный характер и основывалась на самых различных формах эксплуатации; одной из них (и далеко не основной) являлось рабство. Д. Б. Шелов также считал, что и у оседлых племен Скифии господствующую роль играла «малая семья», отличавшаяся от большой патриархальной семьи сравнительно слабой материальной обеспеченностью,[47] что являлось основанием для обнищания части общинников (что собой представляла «малая семья», видно из рассказа о скифе Абавхе, о котором повествует Лукиан в своей повелле «Токсарис или дружба»). А. И. Тереножкин, обращаясь не только к Скифскому логосу Геродота, но и к другим античным авторам, полагает, что можно говорить уже о чрезвычайно глубокой имущественной дифференциации скифской общины даже в догеродотово время.[48] По мнению А. И. Тереножкина, общинникам, составлявшим основную массу скифского народа, противостояла чрезвычайно многочисленная и богатая знать, выделившаяся как родо-племенная верхушка. Вершину этого сословия составляли те самые скифы царские, которые всех прочих считали своими рабами, согласно рассказу Геродота (VI, 20). Для

---

[44] Там же, с. 47.

[45] Там же; Тереножкин А. И. Общественный строй скифов. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 4.

[46] Шелов Д. Б. Социальное развитие скифского общества, с. 73 сл.; см. также: Хазанов А. М. 1) О характере рабовладения у скифов. — ВДИ, 1972, № 1, с. 170; 2) Социальная история скифов, с. 31.

[47] Шелов Б. Д. Социальное развитие скифского общества, 69 сл.

[48] Тереножкин А. И. Общественный строй скифов, с. 8 сл.

А. И. Тереножкина скифское общество, построенное на сохранении родо-племенных подразделений, будучи архаичным по своей структуре, являлось обществом раннеклассовым с определенными рабовладельческими тенденциями.[49] В своих исследованиях об общественном строе скифов он справедливо указал, что проблема развития рабовладельческого строя у скифов является неотъемлемой частью общей проблемы, связанной с рабовладельческим строем у кочевых народов. Такая постановка вопроса нашла поддержку у этнографов. Однако эти последние, указывая на плодотворность подобного направления в скифологии, в свою очередь отметили дискуссионность всех основных проблем кочевниковедения.[50]

В тесной связи с проблемой общественного строя скифов находится и вопрос о времени возникновения скифского государства и его характере. Как уже говорилось выше, М. И. Ростовцев считал возможным существование «скифской державы» феодального типа уже в VII в. до н. э.[51] А. П. Смирнов[52] и С. П. Толстов[53] настаивали на наличии у скифов государственного устройства в VI в. до н. э. А. И. Тереножкин также полагал, что классы и государство возникли у скифов не позднее рубежа VII—VI вв. до н. э., при выходе их на историческую арену.[54] Б. Н. Граков (и сторонники его точки зрения) относил формирование скифского государства к рубежу V—IV вв. до н. э. и связывал его создание с именем царя Атея.[55] Точка зрения сторонников концепции родо-племенного строя скифского общества, высказанная в свое время

---

[49] Там же, с. 25.

[50] Першиц А. И. К вопросу о саунных отношениях. — В кн.: Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. М., 1973; Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 32.

[51] Ростовцев М. И. 1) Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 1913, вып. 49, с. 23 сл.; 2) Эллинство и иранство на юге России. Пгр., 1918, с. 35 сл.; 3) Скифия и Боспор. Пгр., 1925, с. 8 сл.; 4) Iranians and Greeks. Oxford. 1922, p. 81.

[52] Смирнов А. П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, с. 30 сл.

[53] Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, с. 167 сл.

[54] Тереножкин А. И. Общественный строй скифов, с. 4.

[55] Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 10; Каменское городище на Днепре, с. 7 сл.; Скифы, с. 38.

С. А. Жебелевым и поддержанная рядом исследователей (М. И. Артамоновым, В. Ф. Гайдукевичем, Д. П. Каллистовым, Л. П. Лашуком), относила создание раннего рабовладельческого царства скифов в Крыму к III—II вв. до н. э.[56] Таким образом, можно констатировать, что вопрос об уровне общественного развития скифов Северного Причерноморья, о формах их общественной и политической организации далек от окончательного решения.

Не существует в скифологии также единого взгляда по целому ряду других весьма существенных для изучения устройства скифского общества вопросов. Как известно, описаний скифской общины не имеется. Поэтому, как отмечает А. И. Тереножкин, только по косвенным данным (археологическим материалам и этнографическим параллелям) можно судить о том, что представляло собой такое замкнутое по своей природе производственное и военное объединение, каким являлась большая скифская кочевая община.[57] Столь же неясен и вопрос, было ли у скифов народное собрание. Большая часть исследователей видит в сообщении Геродота о том, что скифы собирались на совет (IV, 102, 120, 121, 133) в связи с наступлением Дария, подтверждение этой точки зрения, равно как и в эпизоде осуждения вероотступничества царя Скила (IV, 79—80).[58]

Основываясь на упоминании Геродотом существования у скифов номов (IV, 62, 66), большинство исследователей полагает, что, говоря о номах, Геродот имел в виду область, занимаемую определенным племенем. Так пони-

---

[56] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 88; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 5; Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму, с. 68.

[57] Тереножкин А. И. Общественный строй скифов, с. 15; ср.: Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 123.

[58] Артамонов М. И. Общественный строй у скифов, с. 86; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 36; Мелюкова А. И. Войско и военное искусство скифов, с. 31; Соломоник Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья, с. 106; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 18; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э., с. 111; Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов. — ВДИ, 1980, № 4, с. 147. А. М. Хазанов (см.: Социальная история скифов, с. 236) считает, что эти свидетельства Геродота носят слишком общую и неконкретную форму и судить на их основании о существовании народного собрания неправомерно.

мают текст Геродота М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, Н. Г. Елагина, А. И. Тереножкин.[59]

Безусловно, в современной скифологии в плане общественной организации скифских племен вопросов нерешенных несоизмеримо больше, чем вопросов, нашедших свое решение. В первую очередь это следует объяснить тем, что ни анализ весьма скудных свидетельств античных источников, ни интерпретация археологических памятников не приводят скифологов к однозначным решениям. Часто данные письменных источников и археологических материалов не могут быть согласованы между собой как в силу отрывочности и неполноты одних, так и в силу весьма произвольного в ряде случаев толкования других. Поэтому представляется совершенно закономерным и более перспективным обращение к материалам сравнительной этнографии, что и предложил сделать А. И. Тереножкин в своих последних работах. Безусловно, однако, что и на этом пути исследователей ожидает весьма значительное количество «камней преткновения». В первую очередь это далеко не достаточная разработанность самых основных вопросов кочевниковедения. Следует констатировать, что не существует строго определенного критерия, к кому, собственно, следует применять термин «кочевники». Спорят о том, когда возникло кочевое хозяйство.[60] Наука не располагает также общепризнанной периодизацией истории кочевых обществ.[61] Но все же рассмотрение скифского общества (в части своей,

---

[59] Артамонов М. И. Общественный строй у скифов, с. 74; Граков Б. Н. 1) Каменское городище на Днепре, с. 17; 2) Скифы, с. 34; Елагина Н. Г. Письменные источники о социальных категориях в Скифии VI—V вв. до н. э. В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 94 сл.; Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов, с. 48. Некоторые исследователи склонны либо преуменьшать значительность нома как административной единицы у скифов (Семенов-Зусер С. А. Родовая организация у скифов Геродота. — ИГЛИМК, 1931, б. 9, в. 1, с. 13 сл.), либо преувеличивать его роль и значение (Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 112, сл.).

[60] Г. Е. Марков (см.: Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. — СЭ, 1971, № 1) полагает, что в начале I тысячелетия до н. э. у племен, перешедших к кочевому скотоводству, сложилась новая кочевническая общественная структура, что сопровождалось коренной ломкой в социальном строе.

[61] Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умерен-

безусловно, являвшегося кочевым) вне русла закономерностей развития евразийских кочевых обществ представляется совершенно неправомерным. И, безусловно, это обращение не может не внести сколько-нибудь определенную ясность в вопросы, связанные с социальным строем скифов и возникновением у них государственности. При решении этих вопросов, как кажется, скифологам необходимо учитывать все те бесспорные положения, которыми располагает современная наука о кочевых обществах. Как известно, разложение родо-племенных отношений у кочевников началось сразу же вслед за выделением кочевых пастушеских племен из основной массы варваров.[62]

Формой, наиболее соответствующей удовлетворению весьма противоречивых экономических и социальных потребностей кочевых обществ, была военная демократия,[63] т. е. такая стадия развития общества, когда антагонистические классы и социальное неравенство уже возникли, но еще не существовало государства, которое закрепило бы эти институты, дало бы окончательный, решающий перевес господствующему классу.

Кочевые общества в силу своих особенностей имеют тенденцию остановиться именно на этой стадии развития. Однако полная остановка невозможна. Возможно лишь в отдельных случаях очень сильное замедление темпов разложения родо-племенного строя, которое, как установили этнографы, способно затянуться до бесконечности.[64]

ного пояса Евразии. — IX Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 9; ср.: Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 266 сл. (приведены основные точки зрения).

[62] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 160.

[63] О подлинном характере «военной демократии» и об условности этого термина см.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 92 сл., 109.

[64] Примером такого замедления, затягивания до бесконечности процесса разложения родо-племенных отношений может служить общественный строй некоторых современных отсталых племен, который невозможно характеризовать иначе как «военная демократия»: это племя носу в юго-западном Китае (Уиннингстон А. Рабы Прохладных гор. М., 1960, с. 53 сл.), туареги и тибуссы Северной Африки (Rodd F. P. People of the Vell. London, 1926, p. 142—146; Chapelle J. Nomades noires de Sahara. Paris, 1957, p. 341, 345; Першиц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 320 сл.; ср.:

В связи с этой тенденцией кочевых обществ к сохранению родо-племенных отношений и ограничению социальной дифференциации и следует рассматривать проблему образования государства у кочевников. Как уже говорилось выше, по данному вопросу, как, впрочем, и по большинству других, связанных с кочевниковедением, единого взгляда у исследователей не существует, хотя нельзя не отметить того значительного вклада, который внесли советские этнографы в изучение всех этих сложных проблем. Многие исследователи считают, что у евразийских кочевых племен складывались феодальные отношения, хотя при этом сохранялись многочисленные пережитки первобытнообщинного строя. При этом ученые, придерживающиеся этого взгляда, высказывают мнение, что в путях развития кочевых и оседлых обществ нет принципиального различия.[65]

Г. Е. Марков полагает, что обычно кочевым племенам свойствен строй военной демократии и что государственная организация появляется у кочевников лишь временно в «кочевых империях».[66] По мнению же С. А. Плетневой,

---

Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 189 сл.).

[65] Потапов Л. И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. — ВИ, 1955, № 6; Златкин И. Я. 1) К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. — ВИ, 1955, № 4; 2) А. Тойнби и историческая действительность. — В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971; 3) Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов. — НАА, 1973, № 1; Першиц А. И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов. — ВИ, 1955, № 11; Ерепов А. Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; Ильясов С. И. 1) О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии. — В кн.: Матер. объединенной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; 2) Земельные отношения в Киргизии в XIX—начале XX в. Фрунзе, 1963; Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965; Лашук Л. П. 1) О характере классообразования в обществах ранних кочевников. — ВИ, 1969, № 7; 2) Кочевничество и общие закономерности истории. — СЭ, 1973, № 2; Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. — СЭ, 1970, № 6; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

[66] Марков Г. Е. 1) Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии; 2) Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. — В кн.: IX МКАЭН, Доклады советской делегации. М., 1973.

государство у кочевников складывается лишь тогда, когда начинается процесс седентаризации.[67] А. И. Першиц полагает, что кочевники, развиваясь самостоятельно, могут лишь достичь раннеклассовых отношений, а последующее развитие в основном определяется их взаимоотношениями с соседними земледельческими обществами.[68]

Приведенные выше разногласия кочевниковедов по вопросу о возникновении государства у кочевников отнюдь не случайны. Они ясно показывают трудности решения вопроса об условиях образования государства у кочевников, о характере этих государств и главным образом — о критериях, которые должны быть положены в основу определения, какое объединение кочевников следует считать государственной организацией, а какое — всего лишь союзом племен (наиболее характерным для периода военной демократии типом организации, возникающим на родо-племенной основе). Следует отметить, что проблемы образования государства у оседлых земледельческих племен не породили столь противоречивых суждений и не вызвали таких ожесточенных споров. Для государственной организации Ф. Энгельсом установлены два характерных признака. Это разделение подданных по территориальным делениям, не связанным с делением родо-племенным, и, во-вторых, учреждение публичной власти, которая не совпадает непосредственно с населением, организующим себя как военная сила.[69] Однако применение этих критериев к кочевым обществам, как известно, весьма затруднено специфическими особенностями их экономического и социального уклада.

Для кочевников, не имеющих оседлых данников и не затронутых процессом седентаризации, вопрос решается относительно просто: они чаще всего консервируются на уровне военной демократии, на той стадии разложения родового строя, при которой сильная власть военачальников сочетается с существованием «общины равных» или с ее весьма стойкими пережитками. Сложнее обстоит дело

---

[67] Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142. с. 188 сл.

[68] Першиц А. И. К вопросу о саунных отношениях, с. 339; Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 237, 255 сл. (о возникновении даннических отношений в кочевническом обществе).

[69] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 170.

с кочевыми племенами, подчинившими себе оседлых данников-земледельцев. Однако нельзя считать, что наличие данничества или существование в обществе какой-либо другой формы эксплуатации может само по себе являться признаком государственной организации. Между появлением в обществе эксплуатации и образованием государственной организации проходит длительный промежуток времени, заполненный поисками наилучшей организационной формы орудия подавления эксплуатируемых эксплуататорами.[70] Государственная организация лишь венчает целый ряд менее удобных форм подавления, среди которых можно назвать, например, тайные общества примитивных племен и народов. Государственная организация представляет конечную форму — результат эволюции форм подавления эксплуататорами эксплуатируемых, окончательно порвавшую с родо-племенными отношениями, противопоставившую им себя, что было бы совершенно невозможным для предшествующих форм, связанных с этой родо-племенной организацией и поэтому в конечном счете обреченных на исчезновение.

В русле решения этих вопросов тезис, выдвинутый С. А. Плетневой, согласно которому только определенный уровень седентаризации в том или ином кочевом обществе создает в нем стойкие государственные формы,[71] представляется весьма убедительным. Однако совершенно неясно, как обстоит дело в том случае, когда кочевники, находящиеся на стадии военной демократии, покоряют и облагают данью оседлое земледельческое население, у которого уже сложилась государственная организация. Возможно ли рассматривать такое сложившееся в результате завоевания объединение кочевников и оседлых земледельцев как единое целое и признать его государственным образованием? Как следует определять уровень развития данного общества — по уровню завоевателей или по уровню завоеванных, т. е. по наиболее развитому или наиболее отсталому компоненту этого единства?[72] Или же в пределах этого объединения следует

[70] Там же, с. 108.

[71] Плетнева С. А. Указ. соч., с. 191.

[72] Естественно, речь идет лишь о таком случае, когда завоевание не приводит к ликвидации у побежденных более развитых племен их государственной организации, как это имело место, например, в древней Греции при «дорийском» завоевании (см.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис, с. 13 сл.).

рассматривать кочевников и оседлых как отдельные общины и таким образом признать, что в пределах определенного социального единства одновременно существует у одних — первобытнообщинный строй, а у других — государственная организация, хотя они, как илоты и спартанцы, плебеи и патриции, являются в то же время единым общественным организмом? Как представляется, судить об уровне развития такого рода социальных организмов следует по уровню того компонента, который достиг более высокой ступени развития — в данном случае по уровню оседлых земледельцев, достигших уровня государственности. Но как же обстоит дело в том случае, когда такое объединение распадалось и оба социальных компонента, его составлявших, оставались при распаде на своих исходных уровнях: кочевники — на уровне военной демократии, оседлые — на уровне государственности? Видимо, в этом случае прав Г. Е. Марков, считающий такого рода образования явлением временным.[73] Однако его точку зрения можно принять только с известной поправкой: государственными образованиями можно считать лишь такие созданные кочевниками «державы» или «империи», в состав которых в качестве данников входили оседлые народы, уже достигшие уровня государственности.

Таким образом, представляется возможным проследить у кочевников два вида государственных образований: первый вид — государства, возникшие в связи с «нормальным» ходом развития и являющиеся результатом социального расслоения, протекающего у кочевников в силу специфических особенностей кочевого скотоводческого хозяйства крайне медленно, с частыми скачками назад (так называемая «варваризация»), с непременным процессом седентаризации, являющейся результатом имущественной дифференциации. В этом случае речь идет об обычном пути образования государства, отличающемся от подобных процессов в оседлых обществах лишь крайней замедленностью темпов. В таких политических образованиях создаются прочные, стойкие формы государственных организаций, соответствующие общему уровню социального развития данной эпохи.[74] Второй вид — госу-

[73] Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, с. 72.

[74] Плетнева С. А. Указ. соч., с. 188 сл.

дарственные образования, являющиеся «искусственным» результатом покорения кочевниками, стоящими на уровне первобытнообщинного строя, оседлых народов с более или менее развитыми формами государственности. В таком случае эти государственные образования имеют временный, непрочный характер и при их распаде кочевники «возвращаются» к уровню первобытнообщинного типа отношений, если у них самих процесс седентаризации не создал условий для появления государственных форм. Таким образом, пути развития государств кочевников в значительной мере определялись не только первоначальными условиями их образования, но и главным образом — отношением кочевников-завоевателей к тем или иным слоям оседлого населения в момент самого завоевания.[75] Как известно, роль кочевых обществ в историческом процессе была весьма значительна, и в той борьбе, которая шла между цивилизованными рабовладельческими центрами и варварской периферией, имевшей большое значение на протяжении всего периода древней истории, кочевники представляли собой наиболее динамическую силу, своего рода авангард варварского мира. В первую очередь это можно объяснить тем обстоятельством, что из всей массы варварских племен именно кочевые племена в силу своей зависимости от продукции земледельческих обществ подвергались наибольшей эксплуатации со стороны цивилизованных рабовладельческих центров.[76] Зачастую кочевники выступали в роли «санитаров», оздоровлявших социальные устои того или иного региона. Набеги, нашествия и завоевания кочевников были своего рода «проверкой на прочность» отдельных оседлых обществ и государств. Так, в частности, борьба с кочевниками безусловно способствовала многим изменениям в военном деле для оседлых обществ, увеличивая удельный вес конницы в армиях «цивилизованных» стран, содействуя формированию у оседлых народов военного сословия

---

[75] Там же.

[76] В ситуации, когда кочевое общество не имело оседлых данников, торговый баланс кочевников складывался неблагоприятно для них, поскольку, пользуясь большой заинтересованностью кочевников в товарах оседлого земледельческого производства, оседлое население навязывало им торговлю в своих интересах.

всадников[77] и в определенном смысле, если так можно выразиться, «варваризируя» военное дело у народов «цивилизованных».[78]

В силу соображений, изложенных выше, о скифском обществе и государственном устройстве без учета всех материалов, которые известны кочевниковедам, судить с большей или меньшей достоверностью невозможно. При этом представляется весьма справедливым замечание Э. А. Грантовского, что «историко-этнографическими параллелями нельзя доказывать, как *должно* было быть у скифов, а можно лишь подтверждать, что *могло* быть так, как предлагается трактовать источник по независимым данным».[79] Э. А. Грантовский, критикуя построения ряда скифологов, показывает, как увлечение кочевническими параллелями приводит к прямо противоположным выводам. Но все же, как представляется, нельзя забывать, что скифы, о которых рассказывает Геродот, были в основе своей народом кочевым (Геродот прямо называет их номадами — IV, 19, 46), и нет никаких оснований рассматривать их вне закономерностей развития, присущих кочевническим обществам.[80] Однако не подлежит сомнению, что решение всех этих проблем следует строить на комплексном исследовании имеющихся источников. При этом, как справедливо отмечает Э. А. Грантовский, именно некритическое восприятие текста, отсутствие источниковедческого анализа, терминологическая неточность сразу же приводят к коренным расхождениям в социологических выводах (равно как и в других). Столь же серьезным условием для правильного понимания «социального содержания» отдельных отрывков из Геродота явля-

---

[77] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 111.

[78] Так, например, одной из причин «варваризации» римской армии начиная с III в. до н. э. была необходимость борьбы с «булавочными уколами» — весьма чувствительными, однако, — постоянных набегов варварской конницы на римские пограничные области (см.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Л.; М., 1937, с. 287 сл., 328 сл.).

[79] Грантовский Э. А. Указ. соч., с. 152.

[80] Э. А. Грантовский (там же), критикуя построения А. М. Хазанова, сам же указывает на отсутствие у него сравнительного этнографического и этимологического материала, содержащегося в осетинских и индоиранских данных и сохранившего реалии социального строя и культуры кочевой эпохи в истории предков осетин и других племен индоиранского круга.

ется уяснение не только занимаемого ими места в самом контексте, но и смысловой связи этих отрывков с другими главами, где речь идет об этнографических особенностях, присущих скифам. Вполне допустимо, что это недостаточно ответственное отношение к тем возможностям, какие могут предоставить античные источники при полном источниковедческом понимании этих возможностей, отмеченное Э. А. Грантовским,[81] явилось серьезным основанием для появления всех разноречивых решений по ряду коренных вопросов современной скифологии.[82] Возможно, что именно с источниковедческими просчетами связано и то обстоятельство, что большинство обобщающих работ о скифах, рассмотренных ранее, принадлежащих перу ведущих скифологов, носит научно-популярный характер. Этот жанр дает возможность ученым высказывать выношенные ими взгляды, положения и гипотезы, не подкрепляя их аргументацией, построенной на серьезном источниковедческом анализе. В этих работах нередко содержатся гипотетические положения и допущения, которые благодаря научному авторитету их авторов часто служат в дальнейшем опорой для построений исследователям, уже не критически воспринимающим высказанные ранее остроумные гипотезы.

---

[81] Там же.

[82] Яценко И. В., Раевский Д. С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы. — НАА, 1980, № 6, с. 95.

Глава 3

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СКИФОВ ПО СКИФСКОМУ РАССКАЗУ ГЕРОДОТА

Свидетельства, оставленные Геродотом относительно религии скифов, их божеств и религиозных обрядов, весьма ограниченны. Однако в сочетании с археологическими памятниками (которые, правда, различными исследователями толкуются не всегда однозначно) для ученых представляется возможность с большей или меньшей степенью достоверности восстановить и идентифицировать пантеон скифских божеств. С. А. Жебелев, рассматривая этот вопрос в статье «Геродот и скифские божества»,[1] высказал чрезвычайно скептическое отношение к точности звучания переданных Геродотом скифских слов вообще и имен богов в частности. Он исходил не только из тех соображений, что передача звуков даже знакомого, но чужого языка (а Геродот, несомненно, скифского языка не знал) обычно бывает крайне несовершенной, но также из того, что «осведомителями» Геродота о скифских божествах и их функциях могли быть либо ольвийские греки, либо проживавшие в Ольвии скифы, владевшие греческим языком настолько, что они умели объяснить все, что касалось их религии. Наконец, замечает С. А. Жебелев, «допустим и то, что Геродот объяснялся со скифами посредством переводчиков — греков (Hdt., IV, 24)».[2] Несомненно, что Геродот, кем бы ни были его осведомители, только от них мог получить сведения об именах скифских богов, о той иерархической лестнице, которая существовала в скифском пантеоне, о функциях каждого из божеств и даже об обрядах, присущих скифским культам. Но сопоставление скифских божеств с греческими, как полагает С. А. Жебелев, принадлежит самому Геродоту,[3] который должен был дать осмысление «природе» скифских божеств прежде всего потому, что он писал не для скифов, а для эллинов и желал «дать им рассказ не только занимательный, но и понятный». Прием сопостав-

[1] Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Сб. статей. М.; Л., 1953, с. 29 сл.
[2] Там же, с. 30.
[3] Там же, с. 31.

ления чужеземных богов с греческими для Геродота как автора весьма характерен (например, в его рассказе о египетском путешествии, где он главным образом руководствовался сходством функций того или иного божества или сходством названий). Судя по всему, в отношении к божествам скифским он прибегнул к такому же приему.[4]

Вот что сообщает Геродот о скифских богах:

«Богов они умилостивляют только таких: больше всего Гестию, кроме того Зевса и Гею, полагая, что Гея — жена Зевса, после них — Аполлона и Афродиту Уранию и еще Геракла и Ареса. Этих богов почитают все скифы. Скифы же, которых называют царскими, приносят жертвы также Посейдону. Гестия у скифов называется Табити, Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир, Афродита Урания — Аргимпаса, Посейдон — Тагимасад. Они не воздвигают ни изображений, ни алтарей, ни храмов никому из богов, кроме Ареса. Ему же они воздвигают» (IV, 59, 1—2). И хотя его сообщения достаточно кратки, по справедливому замечанию М. И. Артамонова, изучение скифской религии все же находится в значительно лучшем состоянии по сравнению с религиями других культур, носители которых не знали письменности.[5] Геродот зафиксировал, пусть в недостаточно точной передаче, звучание имен главных божеств скифского пантеона и дал характеристику их функций, пусть даже исходя из параллелей в древнегреческой религии. М. И. Артамонов, принимая первую часть положения С. А. Жебелева о том, что рискованно было бы при разъяснении сущности скифского пантеона исходить только из сопоставления скифских божеств с греческими, решительно возражает против того, что «скифские религиозные верования в эпоху их сложе-

---

[4] Ср.: Бессонова С. С. Религиозные представления населения степной Скифии. Киев, 1979, с. 7. Автор высказывает соображение, что само сопоставление скифских божеств с греческими «вряд ли принадлежало Геродоту», но не учитывает того обстоятельства, что у Геродота была хорошо разработанная система изложения собранных им сведений, а сравнение известного с неизвестным, объяснение его этим путем, привлечение параллелей — все это любимые приемы Геродота (см.: Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 168).

[5] Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. — АСГЭ, 1961, № 2, с. 57.

ния вряд ли могли иметь что либо общее с греческими».[6] М. И. Артамонов полагает, что общие для всех народов истоки религии, заключавшиеся в чувстве подавленности и зависимости человека от непонятных ему стихийных сил природы, «приводила в общем и целом к исходным формам религиозных верований и культов».[7]

По мнению М. И. Артамонова, греческий политеизм с его развитым пантеоном божеств не мог идти в сравнение с примитивной религиозной системой скифских верований, но поскольку в свое время греческая религия прошла через эти же примитивные представления о главных обожествленных силах природы, греческие боги, с которыми Геродот сопоставляет скифских, могут дать определенное представление о скифских божествах и их функциях. В. И. Абаев также отмечает, что хотя интерпретация Геродотом скифских божеств на свой греческий лад может иметь лишь приближенное значение, «поскольку полного типологического тождества между греческой и скифской религией не могло быть», однако для суждения об общей «структуре» скифского пантеона показания Геродота можно считать вполне надежными.[8]

Известно, что среди семи главных божеств скифского пантеона были три богини — Табити, Апи и Аргимпаса. М. И. Ростовцев, занимавшийся вопросами религии скифов главным образом в аспекте приобщения верующего к божеству или вручения ему царской власти,[9] отмечал, что то обстоятельство, что наиболее почитаемым божеством является Табити (Гестия), стоящее во главе скифского пантеона женское божество, явно свидетельствует о некогда существовавшем в скифском обществе матриархате, реминисценцией которого и являлись три скифских богини.[10] С. А. Жебелев также считает, что помещение Табити во главе скифского пантеона имеет существенное значение как бесспорное указание на существовавший некогда у скифов матриархат.[11] В этом вопросе среди ис-

[6] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 36 сл.

[7] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 58.

[8] Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов. — В кн.: Древний мир. М., 1962, с. 445.

[9] Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 1913, вып. 49, с. 14.

[10] Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пгр., 1918, с. 73, 124, 170.

[11] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 34.

следователей царит редкое в скифологии единодушие. Это специально отмечают и М. И. Артамонов,[12] и В. И. Абаев,[13] и Б. Н. Граков.[14]

Итак, на первом месте у скифов среди божеств стояла Табити (Гестия, Гистия), «царица скифов» (IV, 127, 4). Величайшей клятвой у скифов считалась клятва «царскими Гистиями» (IV, 68, 2). С. А. Жебелев высказывал недоумение в отношении множественного числа этих Гистий,[15] тем более, что, согласно сообщениям Геродота, никаких изображений богов скифы не воздвигали. С. А. Жебелев прямо говорит: «Истинная сущность Табити остается для меня неясною».[16] Однако большинство исследователей видит в Табити богиню очага, домашнего или же царского (отсюда и «священная клятва»). М. И. Артамонов считает, что в образе богини Табити воплощалось представление не только о домашнем очаге и семейной или родовой общности, но и о единстве всего племени, единый культ которого связывался с царским домом (его очагом). Он подчеркивает, что именно этой связью с цар-

[12] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 87.

[13] Абаев В. И. Указ. соч., с. 448.

[14] Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 100 сл.; Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. О структуре скифского мира. М., 1977; Мачинский Д. А. Пекторали из Толстой могилы и великие женские божества Скифии. — В кн.: Культура Востока. Древность. Раннее средневековье. М., 1978.

[15] Л. А. Ельницкий (Из истории древнескифских культов. — СА, 1960, № 4, с. 59) множественное число Гистий объясняет незавершенностью объединения множественных племенных и родовых покровительниц домашнего очага — Гестий. Д. С. Раевский (см.: Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 107) полагает, что объяснение множественного числа царских Гестий следует искать в индийском материале, где Агни воплощается не в едином огне, а в нескольких, связанных с трехчленным делением зон мироздания. Воплощением этих зон являются и три золотых предмета, упавшие с неба, согласно одной из скифских легенд, переданных Геродотом. Их свойство воспламеняться при приближении человека свидетельствует о связи с небесным огнем. Эти предметы были у скифов почитаемой святыней. Именно в них Д. С. Раевский и видит «царских Гестий», которыми клянутся скифы, приносящие нерушимую священную клятву.

[16] С. А. Жебелев (указ. соч., с. 33) высказывал предположение, что «царские Гистии» могли представлять собой какие-то священные предметы, фетиши, имевшие отношение к царскому очагу; в числе их могла быть и золотая чаша, упавшая с неба при сыновьях первого человека на скифской земле — Таргитая.

ским домом и следует объяснять представление о Табити-Гестии как о «царице скифов» и верховной богине всего скифского племени.[17] В этом отношении она по своим функциям напоминала действительно древнегреческую богиню очага Гестию, которая, однако, была покровительницей очага и гражданской общины, и каждого дома в отдельности, но все же не занимала столь важного места в древнегреческой религии.[18] М. И. Артамонов, понимая это, объясняет ведущую роль Табити примитивностью социальных отношений у скифов.[19] Л. А. Ельницкий предлагает видеть в скифской Табити (Гестии) нечто вроде Τύχη эллинской эпохи,[20] в особенности сближая ее с Τύχη βασιλεία (Strab., XII, 3, 31). В. И. Абаев считает возможным сопоставить имя Табити с древнеиранским словом, означающим «согревательница», безусловно связанным с огнем и очагом, которые у древних являлись предметами священными или связанными с определенным божеством.[21] С. С. Бессонова отмечает, что усиление культа богини Табити было связано вполне закономерно с формированием государственности в Скифии и усилением роли царя в качестве не только военного, но и сакрального главы объединенных под его властью скифских племен.[22]

Как справедливо отметил Б. Н. Граков,[23] скифское искусство, сумевшее прекрасно развить скифский звериный стиль, с трудом выходило из примитивного состояния в случае, когда дело касалось антропоморфных изображений. С V в. до н. э. спрос на антропоморфные изображения усиливается, но изображение человека появляется главным образом на предметах вооружения и быта, изготовленных греческими мастерами, приспособившимися, несомненно, к вкусам своих потребителей — варваров. Отсюда и некоторая склонность к «варваризации» стиля, проявлявшаяся даже в работах искусных греческих юве-

---

[17] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 58 сл.
[18] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 34.
[19] Артамонов М. И. Антропоморфные божества...
[20] Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов, 50 сл.
[21] Абаев В. И. Указ. соч., с. 448.
[22] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 8.
[23] Граков Б. Н. Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 7.

лиров, которые, по мнению Б. Н. Гракова, зачастую отражали в сюжетах своих композиций на скифские темы не только чисто бытовые сцены, но и элементы мифологических скифских сказаний.[24] Эта мысль Б. Н. Гракова, что в ряде случаев (в частности, на куль-обском и воронежском сосудах) изображены сцены не столько бытовые, сколько эпического (мифологического) содержания, была поддержана рядом исследователей, а некоторыми из них (сторонниками чисто «биографического» содержания) высказаны даже весьма неоправданные умозаключения, при проверке не выдерживающие критики.[25] Еще М. И. Ростовцев отмечал, что на сосудах с округлым туловом, которые, по его мнению, служили исключительно ритуальным целям,[26] вряд ли уместным было изображение сцен сугубо бытового характера. К мифологическому толкованию изображений на упомянутых сосудах в своих последних работах пришел М. И. Артамонов.[27] Однако особенно тщательному анализу подверг эти (и сходные с ними) сцены в своей работе Д. С. Раевский, давший чрезвычайно развернутое, но далеко не всегда достаточно аргументированное толкование сюжетам, помещенным на фризах, украшающих Куль-Обскую, Воронежскую, Чертомлыцкую вазы, сосуд, найденный в Гайматовой могиле, и др. Общее суждение о взглядах Д. С. Раевского будет приведено в конце настоящей главы, поскольку его книга представляет своего рода итог всего того, что было сделано учеными в области выявления религиозных представлений скифов, и в то же время попытку автора подойти к этому вопросу со своими особыми критериями, названную им «опытом реконструкции скифской мифологии».[28]

---

[24] Там же, с. 8; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 12 сл.

[25] Брашинский И. Б. Сокровища скифских царей. М., 1967, с. 36 сл.; ср.: Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.; Л., 1965, с. 250; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 10.

[26] Ростовцев М. И. 1) Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре, с. 10; 2) Воронежский серебряный сосуд. — Матер. по истории России, 1914, № 34, с. 83.

[27] Артамонов М. И. 1) Сокровища скифских курганов в собраниях Гос. Эрмитажа. М.; Прага, 1966, с. 61; 2) Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 117.

[28] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 13 сл.

Кроме богини Табити, именовавшейся «царицей скифов», среди женских божеств значительное место занимала богиня Апи, которую одни исследователи вслед за Геродотом (IV, 59, 2) склонны сопоставлять с богиней земли (греческой Геей),[29] а другие полагают, что легенда о соединении неба с водой, а не с землей, представляется стойкой мифологической традицией у скифов[30] и что авестийское слово «ар» («вода») дает возможность сблизить эту скифскую богиню с представлением о союзе неба и воды.

С. С. Бессонова отмечает, что Апи наряду с Табити является одним из древнейших и наименее персонифицированных божеств скифского пантеона. Имя этой богини находит аналогии во многих индоевропейских языках и связано с представлением о влажной земле, являющейся источником зарождения жизни.[31]

Третье женское божество скифского пантеона — Аргимпаса, по свидетельству Геродота (IV, 59, 2), является богиней плодородия, сходной по своим функциям с Афродитой Уранией древних греков. Геродот даже приводит сохранившуюся легенду о том, что скифы во время своих походов разграбили и осквернили святилище этой богини, находившееся в Аскалоне (IV, 59, 2).

Как полагает М. И. Артамонов, все эти богини по мере развития и расширения религиозных представлений скифов выделились из одного древнейшего женского божества, воплощавшего в себе и культ домашнего очага, огня, идею жизни и размножения, божества, покровительствующего стадам, диким и домашним животным.[32] Именно такую исходную точку имели все три скифские богини, тесно связанные между собой общностью своих функций, но получившие особую «специализацию» по мере развития религиозных представлений скифов и вычленения отдельных антропоморфных божеств, наделенных определенными функциями, но все же связанных

[29] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 33. С. А. Жебелев специально указывает, что на умозаключение Геродота по поводу адекватности богини Апи греческой Гее могла натолкнуть легенда, где в числе предметов, упавших на землю, упоминается плуг. См. также: Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 59, 71.

[30] Абаев В. И. Указ. соч., с. 449. Ср.: Hdt., IV, 5.

[31] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 8.

[32] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 71.

между собой. Поэтому вполне закономерным можно считать сближение Аргимпасы — Афродиты Апатуры с Деркето (полуженщиной-полурыбой), которой и принадлежало осквернённое скифами святилище в Аскалоне (Diod., II, 4). Связь эта прослеживается и в рассказе Геродота о змееногой деве Ехидне (IV, 9), которая является родоначальницей скифов, согласно легенде, и одновременно — богиней, властвующей над землей, водами и зверями подобно малоазийской Кибеле.[33] Некоторые исследователи отождествляли Аргимпасу с богиней Луны.[34]

Что касается богини Кибелы, то, по-видимому, М. И. Артамонов прав, отмечая, что именно влияние культа Кибелы, занесенного из Малой Азии ионийскими греками, хорошо прослеживается в составе скифских звериных изображений и не могло не наложить свой отпечаток на иконографию скифских божеств.[35] Прежде всего, это сказывается в изображениях змееногого божества, которое весьма распространено в скифской иконографии на самых различных предметах, что весьма ярко демонстрирует следы заимствования характерных для малоазийской богини признаков. Именно на примере этого божества ясно проявляется характерная, с точки зрения М. И. Артамонова, для скифской религии черта, которая свидетельствует о том, что, с одной стороны, антропоморфный образ божества уже оторвался от образа зверя, а с другой — еще не вытеснил образа животного, не утратившего своего культово-магического значения. Нельзя не отметить, однако, что среди исследователей нет единого мнения в толковании изображений скифских богинь, встречающихся на бляшках, которыми расшивалась одежда и пояса богатых скифов, на рельефах, украшающих сосуды, или пластинах, составляющих часть головного убора, на конских

---

[33] Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России, с. 73 сл., 124 сл.; Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии местных и греческих культов в Северном Причерноморье. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 65 сл.; Ельницкий Л. А. 1) Из истории древнескифских культов, с. 49 сл.; 2) Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 97.

[34] Bonnell E. Beitrage zur Alterthumskunde Russlands. SPb., 1882; Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности. — Зап. Отд-ния русской и славянской археол. Русского археол. о-ва, 1887. т. IV, с. 180.

[35] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 72.

налобниках. Наиболее распространенный вариант изображения: богиня сидит в фас, на голове ее остроконечный головной убор со спускающимся на плечи покрывалом. Композиции встречаются весьма разнообразные. Иногда возле богини с одной стороны находится жертвенник, а с другой — стоящая мужская фигура, в руках у которой ритуальный сосуд.[36] Изображение подобного рода было обнаружено на золотой бляшке, найденной в Чертомлыцком кургане. Иногда за спиной богини стоят двое мужчин в скифских одеждах. Один из них держит в руках ритуальный сосуд с округлым дном, второй принимает из рук божества ритон. Эта сцена помещена на золотой треугольной пластине, украшавшей головной женский убор (подобный же убор украшает голову самой богини, изображенной на пластине). Пластина была найдена при раскопках кургана Карагодеуашх.[37]

Большая часть ученых в этих двух изображениях богини с предстоящими перед ней скифами и ритуальными сосудами в руках усматривает богиню Табити.[38] Исключение составляет М. И. Ростовцев, который полагает, что «здесь представлена богиня, приобщающая к власти, а, может быть, к себе, молодого скифа».[39] Богиней он считал не Табити, а сирийскую Анахиту или иранскую Иштар (Астарту), которая послужила основой греческого представления об Афродите Урании и в Северном Причерноморье весьма рано слилась в общем с ней культе. Как развернутую сцену жертвоприношения богини Табити толкует М. И. Артамонов и композицию на пластинке от головного убора, обнаруженной в окрестностях дер. Сахновки и опубликованной А. А. Миллером,[40] которую вопреки мнению некоторых исследователей считает

---

[36] Там же, с. 59, рис. 2; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, табл. XIII, в.

[37] Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре, с. 14; Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 60, рис. 3; Граков Б. Н. Скифы, табл. XIII, д.

[38] Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, вып. II, с. 44; Артамонов М. И. Антропоморфные божества...; Граков Б. Н. Скифы.

[39] Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре, с. 44.

[40] Miller A., Mortillet A. Sur un bandeau en or avec figures scythes decouvert dans un Kourgan de la Russie Meridionall. — L'homme prehistorique, 1904, 9, p. 273.

подлинной.[41] М. И. Артамонов возражает М. И. Ростовцеву, толкующему однозначно эти сцены как приобщение к власти или к самой богине, указывая, что жертвоприношения и вкушение жертвенной пищи во всех религиях играет значительную роль и вовсе не обязательно должно связываться с наделением самим божеством царской властью всякого верующего, исполняющего этот обряд.[42] Принадлежностью культа богини Табити Артамонов считал глиняные цилиндрические жертвенники, поверхность которых украшена концентрическими кругами (символизирующими с древнейших времен огонь и солнце).[43] Б. Н. Граков полагал, что глиняные имитации зерен, обнаруженные Л. А. Шрамко при раскопках зольного слоя культового места на городище Караван,[44] равно как и лепешки, сделанные из глины с примесью муки и неразмолотых зерен, представляют собой культовые приношения на алтарь богини Табити.[45]

Изображением богини Апи считает Б. Н. Граков женскую фигуру, выполненную в чрезвычайно примитивной манере, увенчивающую навершие, обнаруженное в Александропольском кургане.[46] С. И. Руденко видит изображение богини Апи (или же Табити) в женской фигуре с ветвью в руках, сидящей на троне с предстоящим перед ней всадником, вытканной на войлочном настенном ковре, найденном в V Пазырыкском кургане.[47] М. И. Артамонов,[48] сравнивая эту сцену с изображением богини, сидящей на троне с ритуальным сосудом в руках, и стоящего возле нее бородатого всадника, сохранившимся на обломках ритона из кургана Мерджаны (на Кубани), полагает, что, хотя эти памятники происходят из областей, нахо-

---

[41] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 61, рис. 4.

[42] Там же.

[43] Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 100.

[44] Шрамко Л. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья. — СА, 1957, № 1, с. 148.

[45] Граков Б. Н. Скифы, с. 144 сл.

[46] Там же, с. 83, табл. XII.

[47] Руденко С. И. 1) Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952, с. 246; 2) Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968, с. 58, рис. 47; ср.: Phillips E. D. The Argippaei of Herodotus. — Art. A, 1960, XXIII, vol. 1, p. 127. По мнению Филлипса, это изображение богини Аргимпасы.

[48] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 62 сл., рис. 6 и 7.

дящихся за пределами собственно Скифии, и созданы в иной художественной традиции, нет никаких оснований относить эти изображения к кругу восточных божеств (Анахите или Иштар), как это делает Ростовцев. Напротив, в пользу местной иконографии богинь говорят их своеобразный облик, одежда и головной убор. Изображением Аргимпасы многие исследователи считают женское божество, сидящее на троне с зеркалом в руках, перед которым стоит мужчина в скифской одежде, пьющий из ритуального сосуда (ритона).[49] Как указывалось выше, Аргимпасой считает вытканную на пазырыкском настенном ковре богиню Филлипс.[50] Однако Д. С. Раевский предлагает видеть в зеркале как атрибуте богини и мужчине, пьющем из священного сосуда, указание на то, что здесь вытканa сцена бракосочетания царя с богиней, а поскольку «царицей скифов» у Геродота названа Табити, то Раевский полагает, что и на бляшке из Чертомлыцкого кургана изображен обряд бракосочетания божества со скифским царем.[51] В таком же смысле Д. С. Раевский толкует и остальные изображения богини с зеркалом, полагая, что они иллюстрируют важный момент скифской мифологии — бракосочетание младшего сына Таргитая, родоначальника скифов Колаксая, с богиней Табити.[52] В том же плане бракосочетания (а не жертвоприношения) рассматривается Д. С. Раевским и вся композиция на пластинке от головного убора из раскопок Геезе в кургане возле дер. Сахновки.[53] Д. С. Раевский видит здесь полный набор всех необходимых для брачной церемонии атрибутов — жертвоприношение, побратимство, музыкальное сопровождение, ритуальные сосуды у коленопреклоненного царя и сидящей на троне богини. Таким образом, Д. С. Раевский, не сомневаясь в подлинности сахновской композиции,[54] известной лишь по зарисовке, восстанавливает весь церемониал сакрального венчания между божеством и смертным (в данном случае уже не юношей, а зрелым бородатым мужем,

---

[49] Там же, с. 59, рис. 1.
[50] Phillips E. D. Op. cit., p. 127.
[51] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 98 сл.
[52] Там же, с. 100.
[53] Miller A., Mortillet A. Op. cit., p. 273 sq.
[54] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 18.

царем вообще). Этот ритуал, подтверждавший и укреплявший веру в божественность царской власти, Д. С. Раевский реконструирует для скифского религиозного мировоззрения, основываясь на изложенном выше истолковании им сцен на бляшках, обнаруженных в скифских курганах.[55] Предложенное Д. С. Раевским истолкование вызвало возражение Ю. Г. Виноградова, который не согласен с исходными пунктами, положенными Раевским в качестве основы для истолкования сцен с богиней с зеркалом в руках и предстоящим скифом.[56] Д. С. Раевский исходит из того, что зеркало в руках богини является символом брачного обряда у многих индоиранских народов. Ю. Г. Виноградов отмечает, что зеркало может служить не только символом бракосочетания, но связано также и с культом плодородия. Кроме того, в адекватных сценах в руках богини находится не зеркало, а ритон или округлый сосуд. С точки зрения Ю. Г. Виноградова, толкование сюжетов с изображением богини и предстоящим скифом как обряда бракосочетания недостачно аргументировано, поскольку на одном лишь атрибуте богини (зеркале) неправомерно строить подобную гипотезу. Высказанные Ю. Г. Виноградовым возражения представляются достаточно серьезными.

Артамонов видел в зеркале главный атрибут богини Аргимпасы,[57] указывающий на ее связь с Афродитой, с которой ее и сопоставлял Геродот в своем рассказе о скифском пантеоне (IV, 59, 1). Как известно, культ богини Афродиты (Урании и Апатуры) был весьма широко распространен в греческих колониях Северного Причерноморья. Известно также, что на Таманском полуострове находилось святилище этой богини, называемое Апатуром.[58] Несомненно, что культ популярной у греков богини не мог не оказать влияния на культ и атрибуты сходного с ним по функциям скифского божества — Ар-

---

[55] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 101.

[56] Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. — СА, 1980, № 3, с. 101 сл.

[57] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 64.

[58] Харко Л. П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. — КСИИМК, 1946, вып. XIII, с. 137 сл.; Иванова А. П. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре (образ Афродиты в боспорском искусстве). — ВДИ, 1950, № 3, с. 104 сл.

гимпасы. Правда, образ Аргимпасы еще осложнился в скифской иконографии атрибутами хтонического божества — змееногой богини земли и праматери скифов Апи. Как полагают исследователи, соединение этих атрибутов воплощено в чрезвычайно распространенных изображениях фантастического змееногого существа с туловищем и головой женщины. Иногда эти змеиные извивы ног переходят в растительный орнамент, иногда они заканчиваются головками львиных грифонов или змей. Изображение этого существа помещалось на бляшках (курганы Куль-Оба, Большая Близница и др.). Им украшены сосуды (чертомлыцкое блюдо), конская сбруя (палобники из кургана Цимбалка).[59] В образе этого божества особенно ясно вырисовывается характерная для скифской иконографии черта — тесная связь недавно появившихся антропоморфных изображений богов с магическо-тотемистическим скифским звериным стилем.

С. С. Бессонова особо отмечает, что в скифских полиморфных змееногих существах соединены схема женщины — мирового древа и владычицы зверей. В них находит отражение идея последовательных воплощений всего живого (растения, змеи, птицы, звери, человек), которая во многих мифологических системах связана с образом мирового древа и змея.[60]

Главным божеством мужского рода был владыка и родоначальник скифов бог Папай, которого Геродот сближает с Зевсом (IV, 5, 1; 127, 4). Среди скифских олимпийцев он занимает главное место, следом за Табити, наряду с Апи, богиней земли и супругой Папая.[61] С точки зрения С. А. Жебелева,[62] Геродот не случайно отмечает, что «по его (Геродота) мнению (IV, 59), совершенно правильно Папаем скифы называют своего Зевса, стоящего во главе прочих богов (кроме Табити). Это имя ассоциировалось у Геродота с гомеровским Πάππας (Ил., V, 408; Од., VI, 57). Действительно, у Гомера Зевс именуется «отцом», а в своей «Теогонии» Гесиод именует его «отцом богов и людей». Кроме того, по мнению

---

[59] Артамонов М. И. Антропоморфные божества... с. 66 сл., рис. 9—11; Граков Б. Н. Скифы, табл. XIV, а.

[60] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 18.

[61] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 74 сл.

[62] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 32.

С. А. Жебелева,[63] на сопоставление бога Папая с Зевсом Геродота могла натолкнуть и передаваемая им легенда о Таргитае (IV, 5), своего рода скифском Адаме, которого в этом варианте легенды скифы называли сыном Зевса и дочери Борисфена, хотя сам Геродот относится к легенде с недоверием. «Непонятно только, — пишет А. С. Жебелев, — чему он не доверяет: тому ли, что Таргитай произошел от Зевса и дочери Борисфена, или только тому, что матерью Таргитая была дочь Борисфена. Скорее — последнее».[64]

Что касается самого бога Папая, то сопоставление его с Зевсом, которое мы встречаем у Геродота, дало исследователям все основания считать его персонифицированным божеством неба и солнца, главой скифского пантеона.[65] Изображение бога Папая многие ученые усматривают на рельефе, которым украшены обломки ритона из упоминавшегося уже кургана Карагодеуашх. Изображены два противостоящих друг другу всадника с непокрытыми головами и длинными волосами. У левого, бородатого (лицо правого всадника не сохранилось) в одной руке длинное копье, в другой — ритон. Рука второго всадника поднята жестом адорации, обращенным к всаднику, находившемуся в левой стороне композиции. Скифская одежда обоих богато расшита бляшками, украшающими как кафтаны, так и длинные штаны. На ногах — мягкие скифские сапоги, перевязанные у щиколотки. Под ногами спокойно стоящих коней лежат два обезглавленных тела. Вся композиция завершается на заднем плане изображением дерева с широкими листьями. Ниже этой сцены идет фриз, изображающий летящих или ловящих рыбу уток, еще ниже, на сужающейся части ритона, — пояс растительного орнамента в виде пальметок. По мнению ученых, глава скифского пантеона представлен мужской фигурой, являющейся центральным украшением знаменитого литого навершия грубой (явно местной) работы, найденного в кургане на Лысой горе возле Днепро-

---

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 176; Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре, с. 5 сл.; Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 74 сл., рис. 48; Граков Б. Н. Скифы, с. 82 сл.

петровска. Это массивное коническое навершие, увенчанное обнаженной фигурой бородатого божества, окружено четырьмя изогнутыми вверх, отходящими от центрального стержня отростками, по внешней и внутренней стороне которых расположены фигурки четвероногих животных (скорее всего, хищников). Каждый из четырех литых отростков заканчивается фигуркой птицы с распростертыми крыльями и головой грифона на длинной шее. Такая же птица помещена и на голове самого божества. Таким образом, оно оказывается окруженным летящими птицами. К клювам грифоньих голов, к концам крыльев и птичьих хвостов на длинных цепочках подвешены колокольчики и круглые пластинки, издававшие громкий звон при движении жезла, который был украшен этим навершием. Это был, по-видимому, и символ власти, и магический предмет, игравший роль оберега или талисмана, отгонявшего злых духов от владельца жезла, имевшего подобное навершие.[66] М. И. Артамонов вслед за М. И. Ростовцевым специально подчеркивает живучесть культа конного божества для Боспора, в особенности там, где его изображение было чрезвычайно распространено и прослеживается вплоть до III в. н. э.[67] Д. С. Раевский[68] склонен видеть в статуэтке бородатого бога на навершии из-под Днепропетровска Таргитая-Геракла, первого царя и родоначальника скифов. Того же мнения он придерживается в отношении изображения конного бога на ритоне из кургана Карагодеуашх.

С. С. Бессонова полагает, что навершие из урочища Лысая гора под Днепропетровском, изображающее мировое дерево со всеми присущими ему атрибутами, известными в индоевропейской мифологии, увенчано фигуркой бога Папая.[69]

В числе мужских божеств, кроме Папая, Геродот называет у скифов бога Гойтосира, которого он отождествляет с Аполлоном, причем, по мнению С. А. Жебелева, никаких оснований, кроме сходства с греческим

---

[66] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 76.

[67] Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, табл. V, 1, 2; ср.: Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 76.

[68] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, 44.

[69] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 9.

словом οἰστός («стрела»), у Геродота для этого не было.[70] Поскольку изображение Гойтосира в скифских памятниках неизвестно, а конь в ряде религий выступает как воплощение солнечного символа, то вполне справедливым может выглядеть суждение М. И. Ростовцева относительно того, кем же в конце концов может быть изображенное на ритоне из Карагодоуашха конное божество. С одной стороны, он сопоставляет его с иранским богом солнца — Митрой, но здесь же в связи с этим замечает: «Бог со скипетром и ритоном есть, вероятно, верховный бог скифов, соответствующий персидскому Ормузду, может быть, тот бог, которого Геродот называет Папаем».[71] Как замечает М. И. Артамонов, несмотря на солнечную природу этих богов в Малой Азии, было распространено сближение их не с Аполлоном, а с Зевсом. Точно таким же образом скифский конный бог мог отождествляться с Папаем, а не с Аполлоном.[72] Однако С. С. Бессонова, отмечая, что отождествление конного бога с одним из скифских божеств может быть лишь условным, поскольку ритон найден на скифо-меотской территории, полагает, что в божестве, перед которым стоит конный воин, можно видеть и Аполлона-Гойтосира.[73] Что же касается Гойтосира, то фракийские и малоазийские параллели имени этого божества приводит Л. А. Ельницкий,[74] а Д. Б. Шелов связывает изображения грифонов на пантикапейских монетах с культом Аполлона, почитавшегося еще у скифов под именем Гойтосира.[75]

Согласно сообщению Геродота, Тагимасада-Посейдона почитали только скифы царские (IV, 59, 2). С. А. Жебелев, отмечая, что море в жизни скифов не играло никакой роли, связывал его культ со скифскими реками[76]

[70] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 35. Здесь же С. А. Жебелев замечает, что, возможно, по аналогии с почитанием меча (Ареса) у скифов существовал и культ Гойтосира, выражавшийся в почитании стрелы.

[71] Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, с. 5—6.

[72] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 77.

[73] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 19.

[74] Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов, с. 47 сл.

[75] Шелов Д. Б. Указ. соч., с. 66.

[76] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 36; ср. также: Соболевский А. И. Русско-скифские этюды, VII. — Изв. Отд-ния русск. яз.

и сопоставлял с Посейдоном Гиппием, видя в его культе почитание скифами коня. М. И. Артамонов возражал С. А. Жебелеву, полагая вслед за А. И. Соболевским, что Тагимасад (или Тамимасад) являлся скифским богом моря и что миф об Ахилле (который, как известно, именовался Понтархом), бытовавший в Северном Причерноморье, отражал одну из сторон культа Тагимасада — владыки моря. Исходя из всего вышесказанного, М. И. Артамонов высказал предположение, что практически Тагимасад-Ахилл являлся двойником Папая-Зевса и что по существу мужские божества скифов, их функции и их внешние атрибуты были столь же слабо дифференцированы, как и божества женские, т. е. в одном и том же облике воплощались различные божества, не получившие определенного вида и строго разграниченных функций.[77]

Однако Д. С. Раевский находит параллели почитанию Тагимасада в иранских и индийских эпических сказаниях (образ общеарийского божества Йимы — Йамы) и видит в боге Тагимасаде родоначальника всех скифов, бога солнца, создателя и покровителя коней, а также основателя мореходства,[78] при этом полностью отвергая предлагаемые Л. А. Ельницким[79] фракийские параллели имени этого божества. Говоря о почитании Тагимасада именно скифами царскими, отмеченном у Геродота, Д. С. Раевский объясняет заимствование этого культа у племени массагетов, контакты с которыми засвидетельствованы тем же Геродотом (I, 216). Так, Геродот, рассказывая о племени массагетов, описывает принятый у них обычай поклонения солнцу путем принесения ему в жертву коней. С культом конского солярного божества Тагимасада Д. С. Раевский связывает изображение крылатых коней на сосуде из Чертомлыцкого кургана и на бляшках из Куль-Обы. Бородатую мужскую голову, ко-

---

и словесности Рос. Академии наук, Л., 1924, т. XXII, с. 38; Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 77; Болтенко М. Ф. Herodoteanea. — В кн.: Матер. по археол. Сев. Причерноморья. Одесса, 1960, т. III, с. 19 и др.

[77] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 77.

[78] Раевский Д. С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. — В кн.: Искусство и археология Ирана. Докл. на Всес. конфер., 1969. М., 1971, с. 272 сл.

[79] Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов, с. 47.

торую держит в руке змееногая богиня на золотой бляшке из Куль-Обы, Д. С. Раевский также считает изображением Тагимасада, хотя никаких аргументов в пользу такого предположения он не приводит.

С. С. Бессонова в противовес солярной трактовке, выдвигаемой Д. С. Раевским, находит возможными следующие объяснения почитания Тагимасада лишь царскими скифами. Несомненно, он являлся покровителем племени или племенного союза, и его почитали как воплощение плодоносящей водной стихии, владыки пролива (Боспора Киммерийского), покровителя коней, игравших такую огромную роль в жизненном укладе скифов.[80]

Совершенно особое место в религии скифов занимал культ бога войны, почитавшегося в виде меча (IV, 59, 2; 62) и не связанного с антропоморфным изображением. Геродот описывает очень обстоятельно ежегодный обряд жертвоприношения, совершаемого в честь бога войны (которого Геродот называет Аресом в соответствии с греческим пантеоном). «У всех у них по округам в каждой области устраиваются святилища Ареса вот таким образом. Нагромождают связки хвороста, сколько их помещается на участке, в три стадия в длину и в ширину, в высоту же меньше. Вверху этого участка сделана ровная четырехугольная площадка, три ее стороны обрывистые, с одной же стороны она имеет доступ. Каждый год они наваливают сто пятьдесят повозок хвороста: ведь кучи хвороста всегда оседают от непогоды. Поверх этой кучи во всех округах водружен древний железный акинак; он и является изображением Ареса. Этому акинаку ежегодно приносят в жертву мелкий скот и лошадей; и вообще ему сверх того в отличие от других богов приносят еще и такие жертвы. Сколько бы они не захватили в плен врагов, одного мужа из каждой сотни они приносят в жертву, но не так, как скот, а иначе. Полив головы пленных вином, они закалывают людей над со-

---

[80] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 10. Ср.: Д. А. Мачинский (О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, в. 2), который анализирует содержание сцен, изображенных на фризе амфоры, полагает, что они иллюстрируют принесение лошади в жертву божеству (с. 236 сл.). Голова фантастического крылатого коня в своеобразном «воротнике» является изображением самого бога — Тагимасада, которому приносят жертву (с. 238).

судом и затем, подняв его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак. Кровь они несут наверх, а внизу, у святилища, делают следующее. Отрубая у всех убитых людей правое плечо вместе с рукой, бросают их в воздух и затем, принеся в жертву других животных, они удаляются» (IV, 62). Скорее всего, именно с этим фетишистским культом меча в его чистом, неочеловеченном виде можно связать интересную находку румынского археолога Д. Берчу, сделанную им в Добрудже.[81] Это литое из бронзы воспроизведение типично скифского короткого меча-акинака, которое сам исследователь, датируя его V в. до н. э., считал деталью, прикрепляемой к каменной или деревянной статуе. Однако М. И. Артамонов совершенно справедливо отметил, что никаких оснований для предположения Д. Берчу о том, что меч прикреплялся к статуе, не имеется, поскольку для этого времени характерны либо прочерченные, либо вырезанные в виде рельефа изображения оружия на каменных изваяниях скифских воинов.[82] Так что, скорее всего, этот меч сам по себе представлял предмет почитания, о котором рассказывает Геродот. С. С. Бессонова[83] отмечает особую роль культа меча[84] как культа племенного божества-охранителя, в котором ярко отразилась идеология племенного строя на стадии перехода к классовому обществу, когда культ Ареса воплощает идеалы воинского сословия, а «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни», по словам Ф. Энгельса.[85]

Как известно, существуют три скифские этногонические легенды, которые приводит Геродот. В одной из них фигурирует первый человек, появившийся в Скифии, бывшей до тех пор пустынной, родоначальник всех скифов и их первый царь Таргитай, сын Зевса (Папая?) и дочери реки Борисфена (IV, 5, 1). Согласно второй легенде, о которой Геродот сообщает, что ее рассказывают греки,

---

[81] Берчу Д. Фракo-скифский меч — эмблема из Меджидии (Добруджа). — Dacia, 1958, II, p. 98 сл.

[82] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 77 сл.

[83] Бессонова С. С. Указ. соч., с. 19.

[84] См.: Болтрик Ю. В. Святилище Арея в урочище Носачи. — В кн.: Археол. исслед. на Украине 1976—1977. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, 1978, с. 31 сл.

[85] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

живущие около Понта, в пустынную страну, где ныне живут скифы, пришел Геракл, угонявший быков, похищенных у Гериона (IV, 8, 1—2). Эту легенду С. А. Жебелев считает сочиненной уже самими греками в параллель скифской легенде о появлении первого человека — Таргитая. Сам Геродот не делает вывода о том, что Геракл является Таргитаем: скифского имени, соответствующего греческому Гераклу, в списке скифских божеств у Геродота нет.[86] Тем не менее это не мешает многим исследователям полностью отождествлять Таргитая с Гераклом.[87] М. И. Артамонов указывает на то, что «скифская земля была полна памятниками его мифических подвигов. Геродот сам видел на скале отпечаток ступни этого исполина (IV, 82)».[88] Вопрос о том, что мог видеть и чего не видел сам Геродот в Скифии, рассматривается в специальной главе настоящей работы, посвященной проблеме автопсии Геродота в Северном Причерноморье. М. И. Артамонов в своих выводах отталкивается от известной статьи Б. Н. Гракова, в которой тот подвергает тщательному анализу передаваемые Геродотом легенды о происхождении скифов. Сопоставление Таргитая с Гераклом (которого у Геродота нет, хотя, по словам С. А. Жебелева, Геродот всегда пользовался любым случаем уловить хоть какую-то возможность сопоставления незнакомых ему скифских божеств с богами греческого пантеона)[89] Б. Н. Граков формулирует следующим образом: «Едва ли творцам греческой переработки мифа о происхождении скифов нужно было большое усилие, чтобы превратить Таргитая в Геракла. И тот и другой — дети Зевса, и тот и другой — родоначальники: Геракл — пелопонесских дорян, Таргитай — скифов. Реальные атрибуты скифа (броня, пояс и лук) и соответственные дары Геракла сыновьям и его обычные атрибуты лишь дополнили это сопоставление».[90] Эта параллель, по мнению Б. Н. Гракова, равно как и судьба легенды о происхождении скифов, отразилась в ряде археологических памят-

---

[86] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 36.

[87] Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 7 сл.; Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 78; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 44.

[88] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 78.

[89] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 32.

[90] Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 12.

ников — тонких штампованных золотых бляшках, найденных в различных скифских курганах (Чертомлыцком, Чмыревом, Мелитопольском и др.), с изображениями борьбы Геракла с немейским львом. Изобилие этих изображений Б. Н. Граков объясняет тем, что они символизировали и подтверждали происхождение скифских царей непосредственно от Таргитая-Геракла, бывшего, как известно, сыном главного божества скифского пантеона и являвшегося родоначальником всех скифов и одновременно династии царей, наследование в которой установлено прочно по отцовской линии. Правда, сам Б. Н. Граков признает, что на бляшках изображена борьба героя с немейским львом, а по скифской легенде Таргитай — просто первый человек, произошедший от союза верховного бога и дочери Борисфена. Но поскольку Таргитай является первым царем скифов, то, несомненно, это фигура героизированная, побеждавшая, как это свойственно героям, врагов и всевозможных чудовищ.[91] Для доказательства этого своего положения Б. Н. Граков привлекает золотые штампованные бляшки из Чертомлыцкого кургана, где изображен обнаженный (по греческому обычаю) герой в скифском башлыке, борющийся уже с грифоном. К этим археологическим данным Б. Н. Граков добавляет еще объемные изображения на навершиях из кургана Слоновская Близница. Изданные впервые в «Древностях Геродотовой Скифии»,[92] они были зарисованы неверно, так как в обоих случаях существа, увенчивающие бронзовые навершия, изображены в виде крылатых львиноголовых грифонов, пожирающих какое-то животное (навершия отлиты в весьма примитивной манере). На самом же деле, с точки зрения Б. Н. Гракова,[93] выступ на спине, принятый художником, зарисовавшим эти изображения, за условно переданное крыло, представляет собой верхнюю часть человеческой фигуры, которая поражает чудовище мечом или кинжалом, изображенным также весьма условно. На найденном в Херсонесе золотом медальоне с изображением воина-скифа, борющегося с чу-

[91] Там же, с. 13. Нельзя не отметить, что у Геродота в передаваемой им легенде упоминание о героических подвигах Таргитая отсутствует.

[92] Древности Геродотовой Скифии. Вып. I—II. СПб., 1872, табл. XXX, 1, 2.

[93] Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 13—14, рис. 2.

довищем (от которого сохранились на обломке лишь лапы), Б. Н. Граков видит Таргитая. Скифская одежда, горит, который висит на боку воина, — все свидетельствует о том, что это герой чисто скифского происхождения.[94] Б. Н. Граков, анализируя все рассмотренные выше изображения, отмечает, что в IV в. до н. э. легенда о герое — прародителе и первом царе скифов приобрела новый вид. Граков связывает ее с новыми социальными порядками только что сложившегося царства Атея.[95] Она, по его мнению, «освящала деспотизм владыки этой ранней степной рабовладельческой монархии посредством усиленного культивирования представления о действительном или фиктивном происхождении государственной династии от царей военно-демократического союза племен».[96] По мнению Б. Н. Гракова, культы более раннего времени еще не требовали обязательных антропоморфных изображений, например описанный Геродотом культ меча, где воплощением божества являлся сам меч (IV, 62).

Таким образом, согласно мнению Б. Н. Гракова, в скифской религии, собственно, начиная лишь с конца V в. до н. э. проявлялся спрос на антропоморфные изображения. Отмечалось уже не раз, что скифское искусство сумело прекрасно развить звериный стиль, но с трудом выходило из примитивного состояния, когда дело касалось человеческих изображений.[97] М. И. Артамонов полностью разделял представление о примитивности характера скифской религии, только еще подошедшей к антропоморфизации богов и к созданию небесной иерархии.[98] Об этом свидетельствуют и указания Геродота на неразвитость культовых отправлений, отсутствие храмов у скифов (IV, 51, 62), хотя он сам себе в этом противоречит, сообщая о культовом служении скифской богине

---

[94] Там же, с. 15, рис. 3.

[95] Подробнее о взглядах Б. Н. Гракова на скифскую государственность см. с. 168 настоящей работы.

[96] Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 15.

[97] Там же, с. 7.

[98] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 83; ср.: Ельницкий Л. А. 1) Из истории древнескифских культов, с. 52; 2) Скифия евразийских степей, с. 211; Хазанов А. М. Скифское жречество. — СЭ, 1973, № 6, с. 42. Против подобного утверждения резко выступает Д. С. Раевский (см.: Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 123).

(вероятно, Апи) в Гилее (IV, 76). М. И. Артамонов полагает, что святилище Афродиты Апатуры, которую сближают с богиней Аргимпасой, возникло на месте древнего святилища, бывшего центром культа этой богини. Находки алтариков с отверстиями для возлияния, жертвенников на выпуклых ножках со скульптурными или прорезанными изображениями животных — все это свидетельствует о наличии определенных культовых обрядов у скифов.[99] Несомненно, совершались и празднества в честь богов, но известен пока только один скифский весенний земледельческий праздник, во время которого производился ежегодный передел земли. Во время этого празднества в честь пробуждения природы совершался акт бракосочетания с землей, для чего специально избирался человек, олицетворявший бога неба Папая и воплощавший собой производительные силы, которые оплодотворяют мать-землю.[100] Д. С. Раевский полагает, что описание этого земледельческого праздника у Геродота позволяет видеть в нем имитацию судьбы первого обладателя «священного золота» — Колаксая (воплощения солнца), а его сон с золотыми предметами — брак Колаксая с богиней огня (символ приобщения солнца божественному огню).[101] Д. С. Раевский вслед за Б. Н. Граковым[102] считает, что, возможно, этот общескифский праздник проводился ежегодно в местности Эксампей.[103] Несомненно, что у скифов, как и у всех народов, существовали обрядовые пляски и состязания в честь богов. К материалам, подтверждающим подобные предположения, М. И. Артамонов считает возможным отнести золотые бляшки с изображением борющихся скифов и скифов, стреляющих из лука (повернутых спиной друг к другу), из кургана Куль-Оба. По его мнению, это не жанровые сцены, а изображение определенных видов

---

[99] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 83.

[100] Артамонов М. И. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. — Учен. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, 1945, вып. 15, с. 5.

[101] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. с. 110 сл.

[102] Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 102.

[103] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 114.

культовых состязаний или игр.[104] К этому же роду археологических подтверждений культовых обрядов (сопровождавшихся музыкой) он относит скифа, играющего на арфе, представленного в сцене на пластинке из Сахновки, и случайно найденную золотую штампованную бляшку, изображающую скифа, сидящего на табурете и держащего в руках предмет, который напоминает музыкальный инструмент.[105] М. И. Артамонов полагает, что жрецов как особого сословия у скифов не было.[106] Общественные жертвоприношения совершались старейшинами или царями, семейные — главами семей. Подтверждение этому он видит в культовых сценах, изображенных на бляшках, сосудах, украшениях, в наличии особых ритуальных сосудов. Ими являлись ритоны из рога, оправленные в металл, сосуды со сферическим днищем, плоские чаши для возлияния (фиалы), деревянные чашки с металлическими или костяными обкладками.[107] По свидетельству Геродота (IV, 64), скифы делали чаши из черепов убитых ими врагов, оправляя их в золото или просто обтягивая кожей. Однако ни в одном из скифских курганов до сих пор не было найдено подобной чаши.[108]

---

[104] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 85, рис. 27 и 28.

[105] Там же, с. 61, рис. 4; с. 85.

[106] Там же. Этой же точки зрения придерживаются Д. П. Каллистов (Северное Причерноморье в античную эпоху. Л., 1952, с. 27), Б. Н. Граков (Скифы, с. 82). Существование влиятельной жреческой прослойки в скифском обществе отмечают И. В. Яценко (Скифия VII—V вв. до н. э., М., 1959, с. 113), А. И. Тереножкин (Об общественном строе скифов. СА, 1966, № 2, с. 39 сл.). Д. С. Раевский (см.: Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 158 сл.) считает, что кроме прямых указаний Геродота на существование у скифов прорицателей — энареев, представителей жречества можно усматривать в племенах каллипидов и алазонов, обитавших в районе сосредоточения скифских святынь и культовых центров (Эксампей). Ср. у Л. А. Ельницкого (Из истории древнескифских культов. СА, 1960, № 4, с. 48 сл.; он же. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 151), который считал, что энареи являлись не только одной из групп скифского жречества, но и одним из скифских племен. (См. также: Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов. — В кн.: XXV Междунар. конгресс востоковедов. Докл. делегации СССР. М., 1960, с. 10 сл.; Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 168 сл.).

[107] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 86.

[108] Единственная пока что находка обломков чаши, сделанной из человеческого черепа, зафиксирована К. В. Сальниковым при раскопках кургана Елесина яма близ городища Чудаки; см.:

Возможно, это пример литературного украшательства, столь свойственного Геродоту, для того чтобы подчеркнуть суровость и жестокость скифских обычаев и нравов.

Однако подобное использование черепов можно встретить у самых различных народов, если обратиться к этнографическим параллелям.[109] По свидетельству Тита Ливия, галлы из черепа убитого римского полководца Луция Постумия сделали чашу.[110]

Сама персона царя, а также, вероятно, всякого родоначальника почиталась священной. Одновременно они олицетворяли собой предков и богов, в их честь совершались культовые обряды. Величайшей клятвой скифов, как известно из Геродота, была клятва «царскими Гестиями», а нарушение ее каралось самым жестоким образом.

Большое место в религиозных представлениях скифов занимала вера в духов предков, волю которых (как и волю богов) можно было узнать с помощью гаданий и прорицаний и на которых можно было воздействовать с помощью жертвоприношений и магических действий. Различного рода амулеты — обереги от злых духов в виде подвесок из зубов и костей животных или птиц или же изображения какого-либо животного (или части его тела) — играли одновременно и роль украшений, и составляли непременную принадлежность убора каждого скифа или скифянки (судя по материалам погребального инвентаря). К оберегам, призванным отпугивать злых духов, относятся и упомянутые выше шумящие и звенящие навершия, украшавшие либо жезлы вождей, либо их погребальные колесницы. У скифов было большое количество предсказателей, о чем специально рассказывает Геродот. «Прорицателей у скифов много. Они прорицают с помощью большого числа ивовых прутьев сле-

Сальников К. В. 1) Древнейшее население Урала. Свердловск, 1967, с. 57; 2) Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, с. 116. При этом исследователь связывает и городище, и курган с племенем исседонов (народом нескифским, согласно Геродоту).

[109] Л. Ф. Воеводский (см.: Этнологические и мифологические заметки. 1. Чаши из человеческих черепов и тому подобные утилизации трупа. Одесса, 1877, с. 21) приводит пример изготовления австралийскими аборигенами сосудов для питья из человеческих черепов, преимущественно из черепов родителей или родственников.

[110] Amm., XXIII, 24, 12.

дующим образом. Принеся большие пучки прутьев, они, положив их на землю, разъединяют их и, раскладывая прутья по одному, они прорицают и, произнося одновременно прорицания, снова собирают прутья и складывают их в одну кучу. У них это искусство прорицания, идущее от отцов, а энареи, „женоподобные мужи", говорят, что им искусство прорицания дала Афродита. Так вот они прорицают по коре липы. Прорицатель, разрезав кусок коры на три части, переплетая и расплетая их вокруг своих пальцев, пророчествует» (IV, 67, 1—2).

Вопрос об энареях — «женоподобных мужах», который является предметом обсуждения в работах многих исследователей, в настоящее время объясняется достаточно убедительно с помощью этнографических параллелей. Сам Геродот объяснял появление женоподобных энареев наказанием скифов за разграбление святилища Афродиты Урании в Аскалоне (I, 105), в чем нельзя не увидеть указание на связь энареев с культом Афродиты — Аргимпасы.[111] Упоминание об энареях встречается и в трактате Псевдогиппократа,[112] который, рассказывая о существовании среди скифов энареев, со свойственным ему рационализмом объяснял их женоподобие вредным воздействием верховой езды. Однако обширные этнографические параллели дали возможность установить наличие «женоподобных мужей», несущих культовые функции, как пережиток матриархального периода, при котором ведущую роль в культе играла женщина.[113]

Таким образом, и у скифов, как и у прочих народов, уподобление мужчин женщинам является еще одним свидетельством сохранения пережитков матриархата, о наличии которых в скифской религии уже говорилось выше на основании сведений Геродота и археологических данных.

Совершенно иные взгляды на религию скифов и степень развития их мировоззрения высказывает Д. С. Раевский в своей работе, посвященной идеологии скифо-сакских племен, реконструкцию мифологии которых он

---

[111] Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 86; ср.: Куклина И. В. Анахарсис. — ВДИ, 1971, № 3, с. 113 сл.

[112] Ps.-Hypp. Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων, 29.

[113] Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 100 сл.; Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 87; Куклина И. В. Указ. соч., с. 115.

предлагает в достаточно развернутом виде. Задача, которую поставил себе автор, является чрезвычайно трудной (сложность этой задачи он, впрочем, сам хорошо понимает),[114] поскольку те археологические данные, которыми располагает наука, не могут звучать в полный голос без поддержки источника, а единственным источником, как было уже показано выше, являются отдельные главы Скифского рассказа Геродота и несколько отрывков из сочинений более поздних авторов, которые в основе своей большей частью исходят из свидетельств того же Геродота. Однако Д. С. Раевский предлагает свой отбор специфических источников и особые методы их интерпретации, для того чтобы достаточно аргументированно реконструировать религиозные представления и мифологию скифского общества.[115] По всей работе Д. С. Раевского разбросаны высказывания о том, что вопреки сложившемуся мнению о примитивности скифских религиозных представлений у скифов существовала стройная система модели мира. Он сравнивает ее с системой индоиранских народов[116] и считает, что предложенная им реконструкция и анализ сюжетов и мотивов скифской мифологии могут пролить дополнительный свет на ряд вопросов, связанных с этнической и социально-политической историей скифов. Поскольку особенностью древней мифологии является концентрированное в ней выражение всех сторон идеологии общества, она отражает его социальную структуру и свойственные ему политические тенденции. Религиозно-мифологические представления служат для обоснования различных социальных и политических институтов, из арсенала мифологии черпаются аргументы для оправдания новых установлений, возникающих в ходе социального развития древнего общества. Предложенное Д. С. Раевским толкование сцен, изображенных на Куль-Обской и Воронежской вазах, на сосуде из Гайдамановой могилы, гребне из Солохи,[117] представляется в какой-то

[114] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 4.

[115] В своих построениях Д. С. Раевский опирается на индоиранские параллели, которые рассматриваются Э. А. Грантовским в ряде специальных работ (Индо-иранские касты у скифов. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, и др.).

[116] Там же, с. 119, 123, 132.

[117] Там же, с. 30 сл., 34 сл.

мере оригинальным и допустимым, хотя далеко не все его аргументы можно принять.[118] Раевский же, явно увлекаясь, утверждает, что даже по небольшому изменению в расстановке акцентов в том или ином изображении «можно уловить эволюцию экономического и социально-бытового бытия скифов». Но ведь нельзя забывать, кто именно изготавливал предметы с изображенными на них сценами из мифологического прошлого скифов. Несомненно, это делали греческие мастера по заказу. И даже «варваризируя» свои изделия, они все же не были в состоянии столь тонко уловить (и отразить в искусстве) все те изменения, которые, по мнению Д. С. Раевского, можно установить, судя по изображениям на сосудах, которые многие исследователи считали просто жанровыми сценами из жизни туземных обитателей Скифии. Параллели, которыми насыщена работа Д. С. Раевского, несомненно, дают много интересного материала. Но ведь все эти триады главных божеств — божественные супружеские пары, последующее вычленение функций одного главного божества и т. д. — все эти явления присущи в целом всем древним религиозным системам.[119] И поэтому, когда Д. С. Раевский совершенно справедливо критикует произвольность «выбора кода» для суждения о стоящей перед исследователями целой системе пред-

---

[118] Ср.: Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979, с. 43 сл. Автор отдает должное остроумию предложенного Д. С. Раевским истолкования сцен на фризе сосуда из Куль-Обы, которые Раевский считает иллюстрацией к «эллинской версии» о происхождении скифов, изложенной в тексте Геродота. Однако предложенное Д. С. Раевским «прочтение» фриза вызывает возражение прежде всего потому, что для греческого мастера, изготовлявшего этот фриз, немыслимо было бы изобразить Геракла, даже в скифском обличье, не наделив его хотя бы одним из присущих ему атрибутов (львиной шкурой или палицей). Древнегреческая художественная традиция не знает подобных исключений. Кроме того, как представляется, вообще вопрос о содержании сцен на куль-обском сосуде пока нельзя считать решенным, поскольку при эллинском варианте легенды должно быть изображено змееногое божество — мать сыновей Геракла, испытывавшая сыновей, а вовсе не сам Геракл. Несомненным можно считать только предположение, что на фризе сосуда из Куль-Обы художник изобразил сцены из неизвестного нам пока что скифского эпоса. Эти же соображения можно полностью отнести и к фризу сосуда, найденного под Воронежем.

[119] Токарев С. Н. Религия в истории народов мира. М., 1965, с. 31.

ставлений, связанных с тем или иным изображением,[120] сам он этого принципа не соблюдает. Задавшись целью во что бы то ни стало доказать, что скифское общество имело свою сложную, развитую религиозную систему, автор, на наш взгляд, вступает в противоречие с данными источников и с археологическими материалами. Ибо хотя скифский звериный стиль действительно достиг очень высокого уровня развития, все же, как бы его ни трактовать и с каким критерием к нему ни подходить,[121] он свидетельствует в первую очередь о преобладании тотемистических представлений в религии скифов, что является более низкой ступенью в развитии идеологических представлений общества, нежели божества антропоморфные. Антропоморфные же изображения, изготовленные самими скифами, явно показывают новизну этого сюжета в их искусстве и беспомощность скифских мастеров в передаче человеческого облика. На страницах книги Д. С. Раевского встречается большое количество интересных, зачастую смелых мыслей. Он рассматривает материалы, которыми располагают исследователи, под новым углом зрения. Но все же он вынужден признать сам, что эти памятники скифской культуры и «скифского религиозно-мифологического мышления» большей частью воплощены греческими мастерами, которые воспроизводили местные мифологические образы, и только отчасти встречаются изделия местной работы, разительно отличающиеся по мастерству исполнения.[122]

Как представляется, чрезмерное преувеличение роли аналогий делает несомненно интересную работу Д. С. Раевского во многих отношениях дискуссионной.

---

[120] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 6.

[121] Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства. — СА, 1968, № 4, с. 65; Кузьмина Е. Е. О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями представлений иранцев. — Тез. докл. III Всес. конф. по вопросам скифо-сарматской археол. М., 1972; Яценко И. В. Искусство скифских народов Северного Причерноморья. — В кн.: История искусств народов СССР. Т. 1. М., 1971, с. 131 сл.; Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов, с. 54; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 129.

[122] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен, с. 173 сл.; ср.: Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 7; Артамонов М. И. Антропоморфные божества..., с. 83.

Глава 4

ВОПРОС ОБ АВТОПСИИ ГЕРОДОТА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Вопрос о личном знакомстве Геродота с землями Северного Причерноморья (и, в частности, с городом Ольвией) и о степени этого знакомства чрезвычайно тесно связан с другой геродотовой проблемой — степенью достоверности тех сведений, которые «отец истории» изложил в своем Скифском рассказе. Конечно, не может быть исключено и то обстоятельство, что Геродот имел возможность пользоваться не дошедшей до нашего времени периэгесой какого-либо автора, лично побывавшего в этих местах.[1] Сам Геродот весьма осторожно обходит вопрос об автопсии и, хотя в нескольких местах Скифского рассказа и упоминает о якобы виденном им лично (IV, 81, 82), тем не менее, как отмечает К. Э. Гриневич, рассматривавший специально вопрос о пребывании Геродота в Ольвии,[2] даже при чрезвычайно внимательном чтении тех мест, где Геродот касается Ольвии и ее окрестностей, твердого впечатления о личном знакомстве историка с этими местностями не создается. В. П. Бузескул также заметил, что хотя для него является несомненным то обстоятельство, что Геродот отличал все то, что видел сам, от тех сведений, какие слышал от других, а также подлинно известное ему от не вполне достоверного, однако далеко не просто решить, где кончается автопсия Геродота и где начинаются сообщения тех свидетелей, на слова которых он опирается в своем рассказе.[3] Для Геродота, например, весьма характерно такое высказывание: «Но то, что мы смогли как можно более

---

[1] В настоящее время не вызывает сомнений предположение, что в ряде мест своей «Истории», в частности в Скифском рассказе, Геродот полемизирует с Гекатеем Милетским, хотя и не называет его прямо (см.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 312; ср.: Jacoby F. Fr. gr. Hist, I, F. 18).

[2] Гриневич К. Э. 1) Четвертая книга Геродота и следы личного знакомства историка с Ольвией. — Зап. Харьк. ун-та, 1915, вып. 4, с. 13; 2) О достоверности сведений Геродота об Ольвии. — ВДИ, 1964, № 1, с. 106 сл.

[3] Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Пгр., 1915, с. 75; Jakoby F. Herodotos. — RE, 1913, Spbd. II, col. 205 sq.

точно выяснить по слухам, — все это будет изложено» (IV, 16, 2).

Сообщая о тех источниках, откуда он смог добыть интересующие его сведения, Геродот рассказывает, что «...до них (исседонов, — *А. Н.*) добирается и кое-кто из скифов, от которых нетрудно разузнать, а также и от эллинов, как из Гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней» (IV, 24). Именно это свидетельство Геродота и является опорной точкой для тех исследователей, которые считают, что Геродот лично посетил Ольвию и получил все свои дальнейшие сведения о различных местностях и племенах, населявших Скифию.

Уже в работах начала XIX в., в которых рассматривался круг путешествий Геродота, ставился вопрос об их достоверности, но при всем скептицизме западноевропейских ученых по отношению к сообщаемым Геродотом сведениям почти никто из них не высказывал сомнения в личном пребывании историка в Ольвии и окрестностях. Расхождение между исследователями было лишь по линии возможного расширения посещенных Геродотом местных достопримечательностей.[4]

Крупнейший русский специалист по Геродоту, переводчик его «Истории» Ф. Г. Мищенко во «Введении» к переводу, приведя мнения значительного количества своих предшественников, высказал соображение, что, хотя путешествие Геродота для историков древнейшего периода юга России представляет особую ценность и интерес, тем не менее весьма затруднительно определить, насколько далеко Геродот проникал в глубь скифской страны и какие из сообщаемых им сведений были добыты путем личного наблюдения, а какие — из расспросов тамошних

---

[4] Dahlmann H. Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte Herodot. Vol. II. — Altona, 1823, S. 61; Niebur B. G. Kleine Schriften. Bd II. Berlin, 1828, S. 359; Hansen A. Ost Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippokrates. Dorpat und Leipzig, 1844, S. 8; Kolster W. H. Das Land der Skythen bei Herodot und Hyppokrates. — Arch. für Philol. und Pädag., 1846, vol. XII, S. 568; 1847, vol. XIII, S. 577 folg.; Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zum alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Vol. 1. Berlin, 1855, S. 105 sq.; Müllenhoff K. Über die Herkunft und Sprache der Pontische Skythen und Sarmaten. — Monatsber. der Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 1866 (1867), S. 552 folg.

эллинов и туземцев.[5] В. В. Латышев также разделял мнение о том, что Геродот лично побывал в Ольвии, где и услышал о трагической судьбе скифского царя Скила.[6]

С. А. Жебелев полагал, что Ольвия была конечным этапом рейса Геродота вдоль западного побережья Понта на север. В Ольвии Геродот, по мнению Жебелева, имел более или менее продолжительную остановку, откуда и совершал поездки по Днепровско-Бугскому лиману и в местности, находившиеся поблизости от Ольвии.[7] Каким же образом локализовал Ольвию в своем Скифском рассказе сам Геродот? Он пишет следующее: «Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив же храма у Гипаниса обитают борисфениты» (IV, 53, 56).

Еще ранее Геродот сообщает: «От гавани борисфенитов (она находится в середине побережья всей Скифии) — от нее первыми живут каллипиды» (IV, 17, 1). И далее: «Там живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие у реки Гипанис, называют борисфенитами, а самих себя — ольвиополитами» (IV, 18, 1).

В результате всех приведенных выше сведений Геродота возникла среди исследователей серьезная дискуссия о том, что же такое представляет «эмпорий борисфенитов» и имеет ли это название непосредственное отношение к Ольвии, которая, как известно, стоит не на берегу реки Борисфена (современный Днепр), а Гипаниса (современный Ю. Буг). Выявились сторонники гипотезы, которая называла «эмпорием борисфенитов» не Ольвию,

---

[5] Мищенко Ф. Г. Геродот и его место в древнеэллинской образованности. — В кн.: История Геродота в девяти книгах. СПб., 1886. Введение, с. XXIV.

[6] Латышев В. В. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 43.

[7] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 317; ср.: Jacoby F. Op. cit., col. 205. По мнению Ф. Якоби, Ольвия была для Геродота «опорным пунктом». См. также: Карышковский П. О. Заметки об Ольвии и Борисфене. — ЗОАО, т. II (35), 1967, с. 83. Автор полагает, что Геродот посетил Ольвию в 60—50-е годы V в. до н. э.

а другой город и локализовала его на о. Березани.[8] Однако еще В. И. Гошкевич, который провел археологические исследования тринадцати древних городищ по низовьям древнего Борисфена (Днепра), установил, что главное назначение исследованных им населенных пунктов «не могло быть иным, нежели торговым». Это были те пункты, где, по мнению исследователя, формировались и откуда отправлялись на речных судах в Ольвию партии зерна, скота, рыбы и других «сырых продуктов» обширной и искони сельскохозяйственной страны, широко раскинувшейся по обе стороны Борисфена, о чем и свидетельствует Геродот в вышеприведенных текстах (IV, 18 и 53).[9] Поскольку благосостояние жителей Ольвии — ольвиополитов целиком и полностью зависело от торговых связей с борисфенитами, то и сам город Ольвия в качестве официального имени получил «картинное прозвание» торжища (эмпория) борисфенитов. К подобному объяснению В. И. Гошкевича полностью присоединился и К. Э. Гриневич в упоминавшемся выше исследовании.[10] Кроме того, К. Э. Гриневич предложил еще одну догадку для подкрепления гипотезы В. И. Гошкевича. Ольвия, лежавшая на р. Гипанис, считалась тем не менее борисфенитским (т. е. днепровским) эмпорием. Дело в том, что вода Борисфена (Днепра) часто при северо-восточном ветре загоняется в лиман и изменяет цвет благодаря водорослям, которыми она в это время насыщена.[11] Таким образом, действительно получается, что Ольвия является борисфенитским городом, поскольку фактически берег, на котором он находится, омывают воды Борисфена. С. А. Жебелев в специальной статье «Что понимать под Борисфеном?» полагает, что термином «Борисфен» Геродот пользовался для обозначения самого города Ольвии, введя его в литературный обиход, ибо сами эллины, «живущие при Гипанисе», себя называют ольвиополитами, по сообщению самого историка (IV, 18, 1). Следует отметить, что вопрос о том, «что понимать под

---

[8] Пападимитриу С. Д. Древние сведения об о. Березани. — ЗООД, 1910, т. XXVIII, с. 104.

[9] Гошкевич В. И. Древние городища по берегам низового Днепра. — ИАК, СПб., вып. 47, 1913, с. 27 сл.

[10] Гриневич К. Э. Четвертая книга Геродота.., с. 29.

[11] Там же.

Борисфеном», дискутировался в современной литературе неоднократно. Сам Жебелев полагал, что в ольвийском декрете о денежном обращении (IPE, 1, 24) Борисфеном назван Днепро-Бугский лиман.[12] Однако существует взгляд, что Борисфеном именовался не только город Ольвия, но и весь прилегающий к нему район, т. е. ольвийская хора.[13] Мнение С. А. Жебелева разделяет и П. О. Карышковский, считающий, что из текста Геродота неоспоримо вытекает тождественное содержание термина ольвиополиты — борисфениты. Это не эмпорий скифов-земледельцев, которых местные эллины называют борисфенитами, а торговая гавань тех же живущих у Понта эллинов, о которых упоминает Геродот (IV, 8, 1; IV, 10, 3).[14]

В свое время указание Геродота не «эмпорий борисфенитов» породило дискуссию о местоположении Ольвии, поскольку многие зарубежные исследователи Геродота, опиравшиеся лишь на античные источники, настаивали на локализации в различных местах Ольвии и Борисфена.[15]

Следует сразу же отметить, что в работах русских ученых и путешественников указания на подлинное местоположение Ольвии встречались значительно раньше. Так, еще в конце XVIII в. П. П. Сумароков[16] верно определил местонахождение Ольвии у с. Ильинского-Парутина, на берегу Бугского лимана. Столь же серьезно и

---

[12] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 294, 297.

[13] Капошина С. И. Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник. — ИГАИМК, 1933, вып. 100, с. 390 сл.; Kotsevalov K. Borysthenes-Borysthenites and Tanais-Tanaites. — Ann. Ukr. Acad. in USA, 1959, vol. VIII, p. 151 sq.; Свенцицкая И. С. К вопросу об Ольвии и Борисфене. — ЗОАО, 1967, т. II, с. 267.

[14] Карышковский П. О. Указ. соч., с. 85; ср.: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 226. Б. А. Рыбаков настаивает на том, что Ольвия — Борисфен — являлась гаванью праславян — скифов-борисфенитов.

[15] Brandstätter T. Skythica. — Diss. Regimonti Prussorum., 1837, Bd. 7, S. 12; Rennell J. Geographical system of Herodotus examined and explained by a comparison with those other ancient autors and with modern geographie. London, 1800, vol. 1, map. № 1. Реннел полагал, что Ольвия должна быть локализована на месте современного г. Херсона.

[16] Сумароков П. П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. СПб., 1799, с. 17.

обоснованно судил о местопахождении этого древнейшего в Северном Причерноморье торгового и культурного центра, который сыграл столь важную роль в путешествии Геродота по Скифии, П. С. Паллас в «Заметках о путешествии по югу России».[17] Он также правильно локализовал Ольвию, равно как и Г. К. Келер,[18] М. И. Муравьев-Апостол [19] и наконец А. С. Уваров.[20] Заслуги А. С. Уварова в области археологического изучения не только южных областей Северного Причерноморья, но и, в частности, Ольвии были уже в свое время отмечены Б. В. Фармаковским как неоценимые, особенно в смысле намечаемых им планов для наиболее эффективного и систематического изучения этого важнейшего исторического памятника юга нашей страны. Нельзя на этом этапе обойти молчанием и заслуги И. А. Стемпковского, который еще в 20-е годы XIX в. правильно определил местоположение Ольвии и считал не подлежащим сомнению описание этого города, данное Геродотом. В полном соответствии со свидетельствами Геродота локализовал Ольвию и И. П. Бларамберг, который специально снял план развалин Ольвийского городища и приложил к работе, посвященной изучению нумизматических памятников древней Ольвии.[21] Однако справедливости ради следует отметить, что виновником разногласий среди ученых по этому вопросу нельзя считать исключительно Геродота, поскольку они были введены в заблуждение также и противоречивыми указаниями других античных авторов — Страбона, Плиния, Птолемея и Помпония Мелы.[22]

Из зарубежных исследователей первым, кто присоединился к правильному определению местоположения

---

[17] Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften der Russ. Reichs. I—II. Lpz., 1799—1801. S. 511.

[18] Koehler H. E. Gesammelte Schriften. Vol. I. SPb., 1850, S. 104.

[19] Муравьев-Апостол И. М. Ольвия. СПб., 1821, с. 13, 20 сл.

[20] Уваров А. С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851—1856, с. 34 сл.

[21] Бларамберг И. П. Описание древних медалей Ольвии и Ольвиополя. М., 1828, план см. также: Blaramberg J. Notice quelques objects d'antiquités, découvertes en Tauride etc. Paris, 1822.

[22] Об этом подробнее см.: Латышев В. В. Указ. соч., с. 29 сл.; ср.: Юргевич В. Н. Геродотово торжище борисфенитов на берегах Понта Евксинского. — ЗООД, 1877, т. X, с. 407 сл.

Ольвии на берегу Бугского лимана, был А. Нейман, помещавший ее на месте современного ему села Ильинского-Парутина.[23] Правда, что касается Ольвии, которую Геродот выбрал как отправную точку для знакомства со всей скифской землей, откуда он производил более или менее длительные выезды, то она для Геродота играла ту же роль, что Вавилон при путешествии по Передней Азии и Мемфис — в Египте.[24] Геродот, кроме отдельных сведений, разбросанных по различным главам Скифского логоса, дает достаточно подробное описание города в своей вставной новелле о скифском царе Скиле. Рассказывая о трагической судьбе злополучного царя, Геродот сообщает о крепостных стенах, воротах и башнях, составлявших укрепления города борисфенитов (IV, 78, 3).[25] Он упоминает и о предместье, где Скил оставлял свое войско, отправляясь в выстроенный им в пределах города великолепный дом, украшенный статуями сфинксов и грифонов из белого камня (IV, 78, 2). Раскопки ольвийской агоры подтверждают свидетельство Геродота об Ольвии как о городе, застроенном богатыми и красивыми зданиями. Установлено, что ольвийская агора и теменос возникли еще во второй половине VI в. до н. э. Пятым же веком до н. э., т. е. геродотовским временем, датируются открытые на агоре остатки больших общественных зданий и монументального алтаря. Об оживленной общественной жизни свидетельствуют следы частого ремонта в V в. до н. э. черепичных вымосток агоры и прилегающего к ней центрального района города.[26] Дополнительным свидетельством, подтверждающим существование в Ольвии V в. до н. э. богатых зданий, украшенных мраморными статуями грифонов и сфинксов, может служить найденный еще Б. В. Фармаковским мраморный грифон, который датируется V в. до н. э.[27] Со-

[23] Neumann A. Die Hellenen in Skythenlande, S. 365.

[24] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 317 (со ссылкой на Ф. Якоби, который, обстоятельно рассматривая северное путешествие Геродота, подчеркивает, что маршруты его нельзя установить с определенностью, см.: Jacoby F. Herodotos, col. 261).

[25] Капошина С. И. Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник, с. 23.

[26] Леви Е. И. Ольвийская агора. — МИА, 1956, № 50, с. 48 сл.; Гриневич К. Э. К вопросу об экономике архаической Ольвии. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 61 сл.

[27] Тураев Б. А., Бороздин И. Н., Фармаковский Б. В. Древний мир на юге России. М., 1918, с. 39, рис. 34.

гласно Геродоту, дом Скила был украшен именно такими мраморными изображениями грифонов и сфинксов. Конечно, нельзя серьезно утверждать, что именно этот грифон (или сфинкс, причем у Геродота речь идет и о тех и о других скульптурах) украшал ольвийскую резиденцию скифского царя, как ни заманчиво выглядит подобное предположение. Но тем не менее в этой находке усматривают лишнее подтверждение автопсии Геродота. Кроме того, на территории древней Фракии была обнаружена находка, послужившая еще одним подтверждением реальных основ этой новеллы. Именно в этой области (возле Истрии), куда, по сообщению Геродота, бежал царь Скил из Ольвии, спасаясь от преследования своего брата Октамасада, был найден золотой перстень со щитком, на котором вместе с изображением скифской богини было выгравировано на греческом языке имя Σκυλέω — Скил.[28] Таким образом, с точки зрения сторонников автопсии Геродота, эта находка не только полностью подтверждает, что Скил — личность не легендарная, а вполне реальная, но и дает возможность предположить, что сам Геродот находился в Ольвии либо в то время, когда там происходили события, связанные с трагической судьбой царя Скила, либо же спустя короткое время после того, как все это случилось, так как Скил жил приблизительно с 475 по 450 г. до н. э. Многие исследователи считают, что новелла о Скиле была взята Геродотом из надежного источника и что Скил — не легендарная личность, а реальная.[29]

Как уже говорилось выше, в тексте Геродота нет ни одного выражения, на основании которого можно было бы безапеляционно утверждать, что Геродот видел собственными глазами все, о чем он сообщает. Он пишет достаточно осторожно, что и дало впоследствии повод даже самим эллинам упрекать его в слагательстве сказок и собирании интересных и фантастических историй. Об

---

[28] Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И. К вопросу о местных элементах и культуре античных городов Северного Причерноморья. — СА, 1951, т. XV, с. 163, примеч. 2; Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила, с. 93 сл.

[29] Гриневич К. Э. О достоверности сведений Геродота об Ольвии, с. 106; Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1977, с. 234 сл.; Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. — СА, 1980, № 3, с. 103 сл.

этом писали многие античные авторы. Плутарху принадлежало даже специальное сочинение «О злокозненности Геродота».[30] Плутарх отмечал, что «стиль Геродота, простой, легкий и живой, уже многих ввел в заблуждение».[31] Он обвиняет Геродота в искажении фактов, недоброжелательстве по отношению к известным государственным деятелям, умолчании об их благородных и прекрасных поступках, а затем подводит итог характеристике Геродота в следующих выражениях: «Можно было бы привести и многие другие виды злокозненности, но для того, чтобы понять склад ума и характер Геродота, достаточно и того, что мы привели».[32] Именно от античной традиции отталкивались те ученые, которые высказывали скептическое отношение к труду Геродота, к достоверности приводимых им сведений. Нельзя не отметить, что и до сих пор время от времени появляются работы, с большим или меньшим остроумием повторяющие гиперкритические воззрения на труд Геродота,[33] из которых следует, что он не может считаться серьезным историком, а лишь по существу собирателем или сочинителем занимательных рассказов, меньше всего ставящим себе целью соответствие исторической истине, вплоть до того, что даже и ссылки его на источники можно рассматривать как чистейший вымысел. Сторонники подобных воззрений по существу представляют собой продолжателей гиперкритического направления, в свое время ярко выраженного А. Сейсом[34] и А. Шлецером.[35] Это направление получило серьезный

[30] Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947, с. 161 сл. (приложение 1, где дан перевод этого сочинения Плутарха).

[31] Плут. О злокозненности Геродота, I.

[32] Там же, X.

[33] В подобном гиперкритическом тоне выдержана статья О. Кембелла Армайора, в которой ряд пунктов, служащих подтверждением автопсии Геродота в Северном Причерноморье, подвергнут сомнению (Armayor O. Kembell. Did Herodotus ever go to the Blaek Sea? — Harvard Studies in Classical Philology, 1978, vol. 82, p. 45—62). Автор считает, что описание сосуда в Эксампее свидетельствует о том, что Геродот там не был, ибо сосуд таких размеров невозможен. Геродот не был и в Колхиде, а в своих измерениях Понта он был занят более соперничеством с Гекатеем, давшим свои цифры для измерения Понта, Боспора и Геллеспонта, потому и цифры Геродота неточны (с. 61 сл.).

[34] Sayce A. H. The ancient Empires of the East. I—III. London. 1884.

[35] Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславенском языке. Ч. I. СПб., 1809, Введение, с. НВ.

отпор на страницах труда Ф. Г. Мищенко, помещенного в виде специальной статьи перед V книгой сделанного им перевода «Истории» Геродота.[36] Перу Ф. Г. Мищенко принадлежит также статья о противоречиях в сообщениях Геродота о происхождении скифов,[37] где он показывает, что сбивчивость географических сведений Геродота привела к серьезной путанице в его сообщениях о р. Аракс, игравшей большую роль в рассказе о продвижении скифов в киммерийские земли и походе царя Кира на массагетов (I, 202). При этом Ф. Г. Мищенко отмечал, что Геродот, по-видимому, получил сведения о двух различных Араксах, а в своем труде без всяких пояснений говорит об одной реке.[38] Столь же серьезная путаница связана и с сообщением о переселении племени невров в страну будинов (IV, 105, 1), причем Геродот помещает невров у истоков рек Тираса и Гипаниса (IV, 17, 2), а будинов — за р. Танаисом (IV, 21). Восточными же соседями невров, по свидетельству Геродота, являлись андрофаги и меланхлены (IV, 100, 102, 119, 125). Таким образом, если считать достоверным сообщение Геродота о переселении невров к будинам, то следует либо переместить будинов ближе к западу (а не за Танаисом), либо разделить их на две группы — западную и восточную, либо отвести будинам огромную по протяженности территорию от западного побережья Днепра до Урала. В рассказе о походе Дария на скифов (IV, 118—142) Геродот также допускает большое количество противоречий и несообразностей в отношении хронологических и пространственных рамок.[39] У Геродота в ряде случаев приводятся противоречивые факты и по поводу религиозных представлений скифов. Так, в одном месте он сообщает о почитании священных золотых пред-

---

[36] Мищенко Ф. Г. Не в меру строгий суд над Геродотом. — В кн.: История Геродота в девяти книгах, с. I—X.

[37] Мищенко Ф. Г. Противоречия в известиях Геродота о первом появлении сарматов и скифов в Европе. — ФО, отд. I, 1899, т. XVII, с. 26 сл.

[38] Там же, с. 29.

[39] Мищенко Ф. Г. История Геродота в девяти книгах. СПб., 1886, Указатель, с. 192; Macan R. W. Herodotus the 4-th, 5-th and 6-th books, vol. 11, London, 1895, Appendix III, p. 33 foll.; Струве В. В. Хронология VI в. до н. э. в трудах Геродота и дата похода Дария I на скифов Причерноморья. — В кн.: Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 86 сл.

метов (IV, 5, 7); давая же характеристику скифской религии, он ни словом не упоминает о священном золоте (IV, 59). Сообщая о том, что скифы не употребляют меди вообще (IV, 71, 4), он рассказывает о гигантском медном сосуде в Эксампее (IV, 81, 3, 6). Этим, конечно, перечень противоречивых свидетельств, встречающихся в Скифском рассказе, далеко не исчерпывается. Встречаются и совершенно не поддающиеся логическому объяснению свидетельства, такие, как, например, обычай ослеплять рабов для доения молока (IV, 2). Некоторые исследователи полагают, что в этом случае либо Геродот неверно понял своих осведомителей, либо в самом тексте выпало связующее звено.[40] Но, несмотря на многие погрешности, по мере развития археологического изучения скифских древностей достоверность свидетельств Геродота находила все большее и большее подтверждение, а соответственно росло и доверие к сообщаемым им сведениям. Конечно, если учесть, что Геродот излагал не только собственные наблюдения, а сплетал в своем повествовании известные ему реальные факты с различными легендами, сказаниями или сведениями, полученными им от других лиц, местных жителей — эллинов или же туземцев, то вполне естественно, что в Скифском рассказе встречается немало запутанных, а иногда и просто неясных мест.

Кроме того, следует отметить, что Геродот весьма часто не заботился о логическом завершении описываемых им событий, не стремился к тому, чтобы у него были сведены концы с концами (это обстоятельство служит краеугольным камнем для всех критиков Геродота, которые обвиняют его в противоречивости излагаемых им фактов и событий, однако сам Геродот к логической последовательности не стремился). Он просто излагал факты, которые ему были известны, а если они противоречили друг другу, то он вовсе и не старался примирить или сблизить эти разнородные суждения.[41]

Общеизвестно, что достоверность сообщений того или иного древнего автора прежде всего следует проверять,

---

[40] Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande, S. 279; Жебелев С. А. Указ. соч., с. 330; ср.: Хазанов А. М. Указ. соч., с. 133.

[41] Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 149.

сопоставляя его свидетельства с данными, содержащимися в трудах других античных авторов. Сведения, почерпнутые из этнографических, нумизматических и археологических источников, играют при этом роль некоего вспомогательного материала.

Однако в отношении Скифского рассказа Геродота дело обстоит несколько иначе, поскольку возможности сопоставления целого ряда сведений, содержащихся в рассказе Геродота, с материалами, которые дали и продолжают давать археологические исследования Северного Причерноморья, приносят все новые и новые доказательства добросовестности «отца истории». В большинстве случаев (как это показывает археологическая практика) Геродоту можно и следует доверять. К этому выводу пришло большинство как советских, так и зарубежных ученых. Для них нет вопроса об автопсии Геродота в Северном Причерноморье, в частности не подлежит сомнению его пребывание в Ольвии. Исследователи, признающие автопсию Геродота, полагают, что его путешествия, и в частности путешествие в Скифию, падают на середину V в. до н. э. Как известно, круг путешествий Геродота был весьма обширен. Не говоря уже о Греции, он посетил значительную часть побережий Понта Евксинского, Египет и Персию. Некоторые исследователи[42] уточняют путешествие в Скифию на основании того, что Геродот при описании Египта сопоставляет с Нилом не только р. Истр, но и Борисфен, следовательно, он уже побывал в Скифии, прежде чем посетил Египет. Однако С. А. Жебелев отмечал, что, поскольку Геродот окончательную редакцию своей «Истории» производил, уже возвратившись в Афины после всех своих путешествий, этот факт не может представлять собой надежный terminus ante quem.[43] Поэтому С. А. Жебелев считал, что материалы, которыми наука располагает в настоящее время, позволяют судить лишь приблизительно о времени северного путешествия Геродота, т. е. предположительно отнести его к середине V в. до н. э. По мнению С. А. Жебелева, возможно утверждать лишь то, что Геродот был в Скифии до своей поездки в Дельфы. В противном слу-

---

[42] Schmid B. Geschichte der Griechischen Literatur. München, 1934, S. 564 folg.

[43] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 315, примеч. 2, с. 316.

чае он при упоминании о скифском котле из меди в Эксампее и сравнении его с кратером, поставленным спартанским царем Павсанием у входа в Понт, не преминул бы вспомнить и посвящения, сделанные в Дельфах царем Лидии Крезом, о которых он рассказывает в главе 51 первой книги своей истории, а, как известно, в Дельфах Геродот побывал уже после своего отъезда в Афины в 445—444 гг. до н. э.[44]

Знакомясь со страной, язык которой ему был неизвестен, а поездки по которой были связаны с затруднениями различного характера, Геродот имел обыкновение выбирать в качестве постоянного местопребывания какой-либо значительный город в этой стране, собирать, находясь в нем, всевозможную информацию о стране, народе, ее населяющем, его обычаях и истории и, кроме того, предпринимать небольшие или более значительные поездки из этого центра в глубь страны, с тем чтобы снова в него возвращаться. Однако С. А. Жебелев считает, что вряд ли выезды Геродота из Ольвии могли быть далекими и долговременными. По мнению этого исследователя, можно с уверенностью говорить (исходя из показаний самого Геродота),[45] что он совершил поездку по Днепровско-Бугскому лиману. Геродот упоминает Гипполаев мыс, на котором стояло святилище Деметры (IV, 53; современный мыс Станиславский, лежащий между устьями Буга и Днепра), лесистую область Гилею (IV, 18), с которой был связан миф о пребывании Геракла в Скифии (IV, 9—10). Кроме того, Геродот отмечает Ахиллов Бег — узкую песчаную косу (современная Тендра) к юго-западу от Гилеи (IV, 55, 76). Все эти местности находились поблизости от Ольвии. Более длительной была поездка, как считает С. А. Жебелев, предпринятая Геродотом вверх по р. Гипанису до местности, которая называлась Эксампей и находилась между реками Гипанис и Борисфен, на границе двух племен — скифов-пахарей и ализонов (IV, 52, 81). Там Геродот видел знаменитый медный котел, отлитый из наконечников скифских стрел (или услышал рассказ о нем). Возможно, что Геродоту удалось совершить и путешествие вверх по Борисфену

---

[44] Там же, с. 316, примеч. 1; ср.: Jakoby F. Op. cit., col. 255.
[45] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 317.

с целью увидеть знаменитые гробницы скифских царей в области герров (IV, 71—73). Однако следует сразу же отметить, что выше днепровских порогов Геродот не мог подняться — он их просто не знает.[46] Что касается герров, то вопрос об их местонахождении породил большую, до сих пор продолжающуюся дискуссию, которая (помимо археологических неувязок) зависит и от неточности рукописного предания Геродота (IV, 53, 56). По сообщениям Геродота, χῶρος герров отделялся от устья Борисфена на расстоянии 40 дней пути. А между тем, по словам того же Геродота, в том же направлении на расстоянии 11 дней пути уже начиналась пустыня (IV, 18), граничившая со Скифией и простиравшаяся до самого северного Океана. Так как область герров получила свое название от имени р. Герр, бывшей притоком Борисфена, то самое простое решение заключалось бы в идентификации этой реки с каким-либо из притоков Днепра. Но, к сожалению, идентификация р. Герра, равно как и рек Пантикапа и Гипакириса (притоки Борисфена), до сих пор остается спорной. Исследователи отождествляли Герр то с р. Самарой, то с р. Молочной, то с Белозеркой и т. д. В работе, посвященной геродотовой Скифии, Б. А. Рыбаков предлагает видеть в Герре разветвленную систему гирл («жерел») Борисфена, образовавшуюся после прохождения реки через пороги. Это же название, по его мнению, носила и современная р. Молочная, вытекавшая из области герров.[47] Однако все же излишне категоричным представляется утверждение Б. А. Рыбакова, что «в настоящее время уже не имеет смысла спорить по поводу местоположения местности Герр».[48] В. В. Латышев, полагавший, что под названием р. Герра смешано несколько рек, весьма серьезно анализировавший текст Геродота, не счел возможным прийти к столь категорическому выводу, тем более что и до нашего времени в этой местности пока не открыты богатые «царские» захоронения VI—V вв. до н. э. С. А. Жебелев считает, что, скорее всего, этими перечисленными выше экскурсиями и ограничился Геродот во время своего пребыва-

[46] Kiessling M. Exampaios. — RE, Bd VI. col. 1551.
[47] Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 48 сл.
[48] Там же, с. 32.

ния в Ольвии. Что он не путешествовал по внутренней Скифии (т. е. по степной равнине, простирающейся за Крымским полуостровом) — у С. А. Жебелева сомнений нет.[49] И хотя Геродот и сообщает о том, что до его времени (ἔτι ἐς ἐμὲ τὰ ἐρείπια σόα ἦν) сохранились остатки укреплений Дария, воздвигнутые им на р. Оар (IV, 24), из этого не следовало бы заключать, что Геродот видел их сам. Он просто констатировал тот факт, что эти укрепления существуют до сих пор.[50] С. А. Жебелев считает, что, несомненно, Геродот лично побывал в городе Тире, расположенном на берегу Днестровского лимана (современный Аккерман), где, по словам Геродота, «жили эллины, называемые тиритами» (IV, 51), хотя из текста неясно, был ли он в Тире на пути в Ольвию или возвращаясь из нее.[51] Что же касается предположения, о его поездке по р. Тирасу (Днестру), то из текста это не явствует, хотя некоторые исследователи и склонны считать то место, где Геродот рассказывает об отпечатке ступни Геракла на скале возле р. Тираса (IV, 51), явным доказательством его пребывания здесь.[52] Геродот употребляет выражение φαίνουσι, но эту фразу можно растолковать в двояком смысле: Геродоту могли показать отпечаток ступни Геракла, но могли и просто рассказать о том, что ее показывают как местную достопримечательность, при обычных для Геродота расспросах местных жителей, в данном случае — тиритов.[53] С. А. Жебелев к тому же предполагает, что Геродот мог почерпнуть сведения об отпечатке ступни Геракла на берегах Тираса еще и в какой-либо из многочисленных «Гераклид», где в повествовании о приключениях Геракла в Скифии в ка-

---

[49] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 319.

[50] Ср.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. Основываясь на этом сообщении Геродота, Б. А. Рыбаков считает, что историк лично был в Кремнах (на Меотиде) и видел крепости, воздвигнутые Дарием. Целью путешествия Геродота в Скифию, по мнению Б. А. Рыбакова (с. 64), было желание пройти по маршруту Дария от Боспора Фракийского до Меотиды (о достоверности маршрута похода Дария см. с. 158 настоящей работы).

[51] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 319.

[52] Гриневич К. Э. Указ. соч., с. 5 сл.; Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 71. В этом сообщении Геродота Б. А. Рыбаков усматривает доказательство «эффекта присутствия».

[53] Ср. соображение Кольстера, считающего, что сомнений не могло бы быть лишь в случае употребления Геродотом выражения ἐφαινόν μοι (Kolster W. H. Das Land der Skythen, S. 592).

честве доказательства его пребывания там могло быть упоминание и об этом «следе» героя.[54]

Что касается автопсии Геродота в отношении Колхиды, точнее сказать, греческого города-колонии Фасис, расположенного на реке того же названия, и его поездки вдоль восточного берега Понта вплоть до Синдики на Таманском полуострове, то подтверждение этому исследователи видят в том, что Геродот приводит сравнительные измерения Геллеспонта, Боспора Фракийского и Понта, произведенные им самим (по его собственному заявлению) посредством исчисления времени, необходимого для прохождения судов по этим водным бассейнам (IV, 86). Кроме того, в книге II, посвященной описанию Египта, Геродот сам свидетельствует о том, что он расспрашивал колхов об их египетском происхождении, о котором они помнили лучше, нежели сами египтяне (II, 104). Из этих слов с точностью следует, что Геродот был в Колхиде лично и общался с местным населением. Что же касается сведений о Таврике (Крым), то совершенно очевиден книжный и нарративный характер сведений Геродота, поскольку он рассказывает об этом в связи с киммерийцами и ни словом не упоминает о боспорских греческих городах, уже существовавших в тот период. Объяснение причин этой «фигуры умолчания» у Геродота вызвало к жизни обширную дискуссию,[55] которая так и не получила своего положительного разрешения, ибо все приводимые объяснения весьма уязвимы для критики.

Как представляется, наименее натянутое объяснение этого факта следует искать в самом замысле Геродота. Он писал о Скифии, являвшейся плацдармом военных действий во время похода Дария. Греческие города-колонии для Геродота-путешественника были ординарным явлением и, кроме того, никакой роли в походе Дария не играли. Естественно, что Геродот упоминает только те города, которые ему необходимы как какие-то точки отсчета в его путешествии (Тира, Керкинитида) или важны для уяснения картины похода (Кремны).

---

[54] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 320.

[55] Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1953, с. 112 сл.; ср.: Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 66.

Таким образом, если исходить из всего изложенного выше, можно сказать, что Скифский логос Геродота, безусловно, свидетельствует об автопсии, которая значительно шире тех узких рамок, которые ставил для нее Д. Мэкен,[56] ограничивая пребывание Геродота в Скифии одной лишь Ольвией, с более или, скорее, менее продолжительным пребыванием в ней. Современные исследователи склоняются к расширению рамок автопсии Геродота и считают, что прибрежную полосу, занятую греческими городами-колониями между Византием и Ольвией включительно, Геродот знает на основании автопсии, равно как и Колхиду (Фасис).[57] Но, безусловно, автопсия Геродота не так широка, как это предполагает Б. А. Рыбаков.[58] Как представляется, подробный рассказ Геродота о Скифии основан главным образом на информации, полученной им как во время пребывания в Ольвии, так и во время поездок из нее, предпринимавшихся «отцом истории» неоднократно. И высокая оценка, данная в свое время свидетельствам Геродота таким глубоким исследователем, как Н. И. Надеждин, сейчас уже не выглядит чрезмерно восторженной, а всего лишь справедливой: «Нашей Скифии предпочтительно перед прочими, несравненно более интересными странами земного шара, выпала счастливая доля найти именно в Геродоте, отце истории, и отличного наблюдателя, и отличного живописца. Геродот, сам бывший в Скифии..., описал ее с какой-то особенной любовью, с какой-то пристрастной нежностью, не пренебрегая ни малейшими подробностями, какие мог схватить или личным наблюдением, или прилежными расспросами у туземцев. Можно сказать, что представленная им картина Скифии есть редкий образец географической полноты и отделки, каких только могла удостоиться варварская страна от спесивой классической древности».[59]

---

[56] Macan J. Herodotus. The fouth, fifth and six books. London, 1895, p. 12.

[57] Жебелев С. А. Указ. соч., с. 324; ср.: Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 8.

[58] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 32.

[59] Надеждин Н. И. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. — ЗООД, 1844, т. I, с. 9.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абавх 173
Абаев В. И. 57, 77, 81, 111, 160, 187—189
Абрамзон С. М. 178
Акишев К. А. 140
Александр Македонский 49
Али В. 156
Алихова А. Е. 134, 135
Аммиан Марцеллин 135, 209
Анахита 193, 195
Андреев Ю. В. 177, 180
Анохин А. М. 172
Анфимов Н. В. 72
Апи 186, 187, 191, 194, 197, 207
Аполлон 186, 199, 200
Аргимпаса 140, 186, 187, 191, 192, 194, 197, 207, 210
Арес 186, 202, 203
Ариант 113
Аристей 65, 80
Армайор О. К. 222
Артамонов М. И. 35, 77, 79, 80, 82—95, 97, 99—103, 105, 107, 108, 110—112, 114—120, 122, 124, 125, 127, 131, 132, 134, 150, 152, 154, 164, 167, 169, 170, 176, 183, 186—194, 196—201, 203, 204, 206—208, 210, 213
Артамонова О. А. 71, 103
Атей 168, 170—172, 174, 206
Афродита Апатура 192, 196, 207
Афродита Урания 186, 191, 193, 196, 210
Ахилл 201
Ахмедов Б. А. 178
Ашик А. Б. 29, 30

Байер Т. Г. З. 10—16, 20, 26, 32, 36, 37, 91, 108, 118, 121, 132, 140, 151, 152
Бароний Ц. 8
Бек П. 97
Беккер П. В. 30
Белов Г. Д. 148, 150
Бельский М. 8
Березовец Д. Г. 106
Бернштам А. Н. 141
Берчу Д. 203
Бессонова С. С. 186, 189, 191, 195, 197, 199, 200, 202, 203
Блаватская Т. В. 229
Блаватский В. Д. 74—77, 97, 98
Бларамберг И. П. 219
Болтенко М. Ф. 91, 201
Болтин И. Н. 19, 20
Болтрик Ю. В. 203
Боннель Э. 36, 37, 72, 97, 108, 192
Бороздин И. Н. 221
Ботер И. 8
Брандштеттер Т. 218
Браун Ф. А. 39, 40, 55, 56, 85, 87, 111, 136, 138—140, 161
Брашинский И. Б. 190, 212
Брун Ф. К. 34, 35, 37, 48, 76, 85, 101, 121, 124, 142, 152, 161
Бузескул В. П. 214, 215
Бунятян Е. П. 101
Бурачков П. О. 39, 40, 108
Бэр К. 35, 36, 121, 138

Вайнштейн С. И. 176
Ваксель Л. 23—24
Васецкий Г. С. 17
Великанова М. С. 153
Веселовский Н. И. 88, 113
Видебант О. 156
Винклер Г. 78
Виноградов Ю. Г. 72, 151, 196, 221

Вергилий 9
Воеводский Л. Ф. 209
Воронцов М. С. 23

Гаглойти Ю. С. 136
Гайдукевич В. Ф. 74, 151, 170, 175, 221
Ганзен А. 215
Гатри М. 23
Гваньини А. 8
Гекатей 156, 157, 214, 222
Геракл 186, 199, 204, 205, 212, 226, 228, 229
Герберштейн 8
Герен А. 36
Герион 204
Геродот — passim
Герц К. К. 23, 30
Гесиод 197
Гестия (Гистия) 186—189
Гея 186, 191
Гиппократ (Пс.) 210
Гойтосир 186, 199, 200
Голицын Л. Л. 127
Гольмстен В. В. 69
Гомер 7, 9
Гордиенко И. И. 160
Городцов В. А. 55, 67—69, 127
Готье Ю. В. 150
Гошкевич В. И. 217
Граков Б. Н. 71, 72, 75, 79, 80, 82—84, 86, 88, 91—95, 98—100, 103, 106, 109, 112, 113, 116, 117, 119—121, 123, 127, 129, 133, 135, 136, 139, 143, 144, 148, 149, 151, 155, 156, 167—171, 174—176, 188—190, 193, 194, 197, 198, 204—208, 210
Грантовский Э. А. 67, 175, 183, 184, 208, 211
Греков Б. Д. 17, 110, 166
Григорьев В. В. 30, 48
Гриневич К. Э. 214, 217, 220, 221, 228
Гэль И. Б. 26

Дальман Г. 215
Дарий 32, 35, 37, 38, 56, 63, 115, 158, 159, 175, 223, 228, 230
Дашевская О. В. 112
Дебец В. Ф. 81
Дельбрюк Г. 183
Деметра 216, 226
Демосфен 45
Деркето 192
Джавахишвили И. А. 144
Диодор Сицилийский 8, 9, 171
Длугош Я. 8
Доватур А. И. 4, 186, 225
Доманский Я. В. 97—100
Думшин Г. 33
Дьяков В. Н. 149, 150
Дьяконов И. М. 66, 75—78, 150
Дюбрюкс П. 25
Дюбуа де Монпере Ф. 24

Елагина Н. Г. 168, 176
Ельницкий Л. А. 66, 73, 74, 77, 78, 83, 84, 102, 117, 124, 135, 136, 140—142, 151, 157, 178, 188, 189, 192, 200, 201, 206, 208, 213
Ерепов А. Е. 178
Ехидна 192

Жебелев С. А. 58, 61—63, 66, 72, 75, 76, 90, 96, 101, 103, 123, 125, 135, 139, 140, 142, 150, 151, 159, 164—166, 170, 171, 175, 185—189, 191, 197, 201, 204, 214, 216, 218, 220, 224—230

Забелин И. Е. 18, 50—53, 104, 111, 113, 121, 125, 127, 134, 147
Загоскин Н. Н. 54
Збруева А. В. 137, 138, 145
Зевс 186, 197, 198, 200, 201, 203
Златкин И. Я. 178
Зуев М. П. 141

Иванова А. П. 196
Идантирс 115
Иессен А. А. 71, 74, 75, 79
Иловайский Д. И. 18, 52, 147
Ильинская В. А. 85, 106, 107, 108, 110, 112, 116, 117, 121, 126, 129—133, 154
Ильясов С. И. 178
Иштар (Астарта) 193, 195

Йима (Йама) 201

Кадырбаев М. К. 140
Каллистов Д. П. 58, 83, 98, 110, 170—172, 175

Капошина С. И. 97, 99, 218, 220, 221
Карамзин Н. М. 21, 22
Карейша Д. В. 30
Карышковский П. О. 216, 218
Кашпар А. О. 88
Келер Г. К. 26, 27
Келлер Х. 13, 219
Кене Б. В. 30
Кеппен П. И. 26
Кибела 192
Кир 223
Кисслинг М. 227
Кларк Э. 24
Клейн Л. С. 35, 89, 90
Климент Александрийский 170
Клингер В. П. 48
Ключевский В. О. 20
Книпович Т. Н. 99
Ковпаненко Г. Т. 69, 101, 126, 129
Колаксай 17, 195, 207
Кольстер В. 215, 229
Кондаков Н. П. 193
Коте Г. 76
Косцюшко-Валюжинич К. К. 148
Коцевалов К. 218
Кошеленко Г. А. 188
Краснодубровский С. С. 127
Крез 226
Кречетов П. Н. 34, 37—39, 85
Кречмер К. 108, 142
Кривцова-Гракова О. А. 69—71, 79, 99
Крис Х. И. 76, 148, 150
Кругликова И. Т. 72, 74, 160
Крупнов Е. И. 66, 68, 73, 74, 77
Крушкол Ю. С. 72, 74
Кузьмина Е. Е. 213
Куклина И. В. 75, 210

Лапин В. В. 98, 100, 103
Лаппо-Данилевский А. С. 40, 41—45, 58, 163, 165, 192, 198
Латышев В. В. 25, 57, 97—98, 216, 220, 227
Лашук Л. П. 175, 178
Левенок В. П. 134
Леви Е. И. 220
Лейбниц Г. В. 9, 10
Леманн-Хаупт К. 66, 76
Ленорман Ф. 76
Леонтьев П. М. 24, 27, 30
Лесков А. М. 70, 75, 148—150
Либеров П. Д. 35, 72, 106, 107, 110, 121, 124, 126, 130, 132, 135
Ливий Тит 209
Линднер Ф. 33
Липоксай (Лип) 91
Лихачев Д. С. 6
Ломоносов М. В. 13, 14, 17, 18, 52, 147
Лукиан 173
Лурье С. Я. 222
Лызлов А. И. 7—9
Люперсольский П. И. 96, 97

Майрес Дж. Л. 157
Манцевич А. П. 152
Маргулан А. Х. 140, 142
Маринович Л. П. 188
Марков Г. Е. 176, 178, 181
Маркс К. 164, 177, 179, 203
Мароньский С. 124
Марр Н. Я. 165, 166
Марченко К. К. 100
Мацулевич Л. А. 144
Мачинский Д. А. 188, 202
Мела Помпоний 220
Мельгунов А. Н. 23
Мельниковская О. Н. 119, 120, 133, 134, 153
Мелюкова А. И. 71, 79, 82, 86, 88, 91, 92, 99, 101, 103, 105, 106, 112, 116, 121, 144, 151—153, 156, 167, 169, 175
Мехевский М. 8
Мещерский Н. А. 6
Миллер А. А. 193, 195
Миллер В. Ф. 56, 81, 82, 139
Миллер Г. Ф. 17
Миннз Э. 35, 77, 82, 118, 121, 140
Мищенко Ф. Г. 45—48, 76, 81, 82, 96, 97, 111, 113, 115, 118, 121, 127, 132, 136, 138—140, 142, 144, 152, 215, 216, 223, 224
Морган Л. Г. 41, 163
Мортилье А. 193, 195
Муравьев-Апостол И. М. 23, 219
Мурзакевич Н. И. 26
Мэкей Д. 224, 230
Мюллепгоф К. 215

Надеждин Н. И. 32, 33, 37, 51, 61, 85, 121, 123, 230
Наливкина М. А. 148

Нартов А. 6
Нейман К. 139, 215, 220, 224
Нибур Б. Г. 215
Новиков Н. И. 7, 8
Новосельцев А. П. 44

Овидий 9
Огинский А. 6
Октамасад 221
Ольховский В. С. 114
Оразбаев А. М. 140
Орлов А. С. 6
Оросий Павел 170

Павсаний 226
Палак 166, 169
Паллас П. С. 24, 25, 219
Пападимитриу С. Д. 217
Папай 186, 197—199, 201, 203, 207
Пашуто В. Т. 44
Пекарский П. 11, 19
Першиц А. И. 174, 177—179
Петр I 10
Петренко В. Г. 80, 83, 116, 117
Пештич С. Л. 17, 19
Пиотровский Б. Б. 66, 75
Плетнева С. А. 178—181
Плиний 21, 220
Плутарх 154, 155, 170, 222
Погодин М. А. 118
Погребова Н. Н. 83, 102, 169
Полибий 45
Полиен 170
Пономарев П. А. 127
Попова Т. Б. 72
Посейдон 186, 200, 201
Постумий Луций 209
Потапов Л. И. 178
Потоцкий И. О. 24, 76, 118, 123
Потратц И. 73
Придик Е. М. 23
Протоген 26, 97, 136
Птолемей 220
Пыпин А. 19
Пьянков И. В. 139
Пятышева Н. В. 148

Рабичкин Б. М. 100
Равдоникас В. И. 45, 164—166
Раевский Д. С. 77, 100, 139, 162, 184, 188, 190, 195, 196, 199, 201, 202, 204, 206, 208, 210—213
Рау П. 69, 146
Рауль-Рошетт Д. 26
Рейнак С. 25
Реннел Дж. 218
Родд Ф. П. 177
Ростовцев М. И. 56—60, 62, 76, 77, 79, 81—83, 87, 144, 163, 174, 187, 190, 192, 193—195, 199, 200
Рохлин Д. Г. 190
Рубинштейн Н. Л. 21
Руденко С. И. 138, 140, 194
Румянцев Н. П. 23
Русяева И. В. 100, 101
Руф Курций 9
Рыбаков Б. А. 63, 84, 95, 96, 100, 105, 109, 110, 113, 120, 121, 123, 129, 135, 137, 139, 153—161, 218, 227—230
Рыков П. С. 69

Сабатье П. П. 30
Саблуков Г. С. 127
Сальников К. В. 140, 141, 144, 208, 209
Самоквасов Д. Я. 53, 54, 67, 72, 87, 104, 110, 115, 116
Свенцицкая И. С. 218
Свирский В. Р. 17
Сейс А. 223
Семенкович В. Н. 124
Семенов-Зусер С. А. 7, 9, 13, 19, 39, 45, 164, 165, 176
Синицын М. С. 101
Скадовский Г. Л. 87, 90
Скил 89, 175, 216, 220, 221
Скилур 166, 169
Скржинская М. В. 100, 101
Скуднова В. М. 148
Славин Л. М. 108
Смирнов А. П. 72, 79, 84, 85, 94, 106, 109, 114, 116, 119, 120, 126, 133, 135—138, 144, 145, 150, 152, 167, 174, 230
Смирнов Г. Д. 153
Смирнов К. Ф. 121, 122, 137, 138, 141, 143—147
Смолин В. Ф. 76
Снесарев Г. Н. 114
Соболевский А. И. 56, 81, 82, 201
Солнцев А. А. 109
Соловьев С. М. 49, 50
Соломоник Э. И. 168, 175
Спасский Г. И. 30

Спицын А. А. 54, 55, 88, 104, 105, 107, 109, 110
Старовольский С. 8
Старчевский А. 7
Стемпковский И. А. 25, 26, 219
Степанов П. Д. 137
Столяр А. Д. 149
Страбон 21, 38, 66, 170, 189, 220
Стржелецкий С. Ф. 148, 150
Стрийковский М. 8, 9
Строганов С. Г. 23
Струве В. В. 224
Сулимирский Т. 73, 105
Сумароков П. П. 23, 25, 219

Табити 186, 187—189, 191, 193—195, 197
Тагимасад 186, 200—202
Тальгрен А. М. 72
Таргитай 188, 195, 198, 199, 203—206
Татищев В. Н. 14—16, 20
Тацит 22, 43
Теофраст 147
Тереножкин А. И. 68—72, 79, 80, 82, 83, 85, 95, 105—106, 110, 112, 120, 122, 133, 154, 172—176, 208
Тимн 89
Тит Ливий 209
Тихомиров М. Н. 14
Токарев С. Н. 212
Толстов С. П. 58, 140, 147, 167, 174
Толстой И. И. 193
Томашек В. 56, 103
Тредиаковский В. К. 18, 19
Третьяков П. Н. 82, 105, 112, 119—121, 134—136
Трог Помпей 21
Троицкая Т. Н. 112
Трубачев О. Н. 126
Трубникова Н. В. 137
Тураев Б. А. 221
Тюхэ 189

Уваров А. С. 30, 219
Удальцов А. Д. 82, 104, 105, 120
Удальцова З. В. 160
Уиннингстон А. 177
Умняков И. И. 141

Фабрициус И. В. 82, 83, 105, 114, 122, 124, 125, 130, 156
Фармаковский Б. В. 219, 221
Федоров-Давыдов Г. А. 178
Филлипс Э. Д. 194, 195
Флавий Иосиф 6
Фомепко Е. А. 101
Фомин А. Д. 109
Формозов А. А. 150
Фролов Э. Д. 7, 11, 24, 27
Фронтин 170
Фролнов И. Я. 44
Фукидид 45

Хазанов А. М. 171, 173—177, 179, 183, 206, 208, 221, 224
Ханенко Б. И. 104
Ханенко В. И. 104
Харко Л. П. 196
Харматта 73
Хвойко В. В. 104
Хойзинга И. 7
Хоммель Ф. 77

Черепнин Л. В. 15, 17, 19
Чередниченко Н. Н. 70
Черников С. С. 83, 142
Чистякова Н. А. 7
Членова Н. Л. 213

Шапелль Ж. 177
Шапошников А. Н. 101
Шарпантье Ж. 76
Шафарик П. 53, 54, 56, 120, 124, 136
Шафранская Н. В. 97, 98
Шелов Д. Б. 168, 173, 192, 200
Шилов В. П. 137, 146
Шишова И. А. 102, 155—157, 164
Шлецер А. 20, 21, 223
Шмид Б. 225
Шмидт А. В. 137
Шрамко Б. А. 106, 109, 110, 117, 121, 124—132, 134, 135, 194
Штейн Г. 157
Штительман Ф. М. 97, 100
Шульц П. Н. 72, 74, 76, 102, 148, 149

Щепинский А. А. 69, 150
Щербакивский В. 92, 125
Щербатов М. М. 19

Эберт М. 72
Эйхвальд Э. 31, 32, 108, 118, 132, 140

Энгельс Ф. 164, 165, 177, 179, 203
Эфор 21

Юргевич В. Н. 23, 96—97, 220
Юстин 9, 170

Якоби Ф. 159, 214, 216, 220, 226
Якобсон А. Л. 148
Яценко И. В. 72, 82, 83, 99, 108, 112, 113, 117, 162, 169, 175, 184, 208, 213
Яцунский В. К. 14

ЭТНО-ГЕОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агафирсы 63, 125, 151—153
Аламышикский могильник 141
Александропольский курган 87, 194
Ализоны 83, 94, 95, 101—103, 227
Амазонки 9
Ананьинская культура 137, 138, 145
Андроновская культура 141, 144
Андрофаги 16, 63, 92, 95, 122, 131—133, 223
Аракс, р. 12, 64, 65, 79, 223
Аргиппеи 36, 48, 140
Аримаспы 48, 141, 142
Аска́лон, г. 191
Ассирия 66
Афины, г. 19, 225, 226
Ахиллов бег 226

Бабы курган 112
Басовское городище 133
Белозерское городище 87, 90
Бельское городище 92, 94, 127—130
Близница Большая и Малая, курганы 197
Борисфен, р. 16, 22, 26, 42, 51, 56, 86, 87, 90, 92—94, 103, 117, 118, 136, 160, 198, 203, 205, 215—218, 225, 227
Борисфениты 90, 109, 110, 160, 216—218
Боспор Киммерийский 25, 30, 65, 66, 72, 202
Боспор Фракийский 63, 228, 229
Боспорское царство 25, 29
Будины 32, 36, 38, 39, 56, 63, 92—95, 120—126, 128, 130, 131, 134, 223
Будинское озеро 38
Будянское городище 124, 130

Вавилон 63, 220
Венеды 22, 32, 118
Высоцкая культура 92

Гайманова могила, курган 190, 211
Галлы 77
Галущинское городище 130
Геллеспонт 229
Гелон, г. 36, 92, 94, 123, 126—130
Гелоны 39, 92, 94, 95, 120, 123—126, 128, 129, 131, 134
Гераклея Понтийская, г. 172
Геррос, р. 13, 86, 111, 112, 115, 117, 160, 161, 227
Герры 86, 87, 90, 115, 161, 227
Геты 22, 84
Гилея 108, 160, 226
Гипакирис, р. 13, 35, 39, 87, 160, 161, 227
Гипанис, р. 26, 33, 38, 90—95, 101, 103, 110, 118, 216—218, 223, 227
Гиперборей 11, 48, 141
Гипполаев мыс 216, 226
Городецкая культура 136, 137
Готы 19, 20, 56
Греко-Бактрийское царство 15
Грифы (грифоны) 141, 142
Гунны 19

Дельфы, г. 226
Джаркимбаевский могильник 141
Джергетальский могильник 141
Диоскуриада, г. 135
Дорт-Оба, курган 88

Египет 220, 225, 229
Елесина яма, курган 208

Золотой курган 29

Иирки 36, 138
Исседоны 18, 65, 80, 140, 141, 143
Истр, р. 22, 83, 86, 93, 150, 151, 170, 225

Кавказ 31, 65, 68, 73, 124, 135, 136
Каллипиды (эллино-скифы) 16, 83, 94—101, 216
Каллатия, г. 172
Каменское городище 109
Караван, городище 194
Карагодеуашх, курган 59, 193, 198—200
Каркинит, г. 38, 40, 148, 151
Каркинитский залив 35, 151, 161
Катакомбная культура 55, 67, 71, 72
Кизил-кобинская культура 72, 148
Кимвры 20, 22, 76
Киммерий 66
Киммерийские переправы 65
Киммерийские стены 65
Киммерийцы 11, 22, 31, 55, 64—80, 150, 229
Киммерия (Киммерийская земля) 64, 65, 223
Кнышевское городище 133
Кобанская культура 73, 74
Колхи 135, 229
Колхида 124, 222, 229, 230
Кремны 228, 230
Куземинское городище 129
Куль-Оба, курган 25, 29, 59, 197, 201, 202, 207, 212

Лемнос, о. 77
Лидия 226
Лысая гора, курган 198, 199

Марий, р. 151, 152
Макеевское городище 124, 130
Массагеты 12, 18, 64, 80, 201, 223
Мастюгинские курганы 125
Мезия 77
Меланхлены 63, 92—95, 122, 123, 131—136, 223
Мелитопольский курган 205
Меотида, оз. 32, 63, 94, 113, 142, 151, 158, 170, 228
Меоты 94, 95, 144
Мерджаны, курган 194
Мидия 65
Миксэллины 97, 98, 102
Милоградская культура 119

Неврида 92, 118, 119, 122
Невры 32, 92—95, 107, 118—120, 122, 223
Немировское городище 107
Никопольский могильник 113
Нимфей, г. 148

Оар, р. 158, 169, 228
Ольвиополиты 96, 98, 216, 218
Ольвия, г. 25, 26, 57, 83, 89—91, 94, 96—101, 103, 107, 110, 130, 143, 158, 159, 185, 214—221, 225, 226, 228, 230
Острая могила, курган 117

Пазырыкские курганы 194
Пантикап, р. 12, 13, 108, 109, 111, 159, 160, 227
Пантикапей, г. 25, 29, 89
Персия 4, 19, 225
Персы 63, 115
Подгорцевская культура 95
Понт Эвксинский 3, 25, 56, 64, 148, 204, 216, 218, 222, 225, 226, 229
Праславяне 105, 136, 218
Проконнес, г. 65

Раскопана могила, курган 112
Рим 19, 22
Римляне 20
Роксоланы 17, 18, 52, 147

Савроматы (сарматы) 10, 16, 17, 19—22, 36, 37, 47, 49, 50, 52, 56, 63, 94, 95, 121, 137, 142—147, 165
Саки-тиграхауда 48, 80, 84
Сарды, г. 156
Саудараты 136
Синды 77
Синопа, г. 65
Синты (синтии) 77
Скифы — passim
Скифы-земледельцы 42, 55, 81, 89, 90, 93—95, 108—110, 160, 216, 218
Скифы-номады (кочевники) 56, 79, 81, 82, 86, 89, 93—95, 102, 105, 108, 109, 111—114, 117

Скифы отложившиеся 138, 139
Скифы-пахари 48, 52, 55, 90—95, 102—107, 109, 110, 117, 119, 160, 227
Скифы-скотоводы 111
Скифы царские 32, 47, 50, 82, 86, 87, 89, 93—95, 111—114, 117, 133, 138, 139, 142, 170, 186, 200, 201
Сколоты 104, 105
Славяне 10, 12, 16—19, 22, 31, 32, 42, 43, 44, 52—54, 56, 104, 105, 120, 147, 164
Слоновская Близница, курган 205
Солоха, курган 87, 211
Спарта 19
Срубная культура 55, 67, 70—72, 79, 80, 137, 144
Сузы, г. 156

Таврический п-ов 74, 76, 150
Тавры 76, 95, 147—150
Танаис, р. 34, 35, 84, 86, 93—95, 120, 142, 143, 147, 158, 223
Тасмолинская культура 140—142
Тира, г. 30, 228, 230
Тирас, р. 26, 65, 72, 77, 84, 86, 91, 94, 101, 118, 159, 223, 228, 229
Тириста, г. 77
Тиритака (Тиристака), г. 77
Тиристасис, г. 77
Тиристрия 77
Тириты 228, 229
Тиссагеты 36, 136, 138
Томаковская могила 51
Треры 77
Трубчевское городище 134

Урарту 66
Усуни 141

Фасис, р. 135, 229, 230
Фракийцы 63, 76, 77, 103
Фракия 77, 221

Херсонес, г. 30, 148, 205

Цимбалка, курган 197

Частые курганы 59, 125
Чертомлык, курганы 29, 51, 87, 193, 195, 201, 205
Чмырев курган 205
Чудаки, городище 208

Шарповское городище 124, 130
Широкий курган 88
Ширяевское городище 133

Эдесса, г. 15, 39
Эксампей 91, 92, 94, 102, 103, 207, 222, 224, 226, 227
Эмпорий борисфенитов 216—218
Энареи 210
Эфес, г. 156

Юхновская культура 95, 123, 134, 135

Ямная культура 55, 67

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества

ЗООД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЖ	— Исторический журнал
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	— Народы Азии и Африки
ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ПИСПАЭ	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
ПСА	— Проблемы скифской археологии. М., 1971 (МИА, № 177)
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
СЭ	— Советская этнография
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ФО	— Филологическое обозрение
ЧНИИ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
AJA	— American Journal of Archeology
AJP	— American Journal of Philology
BCH	— Bulletin de correspondance hellenique
CAH	— The Cambridge Ancient History
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
Fr. Gr. Hist.	— J. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923
IPE	— Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hrsg. von W. Kroll.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Раздел I

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Глава 1. Скифский рассказ Геродота в историографии XVIII и начала XIX в. 6

Глава 2. Скифский рассказ Геродота в исследованиях русских ученых XIX—начала XX в. 29

Раздел II

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Глава 1. Этническая география Скифии по Геродоту 61

Глава 2. Общественный строй и проблема скифской государственности 163

Глава 3. Религиозные представления скифов по Скифскому рассказу Геродота 185

Глава 4. Вопрос об автопсии Геродота в Северном Причерноморье 214

Именной указатель 231

Этно-географо-археологический указатель 236

Список сокращений 238